

Спасти Императора!

Герман
Романов

«Попаданцы» против ЧК

НОВЫЙ роман от автора бестселлеров «Спасти Колчака» и «Спасти Каппеля»! Кульминация «альтернативной трилогии» о Гражданской войне. Неожиданный поворот вечного сюжета о «попаданцах» — в 1918 год проваливаются не наши современники, а фронтовики Второй Мировой. И не красноармейцы, а бойцы РОНА — Русской Освободительной Народной Армии, воевавшей против Сталина.

Что им делать на «той единственной Гражданской», однажды уже проигранной белыми? Еще раз пройти все круги этого ада, чтобы сгинуть в Великом Сибирском Ледяном походе или расстрельных подвалах ЧК? Бежать за границу, спасая собственную шкуру и бросив Родину на произвол судьбы? Или попытаться вправить вывих истории, использовать второй шанс, подаренный судьбой, и СПАСТИ ИМПЕРАТОРА!

- [Герман Романов](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Эпилог](#)
-

Герман Романов

**СПАСТИ ИМПЕРАТОРА! «ПОПАДАНЦЫ» ПРОТИВ
ЧК**

Поганкино учорище, 22 октября 1905 года

— Там дым, господин унтер-цер!

Молодой солдат от напряжения дал лошади шенкеля, а та, реагируя на боль, ударила копытом по грязи, забрызгав полу шинели, и сразу пошла боком.

— Колени слабони, дурень, твою мать!

Усатый вояка в чине младшего унтер-офицера с двумя лычками из белой тесьмы на погонах, с медалями на груди поверх серой кавалерийской шинели привычно рыкнул на неопытного кавалериста крепким словом.

— И повод ослабь, не дергай! — тихо прошипел еще один выдавший виды солдат, на погоне которого казанской сироткой примостилась лычка ефрейтора. Он медленно подъехал сбоку, незаметно для всех дал новобранцу легкий подзатыльник.

— Учи вас, бестолковых!

— Ты же местный рожак, Фомин, что там такое гореть может?!

Унтер повернулся к усатому ефрейтору, напряженно ерзавшему в седле, и показал на белесый дымок, что вился столбиком над далеким лесом, подернутым сизой холодной дымкой.

— Худое место, Ермолай Кузьмич. Очень худое!

— Ты меня не пугай без толку, Федот Федотыч, я стреляный воробей, а не пуганая ворона. Говори порядком!

— Поганкин Камень там на болоте стоит, а потому все учорище Поганкиным называется. Все его сторонятся, с опаской обходят...

— А горит-то што?!

— Лесник помещика здешнего, мой дядька родный, там сено косит завсегда. Трава добрая урождается на болотине. Там себе и хатку малую спроворил. Видно, она и горит, али сено запылало — дым-то серый! Надо съездить, глянуть...

— Ага, — только и сказал унтер и мрачно посмотрел на своих солдат, что ерзали в седлах рядышком.

Всего было тринадцать всадников, во главе с унтером и ефрейтором. Все в шинелях с нашитыми жгутами на рукавах, в черных мерлушковых гусарских шапках, поперек груди патронташи, за спинами драгунские винтовки, при шашках.

Нехорошее число, несчастное — чертова дюжина, но унтер-офицер Карабеев в приметы верил мало. Вот только с утра под ложечкой неприятно сосало, и, наученный долгой военной службой, Ермолай Кузьмич знал, что в таком случае надо ждать неприятностей. Тем паче сейчас, когда Россия впала в смуту!

Вот уже месяц, как их 17-й Черниговский гусарский полк великого князя Михаила Александровича был рассыпан эскадронами и взводами по обширному пространству Орловщины и Брянщины, пытаясь навести хоть какое-то подобие порядка. Кругом творилось такое, что у гусар мурашки по коже бежали.

Горели помещичьи усадьбы, подожженные озлобленными крестьянами. Новоявленные террористы метнули бомбу в полицмейстера, разорвав в мелкие клочья. Преступные шайки рыскали по уездам, наводя ужас на честных обывателей.

Стоило государю Николаю Александровичу подписать манифест о дарованных свободах, как грянула смута великая, хоть святых выноси. Пока армия кое-как с ситуацией справлялась, но было жутковато — пожары, убийства и грабежи стали повсеместными.

Карабеев тихо выругался про себя — эскадрону сейчас хорошо, в Локоти Брассовское имение полкового шефа великого князя Михаила охраняет, зато его полувзвод на поиск шайки направили, что купца Оладьева вместе с женой и приказчиками зверски на тракте умертвили, а имущество разграбили.

И ведь в здешних лесах мерзавцы скрываются, знать бы где. Но на то у него ефрейтор есть — Фомин, здешний уроженец, а потому их полувзвод и отправили на поимку зловредных и жестоких татей.

— Туда и поедем, может, там эти твари и озоруют. Прищучим их на месте. — Унтер дернул поводья, и лошадь послушно пошла по раскисшей проселочной дорожке.

А Фомин обреченно вздохнул, ехать туда ему совершенно не хотелось, ибо дядьку люто ненавидел, всеми фибрами души — потравы да кляузы одни от такого родича, чтоб его притолокой шарахнуло, пакостника. Но и послушаться приказа командира он не мог — дело служивое.

Однако дедовский совет ефрейтор хорошо помнил — в полнолуние на Поганкино урочище лучше не соваться даже днем, ибо страшные вещи могут с любопытными сотвориться. А потому он на всякий случай пробормотал молитву и проверил, как выходит клинок из ножен.

До леса добрались быстро, но как въехали гусары в темную чащу, стали тревожно оглядываться. Как по команде, сняли винтовки, дослали патроны затворами и держали их под рукой, поперек седла. Причудливые тени разлапистых елей наводили страх даже на стойкие гусарские души, а треск сухих прутьев под копытами коней нагонял ещё больше жути.

Но страх страхом, а устав уставом, и унтер Карабеев блюл его со всей строгостью. И пришлось ефрейтору Федоту Фомину взять всего троих, но самых опытных гусар, отслуживших уже по три с половиной года, и с ними отправиться в передовой дозор.

Солдаты были знающие, от кустов не шарахались, смотрели в разные стороны и к соседу не заглядывали — каждый понимал, что напасть могут с любой стороны, а потому внимательно озирались. Под копытами чавкала вода, из-под бревен старой гати плескалась черная жижа — болото манило свои жертвы твердыми на вид кочками.

Фомин заранее предупредил гусар, те стереглись ступить на моховое покрывало — не так и мало потопло в этом урочище людей и домашней скотины.

Вскоре гать закончилась, и дорожка опять запетляла между деревьями и кустами. Но, миновав пушистые ели, проселок вывел кавалеристов на широкий желто-зеленый луг, и в ноздри солдат ударил запах сгоревшей травы. Огромная черная проплешина еле дымилась, далеко за ней стоял еще один зарод сена, а дальше, у самой кромки кустов, проступала жердевая крыша летнего балаганчика или хатки, как его называли в этих местах.

За кустами хорошо виделась серая громада таинственного камня, испещренного изломанными трещинами. Поганкин Камень, он самый, проклятый — мороз острыми иглами пробежал по коже ефрейтора.

— Пошто один зарод пожгли, а другой вовсе не тронули? — усатый гусар с мудреной фамилией Иваннопулос, родом из крымских греков, повернулся в седле, придерживая винтовку рукой.

Фомин огляделся и вздрогнул — у балаганчика что-то белело, вроде исподней рубашки или белой накидки. Он дал шенкеля своей гнедой кобыле и подъехал поближе. И тут же испытал такую тошноту, что кое-как сглотнул и остановил рвоту.

Посмотрел на своих — парни позеленели прямо на глазах, а тощий Корчегин, туляк, наклонился в седле и выблевал завтрак на траву. И было отчего: из-за второго стожка, который поменьше, виднелась молодая баба с изломанным от боли лицом, раскинувшая руки в стороны. Одежды на ней не было — окровавленные клочья усеяли пожухшую траву. Загорелые руки

оттеняли молочную белизну груди и части живота, покрытые темными пятнами то ли укусов, то ли успевших налиться синяков. Остальное было скрыто стогом, но заглядывать за него совсем не хотелось.

— Упыри?! Спаси Христос! — гусар Данилко Кованько истово перекрестился и громко взмолился: — Душу христианскую прими с миром!

Остальные молча перекрестились, с трудом удерживая всхрипывающих от страха лошадей. Не любят копытные смерть и кровь, уйти норовят.

— Не упыри это, — угрюмо бросил Фомин, — а намного хуже! Твари это в образе людском, сволочи! Эх, дядька, дядька... Кто ж тебя так...

В стороне лежал труп мужика в сером зипуне, вот только головы у него на плечах не было. Она валялась рядом, кем-то отсеченная, уставившись стеклянными глазами в хмурое небо. И кровь, всюду пятна и брызги крови. Обида на злосчастного дядьку улетучилась у Фомина мгновенно, ее в душе заменила тягучая боль.

Негромко звякнули уздечки, и он стремительно обернулся на звук — на урочище въезжали гусары во главе с Карабеевым. Корчегин спрыгнул с седла, наклонился над женщиной и через секунду громко закричал:

— Она живая еще, теплая, ресницы дрожат! Кто тебя мучил, бабонька? Да говори ты! Не молчи, дуреха! Ах, тыв...

Крик резко прервался и превратился в душераздирающий хрип. Фомин ужаснулся — из груди солдата торчала длинная оперенная стрела. С губ закапала кровь, он попытался что-то сказать, но рухнул на траву. Не успел ефрейтор осмыслить случившееся, как дикие вопли взорвали тишину урочища. Боже все милостивый!

Гусар Карабеева буквально изрешетили стрелами — солдаты хрипели и падали с седел. Но унтер все же успел начать ответно стрелять из револьвера, за ним грянули выстрелы из нескольких винтовок.

И только сейчас Фомин увидел врага — размахивая над головой кривыми саблями и стреляя из тугих луков, на луг, проломив стенку кустарника, вылетел десяток всадников на низкорослых, гривастых лошадках. Нелепый вид оружия и странная одежда напавших врагов, обшитая металлическими пластинками, круглые щиты и остроконечные шлемы привели даже бывалого ефрейтора в растерянность.

Однако через секунду он опомнился, вскинул винтовку, поймал в прицел одного из нападавших и, выдохнув воздух, плавно потянул спусковой крючок. Отдача ударила прикладом в плечо, и Фомин быстро передернул затвор. Снова прицелился, выстрелил. Затем еще, еще и еще...

Рядом загремели винтовки — вначале одна, потом две. Мозг отказывался понимать происходившее, но вбитые за годы службы рефлексy сами знали свое дело. Краешком сознания он отметил, что с гусарами и самим Карабеевым уже покончено — никто из них не стрелял в ответ, а лошади разбежались по лугу без седоков. Только мертвые тела солдат лежали серыми кочками, утыканные стрелами.

Примитивные луки оказались страшным оружием, но и винтовки Мосина в руках гусар собрали кровавую жатву — из странных воинов уцелело только двое. Но они не побежали — размахивая кривыми саблями и дико визжа на непонятном языке, кинулись в атаку на трех гусар передового дозора.

Фомин закинул на спину винтовку, в которой кончились патроны — их всего пять в магазине. Он понимал, что на перезарядку нужно время, которого остались считанные секунды, — а потому дал шенкеля, бросив лошадь в сторону ближайшего врага, и выхватил шашку из ножен.

— Так это татары?! — выкрикнул грек и тоже пошел на сшибку, поддержав своего командира.

С лязгом встретились стальные клинки, руку отшибло, и Фомин еле ушел от смертоносного лезвия. И тут же по затылку сильно ударило, шапка слетела с головы. Ефрейтор запоздало понял, что его попытались зарубить обратным потягом, но винтовочный ствол спас жизнь. Он оглянулся — Иваннопулос валился из седла, надвое располосованный саблей, а Корчегин вскинул винтовку и выстрелил.

Всадник ненадолго пережил зарубленного им грека и был вышвырнут пулей из седла. Но передернуть затвор винтовки гусар не успел — стальной клинок, который едва не убил самого Фомина, срубил солдата.

Федот Федотович лихорадочно гнал свою лошадь к телу Карабеева, он с народившейся глыбой льда в груди пронзительно понял, что не имеет ни единого шанса в сабельной рубке и спасение только в револьвере. Подскакав, ефрейтор стремительно спрыгнул с лошади и вскинул револьвер, приводя его левой рукой на взвод. Поднял голову — всадник уже преодолел половину луга, дико визжал и размахивал над головой окровавленной саблей.

— Не успеешь, сучий потрох... — прошептали губы, и он, тщательно прицелившись, выстрелил.

Всадник покачнулся, лошадь несла его прямо на Фомина. В отчаянии ефрейтор выстрелил еще раз, потом еще, и тут боек предательски щелкнул — патронов в барабане больше не осталось. Перезарядить оружие времени не осталось. Фомин выхватил шашку, и, защищаясь от удара, поднял ее над головой.

И удар последовал — вот только вместе с саблей на него падал и сам противник. Ефрейтор отпрыгнул в сторону и наотмашь врезал лезвием по узким глазам и реденькой козлиной бороде. Брызнула кровь, и только сейчас гусар понял, что рубанул уже мертвого врага. Да, мертвого — все три пули вошли в грудь напавшего.

Неожиданно на плечи навалилась такая тяжесть, что Фомин сел на траву совершенно без сил. Он так и сидел молча, и лишь только слабый ветерок шевелил на его голове окровавленные, в один миг поседевшие волосы.

Сколько прошло времени, Фомин просто не знал, он не ощущал его бега. Только боль и ужас от непонимания царили в его душе. Бойня ошеломила — за считанные минуты непонятный враг истребил двенадцать гусар, но и сам был уничтожен без остатка. Кругом были только трупы, ни единого стога или хрипа. Даже лошадиного ржания не слышалось — получив свободу, они удрали с луга на гать. Из груди солдата вырвался крик.

— Да что же такое творится, Господи?!

Глава первая

Брянщина, 3–4 сентября 1943 года

Издав пронзительный, режущий душу вопль, дизель заглох. Впервые в тесном и темном броневом ящике Т-34 наступила полная тишина. И сразу стало слышно, как по стальному люку башни долбят сверху хлещущие струи ливня, будто наступившая осень оплакивала царящее кругом смертоубийство.

Громко щелкнула задвижка, но, как только широкая крышка люка была поднята, внутрь хлынул такой поток воды, что танкисты за считанные секунды промокли до нитки.

— Разверзлись хляби небесные, — негромко, чуть нараспев произнес молодой коренастый танкист и рывком выбрался через люк, задев грязными ботинками наводчика.

Тот был полным антиподом командира — худой, вернее, даже тощий мужичок, уже более чем серьезного возраста, далеко за сорок, лицо усыпано нитками морщин и шрамов.

— Ну как, парни, живы? — командир встал на башне и громко заговорил с тремя братьями по танковому племени, что прижимались задницами к еще теплой верхней решетке двигателя.

— Пока живы, господин капитан. Вот только что завтра с нами со всеми будет? Одному Богу известно! — мрачно ответил один из танкистов, стуча зубами от холода, как кастаньетами.

Двое других сидящих ничего не ответили офицеру, их взгляды были безучастно направлены на черное раскисшее покрывало болотины, в которой танк увяз чуть ли не до надгусеничных полок.

— Живы будем, если батя доведет куда надо! Эй, Семен Федотыч, доведешь? Дорогу-то хорошо помнишь? — вопрос был обращен к тощему, что уже сидел на башне, нахохлившись мокрой вороной.

— Довести вас до места я доведу, — уверенно ответил пожилой танкист, но угрюмо добавил, вернее, почти выцедил слова: — Но вот убережем ли мы свои души в это полнолуние?

— Брось эту мистику, Федотыч. Не знаю, как насчет душ, но если мы останемся здесь, то либо в болоте утопят, либо сами утонимся, что вернее, потому что в плен нас брать не будут!

Уверенное заявление капитана не вызвало никаких протестов — танкисты мрачно переглянулись и засопели.

Теперь рядышком, как на лавочке, сидело уже семеро — четверо из «тридцатьчетверки» и трое вывезенных на броне из экипажа сгоревшего днем БТ-7. Все они были одеты в черные комбинезоны из плотной материи, на головы напялены привычные шлемофоны. В руках трое держали советские автоматы ППШ, а пожилой — еще малоизвестный на фронте пистолет-пулемет Судаева. Вояки очень походили на воспетых в песнях советских танкистов, если бы не малозначительные детали формы.

На плечах шестерых лежали черные погоны чуть иной формы, у четырех с лычками. У пожилого три, у вылезшего на башню следом радиста — одна. У двоих было по две лычки, да и походили они друг на друга, как два отчеканенных пяточка, только один чумазее от грязи. Так оно и было — над близнецами Кушевыми смеялись все танкисты.

Только капитан имел офицерские погоны с одним просветом и двумя вертикально прицепленными металлическими ромбиками. И нашитый на рукавах шеврон был общий для всех. Такая же, только гораздо больших размеров, раскрашенная нашлепка на башне вызвала лютый законный гнев у советских танкистов. На белом щитке был нарисован Георгиевский крест, сверху виднелась аббревиатура из четырех букв — РОНА.

— Доставай все из танка, Шмайсер! — громко приказал капитан, и радист тут же скрылся в бронированном чреве. Следом за ним нырнул и грязный до омерзения механик-водитель, напутствуемый окриком офицера:

— Попович, выгреби железки, оружие и патроны лишними не бывают, нам сейчас все сгодится, привередничать не будем, хоть и навьючимся по самые не хочу...

— То верно, Андрей! — пожилой сержант назвал офицера по имени, и никого такое обращение не покорило. Старый солдат по молчаливому уговору имел на то полное право.

— А вы не сидите мокрыми курицами, помогайте! — тихий голос Фомина рывком поднял троих танкистов с БТ, и те тут же начали суетиться, видно, что авторитет сержанта был на должной высоте, а капитан его только поддерживал.

Сборы были недолгими, через десять минут шестерка танкистов, увешанных оружием и мешками, потянулась гуськом по болотине к высоким лесным зарослям. У «тридцатьчетверки» остался только механик-водитель, который поджег пропитанную соляжкой тряпку, бросил ее внутрь танка и тут же спрыгнул с башни. Смешно выворачивая сапоги из густой болотной жижи, он побежал за остальными.

Далеко убежать он не успел, сапоги, с чавканьем погрузившись выше щиколоток в трясину, остались на месте, а тело по инерции полетело дальше. Под негромкие смешки товарищей он повалился в болотину, погрузившись в нее с головой. И вовремя — внутри корпуса гроыхнуло, из башни выплеснуло густой клубок дыма, а затем заплясали языки пламени. Механик вынырнул, встал на ноги, по очереди выудил сапоги, вылил из них бурую мутную воду и с руганью, отплевываясь грязью, заспешил вслед за своими товарищами.

А те уже занимались вырубанием тонких и длинных осин, отсекая топориком и ножами ветки. Через десять минут в руках каждого было по длинной жерди, и такая же была оставлена для подошедшего.

— Робяты, вы мне все в сыновья годитесь, а потому слушайте меня внимательно. Безо всяких шуток. Эта гать под болотину двадцать лет назад ушла, хорошо так ушла... — тихо сказал Фомин, сплюнул и смахнул мокрым рукавом капли с лица. — Если жить хотите, идите за мной след в след. И слегой на гать упирайтесь — будет твердо, ступайте смело. Если слега уйдет, то в опаске будьте. Шаг в сторону, и смерть ваша неминуемая. На этой гати мой отец в тридцать пятом утоп, когда от чекистов спасался, а он этой трясинной неоднократно хаживал. Понятно?

Фомин обвел всех взглядом. Парни не то что стали серьезными, они побледнели. Но тут же стали еще бледнее — до заболоченного леса донесся гул танковых дизелей, а его-то танкисты определили сразу.

— Они в двух верстах, — задумчиво произнес пожилой сержант, — но идти нам всего сотню шагов, вон до тех елей. Если не успеем, то нас просто порежут из пулеметов. А потому так — не останавливаться, кто попадет в трясину, того не спасать, ибо если не утопнете, то всех порешат. Там остров, отсидимся. За мной Шмайсер и ты, Попович. В середке пойдет капитан, смотри за гулом. Потом близнята. Ты, Шмаков, самый здоровый из нас, а потому замыкающим будешь! Пошли, сынки!

Фомин перекрестился и с невысокого бережка шагнул в черную жижу, которая плеснула перед ногами. Погрузился по бедра и медленно пошел, продираясь, тыкая слегой перед собой. За ним шагнул следующий, потом осторожным гуськом потянулись и другие...

— Ай, у-у!!! — отчаянный вопль потряс застоявшийся болотный воздух.

Фомин обернулся — из трясины торчала голова замыкающего, он нелепо пытался опереться на черную вязкую муть, но руки сразу уходили в жижу. Шест торчал от него в каком-то метре, но вот дотянуться несчастный не мог. Хуже того — движение группы застопорилось,

и все остальные стали пока незаметно, по чуть-чуть, уходить в жижу.

— Не стоять, вперед!!! — во все горло заорал он. — Под вами гать уходит, не стоять! Близнята! Не смей, вперед!

Кричать дальше не было резона — он сам погрузился по пояс. А потому Фомин оперся на слегу — та выдержала, и он смог вытянуть ногу из засасывающей темноты и сделать шаг. Потом другой, третий, и от сердца отлегло.

Заливаемые потом и дождем глаза уже видели каждую трещинку на обгоревшем огромном пне, на лапоть левее и все — гать закончится. Всего-то пройти два десятка шагов, но каких шагов. Сзади слышались хрипы, стоны, ругань — идут за ним, идут парни, не стоят.

— Бра... Бу...

Фомин сплюнул, дыша с хрипом, как загнанная лошадь. И так было понятно, что эти звуки стали последними в жизни Шмакова, и в который раз он удивился, что дар никогда не обманывает. Никогда...

Он с невероятным трудом сделал еще три шага и ухватился за пень. Крепко сжал почерневший обрубок руками, рывком выдернул уже немолодое тело из зловредной жижи, которая не желала отпускать свою жертву.

Выдохнув с шумом, протянул руку Шмайсеру, который тут же за нее вцепился, как клещ. А глаза уже обшарили оставшихся четверых, что с хрипом и кровавой пеной на губах рвались к заветному пню. Но вот то, что происходило на другой стороне, ему, Фомину, бывалому солдату, явно не понравилось.

— Быстро за кусты, упали и не дышать. Если нас увидят, то за полчаса минометами так островок причешут, что будем собственными кишками на еловых лапах любоваться!

И парней проняло, они, чуть ли не ползком от усталости, перевалили через осоку и скрылись за густыми кустами. Вжались в грязь, будто хотели слиться с Матерью-Землей в единое целое.

Фомин отвалился за пень и в маленькую щель стал всматриваться в противоположный берег. Сердце стучало в груди маленьким молоточком. «Да, годы уже не те, прошла молодость, и здоровья маловато», — в который раз печально отметил он про себя. Но силы оставались, и немалые, на уровне молодых держался.

Вовремя они перешли и попрятались — красные не желали отпускать танк, что безжалостно пожег их три Т-34, американский бронетранспортер и несколько машин, опрометчиво напоровшихся на засаду.

И это он, Фомин, их сегодня пожег, он — мстя за отца и мать, за свою погубленную жизнь, за своих неродившихся детей, а потому и за гибель всего своего древнего рода Фоминых, от которого несчастным осколком остался он один. Один! А ведь всего четверть века прошла, когда было много его родичей. Много! Было...

— Где эти бляди-и-и-и?! Куда делись?! — оглушил дикий вопль лютейшей злобы с того берега.

И столько выплеснулось из него ненависти, что Фомина передернуло. Рык озверелого волка в сравнении с этим воплем мог показаться добрым детским лепетом. На той стороне громко ругались и кричали, перекрывая рокотание танкового дизеля.

— Они та-а-ма-а! Т-ов-щ ка-и-ан! — ликование прозвенело над трясинной, и у Фомина отлегло от сердца.

Нашли шлемофон, не подвел капитан, хорошо кинул, на видное место. Сейчас красный командир достанет карту и глянет на нее. И что? Уйти на остров через непроходимую трясину роновцы не могли, зато через узкий рукав запросто, потому и слегы вырубили, а в спешке на том бережку шлемофон впопыхах бросили.

А там что? Густой ельничек, но небольшой, роте пехоты на пару часов прочесывания. А потому в леске прятаться супостаты, то есть они, не станут и сиднем сидеть, а побегут дальше. А куда? Через широченное поле в дебри, а оттуда их даже полк не достанет — великоваты для полка густые леса в три десятка верст в поперечнике.

Дизель взревел на высокой ноте, зарычали движки бронетранспортеров разведки — и вся эта звуковая какофония стала стремительно удаляться, будто свора охотничьих собак, не желавшая упускать добычу.

Однако вставать было глупо, не дай Бог на той стороне затейника оставили с хорошей оптикой на винтовке. Потому Фомин пополз, осторожно, хотя подул ветерок и он мог не бояться качания веток на кустах. А его ребята лежали рядышком, уткнув морды в грязь, даже не дрожали от пронзительного холода в насквозь мокрой одежде.

— По-пластунски, до елей тихонько, а там бегом до Поганкиного Камня, согреемся, — негромко сказал он и, кряхтя от тяжести вещмешка на спине, пополз к зеленым колючим лапам.

Поднырнул под густую хвою в спасительную и, как ему показалось, теплую темноту. С немалым облегчением вздохнул — сегодня он себя уже хоронил раза три, не верил в скорое спасение, но вроде все благополучно закончилось. Людей, что ведают тропинку к Поганкиному урочищу, теперь не осталось, только он один. Ну, может, еще старик Кушнарев, материн младший брат, любимый дядька.

— Все, парни. Пришли. Стоять здесь, пока я всех не позову! — Фомин подошел к пещерному зову и шагнул в темноту.

— Что это он? — дрожащим голосом спросил кто-то из близнецов.

— Мину убирает, — усмехнулся капитан краешками губ и добавил: — Или какую другую пакость.

— Заходите, — из темного зева раздался голос Фомина. — Сейчас греться и сушиться будем. И подхарчиться не помешает!

Переглянувшись, они осторожно зашли гуськом и остолбенели. Еще бы — они оказались в немыслимо роскошных условиях, о таких танкисты мечтать не могли полчаса тому назад, отлеживаясь в ледяной болотной жиже.

По уходящему под землю лазу был способен проехать всадник, правда пригнувшись к гриве лошади. Проход был длинным, в три десятка метров. Почти туннель. А в его конце был самый настоящий просторный зал размером десять на десять шагов, освещенный тремя свечами.

В отблесках дрожащего пламени матово отсвечивали монолитные стены и потолок, наводившие на мысль о саркофаге, а отнюдь не о пещере. Было здесь сухо и тепло, и обстановка самая комфортная — в углу навалена груда пахучего сена с наброшенной поверху парой потертых тулупчиков.

В центре пещеры обычная буржуйка, труба которой была воткнута в отверстие на каменном своде, а рядом с ней громоздилась порядочная куча заранее заготовленного хвороста.

— Скидывайте амуницию, мешки и все оружие у входа. Одежду тоже снимайте да отжимайте досуха. Там в стенках крючья вбиты, на них вешайте, через пару часов все просохнет. В исподнем походите, оно на вас высохнет!

Негромкий, но донельзя властный голос Фомина вывел всех из короткого ступора. Еще бы — вместо холодной ночи и клацанья зубами в сырой одежде, ведь разжечь костер в мокром лесу невозможно, да и не из чего, заполнить такое сухое и теплое местечко.

Одежду скидывали быстро, помогая друг другу стягивать заскорузлые от грязи мокрые гимнастерки. Отжимаемая сильными руками вода мутными ручейками утекала в трещину в каменном полу. Потом встряхивали ткань, расправляя, и бережно развешивали форму на стенках.

Фомин в это время растопил печку, поставил на плиту закопченный чайник, лишь потом принялся раздеваться, выкручивая одежду мозолистыми крепкими ладонями.

— Дым от печки не увидят на той стороне? — осторожно поинтересовался кто-то из близнецов.

— Хворост сухой, дымка почти не даст, — спокойно ответил Фомин, встряхивая кальсоны. — Он по расщелине рассыпается, а камни и так парят. Да и ветер идет в другую сторону, не унюхают.

— А что это за пещера, Семен Федотыч? — механик обвел вокруг себя руками и удивленно покачал головой.

— Капище древнее, языческое, — равнодушно произнес Фомин, натягивая на себя воглую нательную рубаху.

— Чего-чего?

— Здесь, Алеша, кровавые жертвы древним богам приносили, и до сих пор приносят...

— Как?! — удивленно спросили разом все, и только капитан промолчал, хмурия брови и думая о чем-то своем.

— А так! — отрезал Фомин таким тоном, что всем стало ясно, что лучше его о том не спрашивать.

Он подошел к небольшому штабелю ящиков, что стояли в дальнем углу, порылся, что-то достал и вернулся к печке. Выложил на самодельный столик пару пачек папирос, жестянку с кусками колотого сахара, пачку чая и коробку с немецкими галетами.

— Курите, сынки, и сразу чистите оружие. А то оно у вас все в грязи и заест сразу, если стрельба начнется. Вон стоит банка германская, там масло и ветошь. А пока подымим, день больно тяжелый выпал.

— Спасибо, Федотыч! Откуда роскошь?

Его экипаж дружно потянулся к открытой пачке «Казбека», и лишь близнецы остались стоять в стороне и не проявили оживления — они оказались некурящими.

— Подальше положишь — поближе возьмешь! — Фомин хмыкнул. — Это моя берлога! Жить здесь мы сможем долго. Но... — Он многозначительно посмотрел. — Недельку-другую отсидимся и за дела наши скорбные примемся.

— Куда уж скорбнее! — Шмайсер сплюнул на пол под ноги. — Федотыч, ты о чем толкуешь?

— А то, сокол ты мой ясный, что надо нам, отсюда выбравшись, на ту сторону болота подаваться и начинать красные сопли выбивать. Тропку на остров никто окромя меня не знает, сюда никто не дойдет. Будем делать вылазки, здесь отсиживаться. Желательно и парочку энкавэдэшников живьем взять, тогда на остров сможем ходить беспрепятственно...

— А может, тут и пересидим? — Попович оглядел пещеру. — Нас отсюда так сразу не выколупаешь...

— Ага! — Путт зло сплюнул. — А ты чего тогда всю войну в подполе или на чердаке не пересидел? Прав Федотыч! Нужно передохнуть и по их тылам шустрить начинать!

— Вот и я о том же! — Фомин похлопал Поповича по плечу. — Пока пусть поуляжется немного, а там видно будет!

— Оружия и продовольствия достаточно будет? — практичный Шмайсер хотел разъяснить для себя ситуацию полностью.

— С оружием не совсем хорошо, — с грустью в голосе ответил Фомин, но тут же улыбнулся, — хотя могло быть намного хуже. Здесь с десятков СВТ, пара штук с оптикой, противотанковое ружье есть. Имеется «крупняк» и три ручника дегтяревских. Зато патронов и гранат достаточно.

— А «шмайссер» е? Це ж мой-то побыло! — с дикой надеждой в голосе спросил радист.

Все разом прыснули: тот настолько любил автомат МР-40, ошибочно названный так по имени самого известного немецкого оружейника, что давно получил прозвище Шмайсер, которое с успехом заменило ему собственное имя с фамилией.

Причем подмена произошла даже в официальных документах, а потому многие считали его природным немцем, по непонятной гримасе судьбы прибывшимся к РОНА. Да и «дойчем» Шмайсер владел на очень приличном уровне, хотя ридный хохляцкий акцент в его речи иной раз проскальзывал весьма явственно.

— Чего нет, того нет, — виновато развел руками Фомин. — Все оружие русское, с расчетом на захват нами боеприпасов. И продовольствия маловато, ящика три консервов, мешок сахара, галеты, крупа. Папирос и махры на три месяца хватит. Вопросы есть?

— А почему нужно через недельку на ту сторону перебираться да еще чекистов живьем брать?

— Действительно, почему? — капитан тут же переадресовал этот вопрос Фомину, уставившись на сержанта удивленным взглядом.

— Это долгий разговор, — глухо отозвался Фомин и скрипнул зубами. — Поймите, как только чекисты в Локте появятся, всем мало не покажется. А мы тут будем кровушку им потихоньку цедить, как лисы мышковать начнем, больших потерь мы им не нанесем, а так, по мелочи... Конторку их спалим, наших, кто останется, отобьем. Опять-таки, местным тоже помогать придется, ибо, чую я, что жизнь под комиссарами для них начнется, что кущи райские. Так что там пошустрим, здесь кой-что подсуетимся, все им веселее будет. Да и не в одиночку геройствовать станем...

— В смысле?

Три пары удивленных глаз уставились на Фомина, а Путт понимающе отвел взгляд.

— Ну... Не одни мы им жару зададим, найдутся желающие пособить... — он криво ухмыльнулся только ему ведомым мыслям.

«И красноперых сюда парочку приволочь надобно! Есть у меня для них задумка, такая, что за все грехи свои они враз расплатятся. И я для себя кое-что выясню...»

Фомин поднял глаза на уставших танкистов, задумчиво нахмурил брови. Капитан откинулся к каменной стенке и притворно задремал, прикрыв глаза.

— Та-а-ак! — Четверка встrepенулась. — Вы чего рты раззявили? Давайте оружие чистить! А то скоро мокрицы разведутся! Повечеряем, а потом я все вам расскажу. Такое лучше на сытый живот слушать. Поверьте мне, старику.

— Да какой ты старик, Федотыч! Ты любому молодому фору дашь. — Капитан принялся распоряжаться, и первыми под раздачу попали близнецы. — И прав ты как всегда! А потому, братцы, накидывайте тулупчики на свои могутные плечи и к входу часовыми! Семен Федотыч кухарить сам вызвался, а потому поест сварит. Остальным оружие чистить и к бою приводить. Все оружие, и наше, и что здесь складировано. Понятно? Тогда приступайте к делу...

В пещере стало очень тепло — печурку настолько раскочегарили, что ее железные стенки стали розовыми от жара и ближе чем на метр к ней нельзя было приблизиться. А потому скудный ужин из гречневой каши с мясом и галетами был съеден у самого входа. Ввиду отсутствия мебели сидели на ящиках, держа миски на коленях. Ели молча, не переговаривались — все слишком проголодались за этот утомительный день.

— Там гулы автомобилей, виден далекий свет фар. На той стороне болота слышны голоса. Что делать, господин капитан? — вошедший в пещеру один из близнецов взволнованным, еще пацанским, ломким и чуточку дрожащим голосом быстро проговорил и вытянулся, ожидая команды.

— Хорошо. Иди к брату! И держите ушки на макушке.

Он ушел, а капитан вытащил из пачки папиросу и растерянно сказал:

— Не пойму, чего это за нас так уцепились. Как репей в собачий хвост, хрен отцепишь!

— Помнишь, как колонну расстреляли? — Фомин не скрывал ехидства в голосе. — За тем бронетранспортером штабной ЗИС-5, с будкой и антеннами. Там РАФ стояла. А такая мощная радиостанция только штабам корпусов и армий положена. Теперь вам понятно, почему они рылом землю роют и болото обкладывают по всем правилам?

— Отбегал Бобик, Жучка сдохла! — легким свистом Путт сопровождал свое самое любимое выражение. Потом тяжело вздохнул и добавил:

— За своего комкора или командарма они с нас ремней понарежут да солью присыпят. И то если в добром настроении будут...

Он переглянулся с остальными, и такая смертная тоска проявилась в их глазах, что Фомина нервно передернуло, и ледяные мурашки пробежали по телу. Но утешать их он не стал, наоборот, решил расставить все по местам.

— Перед рассветом к гати выдвигаться нужно, с пулеметами. Они в селе проводника себе возьмут! Есть там, есть старик, что дорогу сюда помнит... — Фомин нахмурился. — Как только на берег вылезать начнут, вот тут мы с пулеметов и резанем в упор. Из-за тумана они нас не увидят.

— А потом? — с нескрываемой надеждой спросил Шмайсер.

Ответил на этот вопрос уже капитан, скривив губы в недоброй ухмылке:

— Парочку минометных батарей они быстро подтянут к болоту и тогда начнут долбить уже всерьез. За огневым валом снова через трясины пойдут, а остановить мы их не сможем!

— Мы обстрел в пещере пересидим, — уверенно сказал Попович, — своды здесь мощные, минометам не по зубам.

— Не по зубам! — охотно согласился Фомин. — Вот только кто тогда им помешает через гать идти?

— Так мы же...

— Помолчи ты, — угрюмо оборвал механика офицер. — Их батальонным минометам нужен час, чтоб все живое с острова смести, а полковым вдвое меньше времени потребуется. Если будем у гати лежать, нас просто на куски размечут по веткам.

— Это верно. После того как мы пулеметы пустим, нам просто не дадут в пещеру уйти! — весело уточнил Фомин.

Страшная была улыбка на его губах, смертный оскал больше напоминала. Русские всегда улыбаются так, когда на смерть неминуемую идут, от которой нет спасения.

— Тогда, — задумчиво произнес Путт и пристально посмотрел на Фомина, — скажи-ка мне, как на духу, Семен Федотыч, как это ты РАФ смог узнать за какие-то секунды и сразу начать по машине стрелять?! Такое только знающий офицер смог бы. Так что говори теперь нам правду, утешь душу, все равно твою тайну на тот свет унесем. Что скажешь?

— Правду знать желаешь? На сержанта я не похож? Ну, ладно! — Фомин легко встал и ушел в тень, к ящикам.

Там немного покопался, достал сверток и стал одевать обмундирование. Туго перепоясался, накинув через плечи ремни портупеи, застегнул пряжки.

Капитан машинально отметил про себя, что плечевых ремней было два, как прежде, в русской императорской армии, в Красной Армии носили только один портупейный ремешок наискосок груди, через правое плечо. Но Фомин тут к ним обернулся, и танкисты дружно ахнули, потом живенько вскочили с ящиков. И было отчего...

— Ваше высокоблагородие, господин подполковник?! — старорежимно проямлил

Шмайсер и машинально прижал ладони к бедрам.

Они с Поповичем вытянулись по стойке «смирно». Путт, немного помедлив, также встал, выпрямился, расправив плечи. Он также немного растерялся, ибо привычный Семен Федотыч напрочь исчез.

Сейчас перед ними стоял широкоплечий и подтянутый офицер в туго перетянутой ремнями шевиотовой гимнастерке, с золотыми галунными погонами на плечах. На груди плотно, в два ряда теснились серебристым блеском кресты, ордена и медали — впору глазами от удивления хлопать.

— Вольно, сынки, присаживайтесь, чего стоять!

Теперь такое обращение Фомина звучало не простецки, как раньше, а начальственно. И не снисходительно, отечески. Даже голос бывшего сержанта РОНА совсем другим стал, будто заново родился. И немудрено — если долгие годы человек совсем иную шкуру носил.

— А-а-а!!! Мамочка!

В пещеру ворвался вихрем дикий вопль, и с криком, топоча сапогами, за ним влетели оба близнеца. Заполошные, в лицах ни кровинки, губы синие, а в глазах плескался грязной мутью ужас смертный. Все разом схватились за автоматы, но подскочившего капитана перехватила сильная рука Фомина.

— Стой, гауптман! — Только он один сохранил олимпийское спокойствие, его голос был твердым и уверенным. Фомин повернулся к братьям и жестко, наотмашь, наградил пощечинами. Потом плеснул воды из кружки в лица. И привел в чувство — глазенки стали осмысленными...

Глава вторая

— Т-а-м... Т-а-м... Т-а-к-о-е... — проблеял в в страхе один из Кушевых, заикаясь и стуча зубами.

— Что там такое?! — отдельно выговаривая слова, Фомин еще раз крепко потрянул солдата за плечи и посмотрел на свой экипаж.

Танкисты были не на шутку встревожены, ибо еще не понимали, кто так мог напугать близнецов, что те от страха едва не обмочились. Ведь в бою братья труса не праздновали.

— Женщина... Вся в белом... И волосы такие, такие длинные и белые... Из тумана вышла, на нас посмотрела... А потом в клочья тумана рассыпалась... — более-менее внятно сказал один, приходя в себя после пережитого ужаса.

— Морок ты видел. Морок. В тумане сдуру что людям не привидится! — слишком уверенный голос Фомина заставил близнецов кое-как прийти в себя. — Марье вы, как я погляжу, приглянулись, соколики!

— К-какой Марье? — Шмайсер нервно сглотнул.

— Богине смерти, — Фомин поморщился как от зубной боли. — Супруга она Кощеюшки, хранительница потустороннего мира. По-разному ее зовут: и Марена, и Мара, и Марья, — он повернулся к Шмайсеру. — Слова такие знаешь: кошмар, морок, мор? То-то! Одного с ней корня слова, одна им страшная суть... Марженой еще ее поляки кличут. Единое ей имя и есть, хоть ликов у нее и множество — Смерть она! Тоже, кстати, словечко оттуда. Только, ребята, улыбаться не стоит, она этого не любит. И тайны здесь зловещие хранятся!

Фомин обвел всех взглядом, усмехнулся и продолжил говорить:

— Пещера эта непростая, капище здесь раньше языческое было, и вещи очень нехорошие здесь творились. Мой дед много чего мне порассказывал, а кое-что и сам видел. Ладно, — он одернул гимнастерку, поправив погоны, — раз уж так вышло, то потом расскажу! Пойду посмотрю, что соседи на том берегу делают, уж больно крики громкие были, могли и через туман слышать.

Фомин легко поднялся, ухватил ППС крепкими пальцами, безмятежно зевнул и пошел к лазу. Фонарик не требовался — за прошедшие годы ему был знаком в проходе каждый камень, потому минуты не прошло, как он оказался на холодном воздухе.

Молочная белизна густого тумана окутала даже высокий камень, видимость стала почти нулевой. Смотреть и слушать было бессмысленно, но ведь Фомин вышел из пещеры совсем из иных побуждений.

Услышав в проходе тихое топанье, только невесело усмехнулся мыслям и присел на бушлат, который один из братьев, их имена он до сих пор путал, специально постелил на камень и бросил здесь, когда сбежал.

— Садись, Андрей, а то зад свой проморозишь. Камень с человека тепло порядком вытягивает, а потому застилать его надобно, особенно утром.

— Что такое здесь было? — спокойным до жути голосом спросил капитан, усаживаясь рядом. Лгать не было нужды, и потому Фомин выдал правду, хоть и мрачновато она прозвучала.

— Марена всегда сама приходит или тень свою на человека наводит, когда его смерти желает. И обмануть ее невозможно. Экипаж БТ вчера должен был погибнуть, но не погиб. А от судьбы не уйдешь. Я потому вчера Шмакова концевым поставил, что тень на лице увидел!

— Да бросьте! Это же мистика!

— Послушай, умник, ты вчера на болоте что-нибудь необычное видел?

— Болото как болото, тягучее только, ноги выдирать приходилось. А более ничего такого...

— А ты подумай хорошенько, представь, что бывает, когда гороха поел?

— Какой еще горох? — несколько раздраженно бросил капитан. События последнего дня и ему хорошо потрепали нервишки. Но тут же ойкнул, видно что-то сообразив.

— Болотный газ я нигде не видел, не выходил он пузырями. А как только Шмаков ушел в жижу, так вырываться стал, причем в разных местах...

— Соображаешь, сынок! Сожрало оно парня, вот и заурчала его поганая утроба, довольная жертвой...

— Жертвой?! — потрясенно вымолвил капитан.

— Ага, — безмятежно подтвердил Фомин, достал папиросу и прикурил от спички. — Это большевики могут отвергать все, мистику не признавать, но если что непонятное и страшное происходит, так сразу о Боге вспоминают и на него уповают. Сам видел не раз, как комиссар под обстрелом молился!

— Это точно. Бывало такое.

— Исстари, как я и сказал, еще до крещения Руси, было здесь капище. Только Марене-то запретными были человеческие кровавые жертвы. Знаешь, что ей жрецы всегда приносили?

— Нет... — неуверенно протянул Путт.

— Да и не только ей... Продукты, зерно, блины на Масленицу ели и соломенное чучело сжигали, молоко, кисель лили... Кстати, знаешь, откуда пошло: молочные реки, кисельные берега? Оттуда! Лили в реку зимой в проруби молоко, а летом кисель... Только в самые тяжелые годы, в засуху, при море или войне... Понимаешь, боги изначально не требуют человеческих жертв, люди сами их приносят. Землица-Матушка не потому впитывает кровь, а вместе с ней и силу, что таково *Её* желание, а потому — что таков Закон. Светлые боги могут и не принять, отказаться. Кровь-то впитается, а *силу* Сыра-Землица не возьмет. А если и примет, то только в том случае, если человек, приносящий жертву, не совершает греха...

— Погоди! Любое убийство уже есть грех!

— Не торопись! — Фомин покачал головой. — Разве грешно преступника жизни лишить? Или мы грех берем на свою душу, врагов убивая, которые бесчинствами давно смерти заслужили?

Путт хмуро кивнул, почесав пальцем переносицу.

— Вот то-то и оно! Если с темными желаниями кровь пролить, если не в угоду богам, а в собственную... — Фомин исподлобья оглядел болото. — Светлые боги такую жертву отринут, а темные — наоборот, силу великую почуют и еще больше требовать начнут! И самой страшной жертвой душу заберут...

— Да... Дела...

— Утроба эта болотная, Маренино капище, тихо веками жило. За долгое время в забвение оно пришло, жрецы сгинули, ров защитный зарос давно уже. И алтаря с кострищем ты здесь, даже если захочешь, не отыщешь! Тихо все было, пока перед первой войной с немцами душегубы в него живыми купца с женой не бросили, ножами их истыкав. Разбудили они зверя, силу темную!

— Но ведь и раньше люди и звери тут топи! — Путт закурил. — Это разве не жертвы Марене были?

— Не зови ее, не искушай! — Фомин устало привалился спиной к камню. — Когда просто человек или животное гибнет, по случаю или по дурости своей, это одно! Душа пусть и уходит, хоть с неохотой, но смирившись с Законом Жизненным, в отмеренный ей срок! А вот при насильственной смерти душу без согласия вырывают, сопротивляется она, рвется яростно обратно... Вот эта ярость, тоска безутешная такую *силу* являет, что одна она, *сила* Жизни и *сила* Смерти, и есть самая желанная жертва. Вот тогда-то болото и отведало горячей кровушки. И

после того гать под жижу ушла за три годочка, а люди с тех пор могли перебраться на остров только тогда, когда одного из них оно прибирало. Дядьку моего сродного с теткой враз поглотило, пока мы сообразили о том. Людей требовала эта тварь, от скотины и птицы брезгливо морду воротила, хотя и поглощала, но без урчания. И все на остров стали ходить только после морозов, когда гать замерзала, а более нигде на остров не пройдешь, ни зимой, ни летом.

— Выходит, мы... — капитан не договорил, резко замолчал и смертельно побледнел, прикусив губу.

— Выйти сможем с острова, только принеся в жертву одного из нас! — до жути спокойно закончил за него страшную догадку Фомин, закулив папиросу — огонек спички не дрожал в крепких пальцах.

— А эта, из тумана? Кто такая? — осторожно спросил капитан, чувствуя ответ и боясь его получить.

— Я же ответил раньше. Марена. Ее это места, здесь она владычествует, и крест с молитвой на нее не действует. Может, какой святой ее бы и одолел, но люди же не святые, грешники мы. Так что близнецы заката не встретят, и обманываться бесполезно. Она других заберет за обман, а потом и близнецов прихватит. Но не то страшно...

— А что же? — жадно спросил капитан, чувствуя, что ужас потихоньку уступает место обычному любопытству, когда человеку самому страшно до жути, но интересно.

— Мои предки испокон здесь жили, место от любопытных глаз охраняли. Слышал, может, знающими людьми таких иногда называют. Так вот, я еще мальцом бегал, а запомнил, что дед говорил. Если туман будет молочным, без прожилок покрывалом, болотина голодной, а Марена сама к людям выйдет, то надо от острова подальше держаться. Совсем худое может быть: или остров с Поганкиным Камнем в бездну ухнет, или что похуже случится.

— Что хуже может быть?

— Что хуже, спрашиваешь?! — удивленно переспросил Фомин и ехидным голосом предложил: — А хуже для нас сейчас будет к комиссару на расправу пожаловать! Давай-ка, мил человек, переходи на ту сторону, я уж ради этого сам в болоте утоплюсь, но на тот берег проведу. Там тебя встретят, обиходят, приласкают!

— Нет уж, сами идите! — делано засмеялся Путт. — А я лучше в болото пойду. Вся эта нежить жертвы принимает, но по чуть-чуть, а те бесы людей тысячами изничтожают, миллионы голодом морят. Они этой Марене сто очков форы наперед дадут, только вряд ли она согласится...

— Постой, погоди-ка! — Фомин встал с камня и напряженно нахмурился, какая-то мысль завладела им. И вскоре усмехнулся.

— Сто очков, говоришь?! Мы накормим болотину досыта, до отрыжки, чтоб лопнула утроба ненасытная. Засаду устроим, в болотине чекистов утопим, как щенков...

— А-а! Твою мать! — отчаянный выкрик раздался на той стороне болота, а следом загремели автоматные очереди. Оглушительно и грозно рассыпалась в воздухе вычурная матерщина. И тут же кто-то нечленораздельно рявкнул густым начальственным басом, и поднявшийся переполох разом стих, как по мановению волшебной палочки.

Фомин ухмыльнулся, увидеть Марену — занятие не для слабонервных. То, что чекисты увидят именно ее, он не сомневался. Сердце чуяло большую кровь, а своей интуиции он привык доверять, благо и опыт был большой.

— Что там? — первым из лаза появился Шмайсер, сжимая в руках ручной пулемет ДП. За ним вылетели следом остальные танкисты и стали занимать оборону среди валунов.

— Ребятки, идите к гати и под елями залегайте, — спокойным, тихим голосом обратился

Фомин к близнецам. — Дорогу найдете?! Лежите тихо, а как сигнал услышите, я к вам подойду. Чую, ползут скоро через гать, от тумана клочья отходить стали. Потому прихватите с собой ДТ и патроны, как только первые появятся у того пня, режьте длинными очередями. А мы чекистам представление устроим, когда нас уговаривать начнут.

— А сигнал какой? — один из братьев совсем по-детски шмыгнул носом.

— Сами поймете! — хищно оскалился капитан, и близнецы, прихватив пулемет с несколькими дисками, растворились в тумане. Фомин раскурил папироску и стал ждать. Он не ошибся в расчетах, не прошло и пары минут, как с той стороны на всю мощь взревел уже знакомый начальственный басок.

— Гауптман фон Путт, ефрейтор Шмайсер! — голос чуть кхекнул, будто поперхнулся смешинкой. — Предлагаю сдаться в плен! Болото уже окружено нашими солдатами, прорваться вы не сможете. Зачем вам гибнуть?! Мы обращаемся с пленными на основе всех международных соглашений. Вам будет обеспечено питание, медицинская помощь и возвращение на родину после войны. На размышление даю вам полчаса времени, по истечении которых мы уничтожим вас всех из минометов. Время пошло!

— Они кого-то из пехотинцев допросили, только те считали вас за немцев, — тихо сказал Путту Фомин. — Умеют работать. Ваша легенда, капитан, может быть, еще денек-другой продержится, но как только селян хорошо опросят, сразу слетит, как солома с крыши. Потому, Андрей, валяй дурку, тяни время. Спроси про гарантии. Немецкого акцента добавь в речь чуток, самую малость, своей значимости...

— Здесь гауптман фон Путт! С кем я имею честь гоффорит?! — капитан громко крикнул в туман.

— Я капитан Миронов! — с той стороны тотчас донесся ответ.

— А кого вы есть представляйт? Ротте, их бин Красная Армия или ГеПеУ? — Путт сознательно употребил немецкий эквивалент НКВД, старое название, давно отмененное еще при «железном нарком» Ежове.

— Части по охране тыла действующей армии, — быстрый ответ капитана был чуть расплывчат, но именно за ним скрывались пограничники, осназовцы и заградительные отряды войск НКВД.

— А какие вы есть давайте гарантии мне и моим танкистам, натюрлих, герр капитан?

— Есть приказ Верховного Главнокомандующего о гуманном обращении с пленными немецкими офицерами и солдатами! Мы строго соблюдаем этот приказ товарища Сталина!

— То-то они майора Роттенбаха колючей проволокой к танку прикрутили и по улицам Севска волочили, пока он в кусок мяса не превратился, — прошипел Шмайсер, который чудом уцелел из трех тысяч роновцев, что до последнего патрона обороняли город.

— А что будет с моими русскими панцер-комрад?

— Сержанту Фомину и механику-водителю Поповичу командование гарантирует жизнь. Но они должны искупить кровью измену перед Родиной в штрафной роте.

— Как же, я и поверил, — саркастически хмыкнул Попович, — кастрируют они нас без всяких штрафных рот!

— Погоди, парни, — Фомин посуровел лицом. — Я знаю, как заставить их попытаться нас живьем взять. И минометы они в ход не пустят, по крайней мере, до этой попытки. Гимн русский знаете, как только скажу вам, запевайте пока втроем, чтобы их с толку сбить. Про близнецов они не знают, а потому наша засада на гати для чекистов будет внезапной.

Он поднялся, скинул с плеч бушлат и, позвякивая крестами и медалями, подошел к краю трясины. Туман начал редеть, в просвет Фомин увидел на той стороне, прямо на берегу, подтянутого офицера в шинели и фуражке с зеленой тульей пограничных войск.

— Вы, большевики, себя с Родиной и русским народом отождествляете! И потому, кто думает иначе, изменниками и врагами народа называете. А мы не враги русского народа. Когда есть миллионы русских, которых вы мучаете и убиваете, тогда вы не имеете ни малейшего права представлять народ! Это говорю я, русский офицер, монархист, подполковник Фомин!

— Это кто ж тебя в подполковники произвел, сержант?! А ордена с чьих тел прибрал, сука?! И крестами где разжился?! — Он был не трус, этот капитан Миронов, далеко не трус, и стоял уверенно, хотя и предполагал, что в данный момент в него целятся из пулемета.

Рядом с ним в кустах на миг блеснуло, Фомин сообразил, что его тоже рассматривают через оптический прицел снайперской винтовки.

— Погоны на моих плечах мне дарованы генералом Каппелем. Это его собственные погоны! А крест Святого Георгия я получил из рук Верховного Правителя России адмирала Колчака. Знакомы вам эти имена русских патриотов, капитан?! Что касается других орденов, советских, на Тоболе я раненым попал к вам и под чужой фамилией пошел служить в Красную Армию. И я не один такой, у вас до сих пор служат мои коллеги под другими фамилиями, и один даже стал уже генералом! — Фомин говорил громким уверенным голосом, и капитан поверил. Он даже несколько раз сделал резкий жест рукой, который можно было трактовать, как «не вздумай стрелять».

— И они вам служат честно, как и я до этой войны. Орденом Боевого Красного Знамени меня наградили по представлению маршала Тухачевского за войну с поляками. Первый орден Красной Звезды от маршала Блюхера за бои на КВЖД, а второй от маршала Тимошенко за зимнюю войну с финнами. Медаль «20 лет РККА» получил по приказу маршала Ворошилова. Достаточно тебе этого, капитан?

Демонстративно достав папиросу, закурил, давая возможность капитану прийти в себя от полученной информации. Тот на диво быстро соображал, и даже тон его речи стремительно изменился. Теперь над угрюмым болотом гремел не начальственный бас, а уважительный голос, с каким младший офицер обращается к старшему. Лицедей, прямо слово!

— Что же вы, Семен Федотович, русский патриот, офицер, и с немцами? Против своих воюете! Как так?! Имена Суворова, Кутузова, князя Александра Невского запомняли? Ведь именно их славными именами высшие боевые ордена названы. Погоны введены, славной русской армии традиции...

Фомин сразу понял — самое страшное впереди: доведется ему сегодня свидеться с дядькой, иначе откуда имя-отчество узнали. Куда чекист клонит, и так было понятно, и он решил ему подыграть, благо ситуация позволяла.

— Я, капитан, немцам не служил. Если бы они Локоть заняли, всех нас бы там не было. Потому никому свой настоящий чин и прошлое не открыл. И в моем экипаже нет настоящих природных немцев. Отец капитана фон Путта до революции командовал кавалергардским эскадроном, а начинал служить под началом маршала Маннергейма, который ныне командующий финской армией. Предки барона фон Шмайсера испокон веков в лейб-гвардии Измайловском полку служили, — Фомин врал вдохновенно, удивляясь про себя, как его язык поворачивается такое говорить.

На том берегу к его словам стало совершенно иное отношение — капитан буквально внимал каждой букве, стараясь усвоить малейшие детали. Фомин его прекрасно понимал — за поимку живым матерого белогвардейца, да еще знающего целый выводок предателей в штабах, включая генерала, наградят от всех щедрот Советской власти да еще майора накинут. А если каппелевский подполковник убит будет или застрелится по собственной дурости, то тогда начальство семь шкур со всех в один миг спустит, штрафной батальон землей обетованной покажется. Но Фомин не хотел и перебарщивать. Можно назвать фамилии известных генералов

Красной Армии, но только зачем? У чекистов уже есть нить информации, и, когда они разматают весь клубок, установят его фальшивую фамилию, — много голов полетит.

«Вы, шакалы, сами себе глотки перегрызете! А я... Я уже пожил! Теперь и умереть не страшно, надо только побольше вашего брата с собой прихватить, чтоб на том свете скучно не было...»

Тем самым он им и отомстит. Чтоб свои своим же кишки выпустили. И русским офицером перед смертью нужно оставаться, тем более капитан рукой так размахался, что понятным стало намерение разговором ему глаза отвести, а десантную группу на остров направить.

— Я поговорю со своим экипажем, капитан. И если вы гарантируете всем жизнь, о себе я не говорю, то мы можем и сдаться. Честь имею!

Фомин четко козырнул и дождался ответного жеста от капитана. Затем чуть кивнул, развернулся и пошел обратно, в клочья густого тумана, накрывшего белым покрывалом весь остров с величественным Поганкиным Камнем. Сама гать от тумана стала потихоньку очищаться, и было ясно, что переправа на остров может начаться с минуты на минуту, потому нельзя было терять драгоценных секунд, что уже повели отсчет его жизни.

Перевалив за валуны, Фомин посмотрел на напряженные лица своих танкистов. Не говоря слов, надел черную куртку, поднял ремень с подсумком, перепоясался при помощи капитана. Засунул в карманы три «лимонки» и после того заговорил:

— К гати не ходить! Это категорический приказ! Как гранаты ухнут, мы из пулемета ударим. Если что наперекосяк пойдет, в пещеру уходите, обстрел внутри пересидите. Запомните — до крепкого мороза на гать не идите. Помни, о чем говорили, капитан. А сейчас гимн запевайте, да погромче — это наша последняя песня, пусть они ее услышат! Тяните время, пусть думают, что мы тут все, тогда у гати нашей засады опасаться не будут. Там я их с близнецами и прищучу, беспечных!

Легким прыжком он нырнул в туман, а за спиной в три слаженных голоса разнесся русский гимн:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный.
Боже, Царя храни!

Фомин пробежал по залитому водой лужку и обогнул кусты. А за спиной все сильнее и громче звучал русский национальный гимн:

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли, дай на земли!
Гордых смирителю,
Всех утешителю,
Все ниспошли!

А вот и знакомые ели, раскинувшие в стороны зеленые лапы, и Фомин стал забирать

правее, склонившись в три погибели и осторожно подныривая под мохнатые колючие лапы. А гимн, тягучий и медленный гимн, громко разносился в промокшем от влаги тумане:

Перводержавную Русь Православную!
Боже, Царя храни, Царя храни!
Царство ей стройное,
Все ж недостойное
Прочь отжени!

Близнецы Кушевы заняли удобную позицию, если бы не клочья тумана, то вся гать была бы как на ладони, в которую хищно уставился пулеметный ствол. Кинжальный огонь в упор ставил крест любой попытке перехода, вот только сама позиция была смертельно опасна для расчета — возможности для маневра напрочь отсутствовали. Из тумана звучал и звучал забытый многими гимн, больше похожий на молитву:

О, провидение,
Благословение
Нам ниспошли, нам ниспошли!
К благу стремление,
Счастье, смирение,
В скорби терпение,
Дай на земли!

Фомин ужом проскользнул под колючую хвою и прилег рядом с одним из братьев, чуть тронув парня за локоть. Тот не вздрогнул и даже не оторвал щеку от пулеметного приклада, только повернул в сторону своего командира оттопыренное ухо.

— Как вылезать начнут, режьте в упор, — тихо произнес Фомин и чуть сжал пальцы на плече. — Я левее позицию займу, в перекрестный возьмем. И лупите по берегу, там стоять чекисты из начальства будут. Я гранаты за пень метну — после третьего взрыва немедленно отходите в пещеру. Поняли?

— Да, — чуть прошептал губами молодой парень. Фомин еще раз сжал его плечо и стал отползать в сторону...

Туман сходил клочьями, куски таяли в воздухе. Заметно посветлело, и за деревьями на той стороне окрасился в розовую палитру край небесного свода. Жить бы и жить на этой грешной земле, каждому утру радоваться, а тут подышать придется. Да еще в этой холодной мерзкой жиже, что полностью обволокла его тело. Но холод уже не чувствовался. Силой воли он притушил боль, и теперь просто ожидал конца своего жизненного пути, изломанного советской властью. И жаждал встречи с чекистами, с горячечным желанием, и хотел одного — слышать их предсмертные хрипы и вопли от страшной боли, когда горячие комочки металла рвут живую человеческую плоть. А что может быть лучше горшего солдатского счастья — умереть, но и убить врага.

А они шли, шли осторожно — чавканье болотины, когда из нее выдирают тело, ни с чем не спутаешь. Вот только разглядеть чекистов было трудновато — мешали клочья тумана, что зависли белыми облачками над темной трясинной. Но того, кто был впереди и мелькал в просветах, Фомин узнал сразу. В старом дождевике, борода с проседью, изломанные крестьянским трудом корявые, но сильные руки, которые он запомнил с детства.

Старик Кушнарев, Еремей Миронович. Родной дядька вел вражин на его погибель. Шел по трясине спокойно, хотя хорошо знал, какую плату возьмет Маренина гать и что потом могут с ним сделать упыри из НКВД. Будто сено на заливном лугу косил, медленно, с толком и расстановкой. Выдернул из болотины шест, воткнул, оперся, выдернул ногу и сделал шаг. Затем вытащил из вонючей жижи вторую ногу, и снова шаг. Крепко взялся и выдернул шест — и снова медленные шаги.

А за ним, с той же неторопливостью, потянулись солдаты в защитных маскахалатах с накиннутыми на головы капюшонами. Из ткани торчали веточки с зелеными листками, для лучшей маскировки. Спокойные ребята, уверенные в себе, и взгляды волчьи. Хорошо подготовились — лица зачернили полосками сажи, всю амуницию тщательно подогнали, и даже автоматы обрывками маскахалатов прикрыли. Если таких вояк на берег выпустить, то всем им хана настанет, и ему, и братьям Кушевым, даже кинжальный огонь пулемета ДТ не поможет. Не остановят они их, куда спешенным танкистам с осназом воевать, что на ловле диверсантов и партизан собаку съел, причем не одну...

Фомин крепко зажал гранату в правой руке, а пальцами левой вытянул кольцо с чекой. Теперь осталось только метнуть во врагов гранату, похожую на большой лимон с рубчатой квадратиками кожурой. Дождлся, когда старик крепко зацепился за пень и рывком вынес свое немолодое тело на болотистый берег. Следом неожиданно, как чертики из табакерки, выскочили два чекиста в маскировочных халатах. Он метнул «лимонку» за пень, и тут же прогремела короткая пулеметная очередь ДТ. И рвануло...

Граната Ф-1 создана для сугубо оборонительных задач и предназначена для поражения десятками осколков своей рубчатой «рубашки» живой силы противника. И метать ее желательно из окопа и с приличного расстояния.

Того и другого у Фомина просто не было, слишком близко он лежал от врага, потому взрывом его слегка контузило, горячий кусочек металла зацепил вскользь голову, у самой макушки. В горячке он не обратил на это внимания и кинул за пень еще одну «эфку», а следом добавил третью гранату. Мощные взрывы сорвали хвою, полетели во все стороны комья грязи и срезанные осколками ветки. А пулемет все бил и бил, длинными очередями — близнецы не сэкономили патроны.

И Фомин решился — рывком перевалил за топляк, неизвестно какого дерева корягу, и залег

рядом с Кушнаревым.

— Ты зачем их, Мироныч, сюда привел, себе на погибель?!

Он сразу оценил ранение дядьки смертельным. Две пули в живот, в руку, осколками в голову и плечо — с такими ранами живут не дольше четверти часа. А потому единственное, что можно сделать для него в такой ситуации, то это избавить от мучений и добить.

— Ты это... Семен... Не гневись...

Старик говорил с трудом, изо рта текла темная кровь, но глаза, уже подернутые пленкой, еще жили, и в них не было ненависти к убийце, а одно безысходное понимание.

— Они Матрену мою застрелили... А невесток с детьми в сарай загнали. И сказали... Не отведу на остров... Всех кончат...

Старик захрипел от боли, но снова открыл рот, желая еще что-то ему сказать. Семен сразу наклонился и еле расслышал тихую просьбу:

— Воткни мне нож в сердце... Они тогда пожалеют детей... Убей, братка, мучаюсь же... Давай!

Сдерживая подступившие слезы, Фомин сунул руку за голенище сапога. Там был отличный пукко — трофейный финский нож, подаренный ему в далеком январе 1940 года танкистами. Рубчатая рукоять удобно легла в ладонь, и он крепко сжал пальцы. Тяжело вздохнул и решился — рывком вытащил из сапога нож и резким движением вонзил сталь прямо в сердце старику.

Мироныч захрипел, в стекленеющих глазах проступила благодарность. Фомин захотел выхватить клинок, но остановил руку. Пусть остается в сердце, ведь владеть ножом, которым добил родного дядьку, он все равно никогда не сможет... Никогда...

— Суки!!! С-у-к-и! — яростный всхлип кого-то из близнецов заглушил стрельбу, и он опомнился.

Из-под ели хлестал длинными очередями ДТ, захлебываясь свинцовым кашлем. Бедная елка оказалась под сильным обстрелом — тысячи игольчатых хвоинок летали по воздуху, как снежинки. Рядом кружились, падали на землю отщепленные пулями ветки. Судя по всему, с того берега стреляло не меньше трех пулеметов, хорошо, что ручных. В бою это легко улавливается — ДП перезаряжать надо через десять секунд стрельбы очередями, а еще для короткого охлаждения нагретого ствола, на смену круглого, похожего на огромный блин диска, требуется не менее десятка секунд.

Станковый пулемет «Максим» намного страшнее, и для них был бы куда опаснее — лента в две с половиной сотни патронов, а стрелять можно до упора, пока вода в кожухе не закипит.

Фомин подполз к трупам осназовца и устроил на нем автомат. Позиция оказалась удобная — справа пень, слева скрюченное тело убитого чекиста, да другой труп в качестве брестера. Какая-никакая, а защита. И дал короткую очередь, почти не прицеливаясь. Завязшие в трясине чекисты были как на ладони. Положение у них хуже не придумаешь.

Три осназовца пытались отстреливаться из автоматов, но стоило им отпустить шесты, как один за другим они провалились в трясину. Сейчас молодые парни отчаянно шлепали по жиже руками, пытаясь выбраться. Но только Маренина болотина своих жертв никогда не отпускала, и дикие вопли уходящих в трясину людей на секунды перекрыли грохот стрельбы.

Стоять на гати было нельзя, только в движении можно было на ней выжить. А потому десяток чекистов, сцепив зубы, продолжали идти вперед, тыкая впереди себя шестами и пытаясь стрелять из ПППШ одной рукой. Но такая стрельба не могла быть точной и только добавляла шума.

Безнаказанно, как на стрельбище, Фомин стал убивать их короткими очередями в три-четыре патрона, благо у пистолета-пулемета Судаева малая скорострельность. Только шесты торчали из болота, отмечая такими вехами страшную судьбу своих недавних владельцев.

Сменив магазин, он решил заняться судьбой остальных чекистов, или умных, или трусливых, которые благоразумно решили уйти на свой берег. Таких оказалось всего полдюжины, они отчаянно продирались сквозь густую вязь к заветному берегу, до которого оставалось меньше двух десятков шагов. Всего полминуты ходьбы, но давать эти драгоценные секунды он им не был намерен. На том берегу люди уже не мельтешили, точный огонь ДТ оставил среди кустов несколько трупов, а потому остальные попадали за деревья. И только многочисленные огоньки пламени на дульных срезах автоматов и пулеметов продолжали плясать свой смертоносный танец, пытаясь зацепить пулемет близнецов Кушевых.

Вот только прицелиться и открыть стрельбу по бежавшим он не успел. То, что внезапно произошло на трясине, не имело объяснения, это было свыше человеческого понимания. На черной ровной глади зловещей трясины в считанные секунды появились и одновременно взорвались сотни огромных грязевых пузырей, и спокойная до того трясина стала бурлящей жижей, будто превратившейся в кипяток. И такое началось...

Исполненные нечеловеческой болью крики заживо поглощаемых людей смертельно заледенили душу, перестрелка мгновенно прекратилась. В каком-то отупении Фомин смотрел на жуткую картину, которая не могла присниться ему даже в страшных ночных кошмарах. Трясина не просто затягивала в себя несчастных, она как бы варила их живыми, и вопли были такие, какие он ни разу не слышал, хотя повидал не своем веку многое.

Жуткие крики привели Фомина в чувство, и он, повинувшись инстинкту, согнувшись, бросился под ель к близнецам — пора было уходить в пещеру. Он ясно осознал, что через трясину никто больше не пойдет, даже если капитан на своих бойцов пулеметы наставит. Многие предпочтут пулю получить, чем жуткую смерть на Марениной гати принимать. Нет теперь хода через болото.

— Давайте, братья, сматываться! Они через минуту очухаются и по нам из минометов вдар...

Слова застряли в горле — близнецы лежали рядышком у пулемета и не шевелились. Смерть застигла последней очередью, пули, прошедшие навылет, превратили в кровавую кашу русые волосы на мальчишеских головах. Фомин тяжело вздохнул — и появились на свет они одновременно, и умерли, крепко сцепив руки в братском пожатии.

— Вы уж простите меня, парни, за долю свою лихую! — он сглотнул комок. — Хорошая для вас смерть, без боли, и вместе. Простите. Не поминайте нас лихом!

Фомин низко поклонился погибшим близнецам, машинально обернулся. Назад, к трясине. И тут остолбенел — толстые бревна гати вышвырнуло на поверхность чудовищными пузырями, раскидав по бурлящей поверхности.

Увиденное сильно обрадовало. Теперь на остров никто не пройдет, если парашютистов не сбросят с самолетов, что является невероятным, больной фантазией. До зимы можно спокойно отсидеться, пока гать не замерзнет. А если морозы не помогут, то придется или с голоду подыхать, или на смерть в трясину лезть...

Не быть нам рабами! На битву с врагами
Готовы и ночью и днем.
Сквозь тучи и пламя народное знамя
Мы твердой рукой понесем.

Далеко впереди, оттуда, где был Камень, громко донеслась походная песня роновцев знакомыми до боли словами. И тут же раздался в воздухе свист мин и за спиной взорвались

кусты. Ветки и комья земли накрыли его, едва успевшего упасть, накрыть голову руками. Хлопки минометов зачастили, земля заходила ходуном.

Чекист говорил правду в одном — батальонные минометы были заранее поставлены на позиции и начали обстрел острова.

В сплоченных колоннах идут батальоны
На бой, на великую месть,
Несут миллионы на светлых знаменах
Свободу народа и честь.

Фомин сглотнул, глубоко вздохнул, выругался в три загиба, страх ушел из его души. Лежать бессмысленно — по закону вероятности мина рано или поздно достанет его.

Пока бьют только два 82-мм миномета, но если к ним присоединятся другие, да калибром побольше, в 120 миллиметров... Вот тогда будет полная хана. И он вспомнил — Марена не показалась ему ночью, а это значит, что смерть его сейчас не возьмет.

Дорогой открытой, печалью повитой,
В дыму и огне батарей,
В походе и битве с одною молитвой
О счастье России своей!

— Врешь, меня не убьешь! Руки коротки! — подхлестывая себя матерной руганью, он вскочил на ноги, схватил пулемет и, размахивая руками, побежал к заветной пещере, разбрызгивая сапогами грязь по сторонам. Что-то обожгло ногу, затем больно кольнуло правую руку, но пулемет Фомин не выронил.

Добежал до валунов, тяжело перевалился через них. Противно вонял пулемет запахом пороховой гари и запекшейся крови. Сердце колотилось в глотке, а ноги налились свинцом. Но в душе царила злая радость — два десятка жертв болото заглотило напрочь, не подавилось, еще десяток он с погибшими близнецами уханькал гранатами и пулеметом.

И гимн императорский с песней роновской открыто гремели, а это тоже победа, если не больше. И будет теперь этот капитан перед своими наизнанку выворачиваться — три десятка бойцов потерял при нулевом результате. Хуже того, теперь и проводника нет, и гати, и белогвардейца не схватили. Штрафбат по нему заскучает, и не быть тебе, капитан, майором, никак не быть...

— Погибли? — тихий голос Путта чуть не подбросил его с камней. Фомин повернулся к капитану.

— Срезало очередью с «ручника»! — Фомин прислонил к каменной стене окровавленный приклад пулемета. — Вот! Забрал!

И тут землю сильно потрянуло, с той стороны Камня взлетели высоко в воздух земля, ветки и грязь.

— Полковой, в 120 миллиметров! — привычно констатировал Фомин. — Пошли-ка лучше в пещеру, сейчас плотно садить начнут по нам с крупного калибра. Пошли!

Путт кивнул и скрылся в лазе, а Фомин, войдя в зев пещеры, обернулся. От пузырящейся трясины шел бело-серый туман, ничем не напоминавший утренний — тяжелый, густой, страшный.

Сердце екнуло от нехорошего предчувствия. Фомин поежился, сплюнул и решительно пошел по проходу. И вскоре предстал перед настороженными глазами Поповича и Шмайсера. Темнить не стал, сказал прямо от порога:

— Близнецы погибли. Долбить они начали не хило, но под этим Камнем мы можем сидеть хоть до морковкиного заговенья, ибо через гать никто не пройдет. Нету более гати, и обратной дороги нет! Только зимой на ту сторону мы пройти сможем, если трясина замерзнет. Перевяжите меня, орлы, а то чуток зацепило...

Он устало присел на ящик и прикоснулся к нудно гудящему затылку — там было липко и больно. Одернул руку, чисто машинально вытер о влажный камень. И будто электрическим током ударило, да так сильно, что он сразу прижал ладонь к груди.

— Мать моя женщина! — потрясенно проговорил Шмайсер и добавил враз охрипшим голосом: — Огоньки по камню пошли, как болотные гнилушки... Похожи шибко...

Добрую минуту четверо танкистов удивленно взирали на прыгающих по каменным сводам «светлячков». И тут сено под Фоминым внезапно ухнуло вниз, желудок сразу подлетел к горлу. Захлебываясь рвотой, он попытался подняться, но чудовищная сила придавила его полностью. Слепящая вспышка обожгла глаза, волной ворвалась в мозг. Затухающими проблесками разума он еще успел подумать: «Свод взорвали?! Вот смерть и пришла, пещера стала братской могилой, одной на всех». — И потерял сознание, стремительно проваливаясь в черную пучину забвения...

Глава первая

Близ Перми, 10–11 июня 1918 года

Было больно и темно. Медленно просыпалось сознание. Он всем телом и душой чувствовал раздирающую боль. Темень в глазах, будто ослепли очи, не видят больше белого света. Еще пронеслась мысль, что помер он, грехи перевесили добрые дела, и угодил не в Царствие небесное, а в страшное место вечного искупления, где постоянно клокочет пламя. Мелькнула мысль и тут же пропала — не грех с оружием в руках супротив бесовской власти подняться, а грех насилию не противиться, когда оно жен и деток малых со свету сводит. А потому не помер раб Божий Семен, не отмерял ему срок в этой жизни. А темнота оттого, что в пещере все свечи задуло...

— Никак из 203-х миллиметров вдарили, — с кряхтением заковырялся рядом Путт, — тады уважают нас, раз на такой калибр не поскупились!

— Получается, мы действительно штабную колонну расколошматили, — с другой стороны послышался голос Поповича, — и за это нас решили в землю урыть. Ну что ж, теперь и подыхать не страшно...

— Погоди отпевать, — несколько раздраженно бросил Путт и позвал негромким голосом: — Шмайсер! Ты жив, барон недоделанный?

— Пока здоров, и даже царапин не получил, — ехидный голос немедленно отозвался из дальнего угла пещеры, — но что дальше будет, не знаю!

— Тогда не спрашивай, а запали свечку, черт знает, где она валяется!

Получив от Фомина тычок по ребрам, Путт заворчал:

— Ты чего, Федотыч? И так все ноет, как будто черти всю ночь на мне плясали...

Договорить он не успел, заново схлопотав от Фомина, но уже увесистую плюху:

— Слышь, ты, — Фомин, кряхтя, усаживался, — языком-то не чеши, а то явится, сам знаешь кто, и точно попляшет на наших бранных телах!

— Да ладно! — Путт смущенно засопел. — Вся эта... — он пожевал, — ситуация такая необычная, что ли, и Марена эта, и болото...

— Час от часу не легче! — Фомин воскликнул в полный голос, закашлялся от пыли. — Тебе, дураку, сейчас по башке дать или сам угомонишься?

— А чего такого-то? Чего я сказал-то?

— А то! — Фомин еще раз покашлял, прочищая горло. — Слышал, как люди мудрые говорят: не буди лихо, пока оно тихо! Это не твои дойчляндские вервольфы и ундины, сказки братьев Гримм про пряничный домик! Ты еще раз её позови, авось и заглянет к тебе на свиданку! С близнятами она нонче помиловалась, и где они? В костяные леса припожаловали за Калинов мост! Или ты предпочитаешь Валгаллу? Тут такие дела всегда творились, что молодые парни вмиг седали...

— Да ну! — Путт нервно хихикнул. — Напускал страху! Тебе бы, дедушка, ребятишек путать сказками страшными!

— Ну-ну! Сам в штаны не напускай!

— Федотыч! А ты откуда это все знаешь? — Шмайсер как-то незаметно перешел на ты.

— Я же говорил, мы ведали всегда!

— Так ты — колдун?

— Да! — почти заорал Фомин. — Замолчи, а! Так! — он обратился к темноте, но каждый ощутил на себе его взгляд. — Ребята, я не шучу! Давайте прекратим этот разговор! Кто еще

ляпнет что лишнего, пеняйте на себя!

— Я же говорил, — пробурчал откуда-то из угла Попович, — колдун!

— Еще раз скажешь такое... — Фомин набрал воздуха в грудь, обдумывая одновременно самые немыслимые кары.

— И кое-что из полезных частей организма тебе больше не пригодится никогда! — резюмировал Попович.

И было это сказано с такой вселенской печалью в голосе, что Фомин не просто засмеялся, а заржал. Следом за ним загоготали, держась за животы, остальные. И напряжение схлынуло, оставив после себя приятное чувство — мы живы сейчас, и этого довольно.

Такова психология солдата во все времена — день прошел, ты живым остался, значит, радуйся. А потому печаль по погибшим скоро проходит, на войне, как нигде, все под смертью ходят, а потому нужно извлекать любую мелочь для радости. Ибо когда убьют, не будет у тебя времени для скорби, ничего не будет, только холмик земли, и то при большой удаче...

— Вот-вот! — Фомин всхлипывал от смеха, утирая слезы. — Живы будем — не помрем! Шмайсер! Хорош лыбиться! Свечку-то запали!

Стрелок-радист зашарился в темноте, с грохотом свалив что-то с печки, и гнусно высказался про данную человеку в ощущения реальность. Видать, больно ушиб колено. И облегчил душу...

— Кстати! Хотя шкура твоя тевтонская, а ругаться по-нашему ты хорошо научился!

— Да ну его, Семен Федотыч! — Путт поморщился. — Слышать порой тошно, как он лается!

Темноту разорвал всплеск света — Шмайсер все же сумел найти свечу и зажечь ее. И, словно сговорившись, все тут же потянулись к жестяному ведру с водой. Пили по очереди, зачерпывая кружкой живительную влагу. После чего дружно задымили припасенными папиросами.

— Зря ты его ругаешь, Андрей! — Фомин улыбался. — Ты вот подумай-ка, какие немецкие ругательства сопоставимы с нашими?

— И то верно! — Путт задумался, перебирая в уме неслабый лексикон. — Наши-то пожиже будут!

— Русский мат изначально бережным был, только потом его похабным смыслом наделили! Душе русской в тяжкую минуту помогает и силы дает!

— Да? — задумчиво протянул Шмайсер. — А он только русским помогает? А остальным?

— Сиди, фольксдойче! — Путт похлопал его по плечу. — Наши береги, господин фон барон, вон лежат!

Капитан махнул рукой в сторону оружия, тускло поблескивающего в колеблющемся свете догорающей свечи.

— Да! — взорвался Шмайсер. — Я фольксдойче! И что из этого? Задолбал ты меня с этим фольксдойче! Лучше бы я тогда, в Киеве, и регистрироваться не пошел! Знаешь, какие очереди перед конторами «ФоМи» выстраивались? Ты-то немец чистокровный, ариец, мать его, где уж тебе это понять! А я так, полукровка! Меня в Вермахт не взяли, где уж нам в эсэсманы проситься, я же из четвертой, самой ущербной, категории, мне даже фолькслист не выдали! А в зондеркоманды сам не пошел! Скажи мне еще — в эйнзацкоманду «С» охранной дивизии СС, под крылышко к ублюдкам бригаденфюрера доктора Отто Раша записаться нужно было, гетто еврейское во Львове или Яновский концлагерь охранять! Иди, сказали мне в «ФоМи», дядя, ты не немец и паспорт не получишь! Арийскую кровь свою за века испоганили вы, герр Шмайсер! Русскостью от вас за версту прет!

— Что, правда очереди были? — Попович вмешался в разговор.

— Ты, душа моя, кроме коммуняк ничего и не видел! — Фомин похлопал его по плечу. — Я-то посмотрелся в свое время: как только власть сменялась, сразу от роду-племени многие, ой как многие, отказывались, бежали к новой власти в холуи записаться.

— Вот времена были! — Попович уставился в пол.

— А времена всегда одинаковые! — Фомин повернулся к Шмайсеру. — Ты-то в «ФоМи» со своими метриками пошел или запасные документики уже были на истинно арийскую фамилию?

— А ты как думаешь? — Шмайсер зло прищурился. — Шмайсер — это моя родная фамилия, Фридрихом зовут, Федей! Я из таврических немцев, и предки мои в Крыму еще со времен Екатерины Великой жили. Вот тебе истинный крест! — он размашисто перекрестился. — С самого начала оккупации «Фольксдойче Миттельштелле» матерью родной для многих стала! «Управление связей с этническими немцами» герр Гиммлер на широкую ногу развернул! Столько знакомых лиц там встретил!

— Да ну! — Попович покачал головой. — Правда много народу в немцы записаться решило?

— А ты как думал? — Фомин закурил. — На сороковой год на Украине только проживало около полумиллиона этнических немцев, а если посчитать еще Прибалтику и Белоруссию? А Поволжье?

— Откуда дровишки, Федотыч?

— Андрюша, командирам Красной Армии, в качестве друга-товарища давали по особисту, если ты, конечно, в курсе! Так вот, мой топтун болтливым оказался, ляпнул один раз, что если поднимется буря, то сметет нас в один миг вместе с товарищами!

— погоди! — Путт нахмурился. — Так это мобресурсы-то какие! Куда же Гитлер смотрел?

— А кто его знает? Если свидеться доведется, так спроси! — Фомин пожал плечами. — Только я тебе скажу одно: там еще те остались, кто с Гражданской войны не успокоился! Комиссары, хоть и повычистили таких в тридцатые, постреляли людишек, но вот большая-то часть затаилась, времени смутного дожидаться стала! Вот, — он кивнул на Шмайсера, — и дождалась!

— Да я-то что! — Шмайсер дернулся. — Мы никому не мешали, жили себе тихо...

— Ага! Нараскоряку жили, и нашим, и вашим! — встрял Попович.

— Да пошел ты!

Шмайсер отвернулся к стенке, а механик-водитель открыл рот, чтобы ответить, но встретился взглядом с Фоминым и молча уставился в пол.

Замолчали все надолго. Минут через пятнадцать Попович вдруг спросил:

— А почему они дальше не долбят?

— А кто знает! Шмальнули разок, а теперь задумались. Может, железяка сломалась? Как думаешь, Федотыч?

— Информации маловато. Поживем — увидим.

— Да... — протянул Попович. — Кто ж теперь и разберет! Может, лучше бы сразу померли?

— Да иди ты, знаешь куда? — Шмайсер зло передернул затвор. — Я здесь помирать не собираюсь, у меня еще не все счета с ними сведены!

— Чего тебе с ними считать? — Путт поднял бровь. — Они — русские, и ты — русский.

— А то, гауптман Путт, что, в отличие от тебя, у меня тут жена... — он помолчал, — была... Я же здесь, в Локте, повстречался с Мариной...

Шмайсер сглотнул ком, потер виски ладонями, лицо искривила гримаса жуткой боли. Но вскоре стрелок-радист собрался с мыслями и очень тихо заговорил:

— Я не говорил вам, но мы с ней собирались повенчаться, жили ведь просто как муж с женой. Я с ее родителями поговорить успел, решали уже, как свадьбу справить. Они в Шемякино с ней жили, дом хороший, пятистенки..

Услышав название села, танкисты вздрогнули, разом побледнели и переглянулись. И было от чего так испугаться...

— Прошлый Первомай кокоревские партизаны там справили. Староста Машуров сразу донес, что моя Марина...

Шмайсер снова сглотнул, дернул кадыком, и тут же рванул воротник гимнастерки непослушными пальцами.

— Они с чекистами, в Шемякино и Тарасовке больше ста душ умертвили, стариков, женщин и детей не щадили!!! На седьмой день мы с боем отбили села, и я нашел свою Марину...

Шмайсер закричал зубами, сжав до белизны костяшки кулаков. Гнев, боль, ярость и тоска плескались в его помертвевших глазах.

— Она на восьмом месяце в тягости была, мы дите ждали. Так они ее... А мальчонка наш до сих пор перед глазами стоит...

Страшно смотреть на здорового мужика, что носит в себе такую боль. И молча ее переносит. Если бы ругался, горькую заливал, во все тяжкие пошел, все ему было легче. А тут молчком, больше года...

— Вот после того я их и убивать пошел, чтоб ни одного гада в живых не осталось. И не косись на меня с укоризной, ваше высокоблагородие. В белых перчатках прожить хочешь, Семен Федотыч?

— А тебе от пролитой крови легче жить стало? — голос Фомина резанул хлыстом. — Ты можешь и обязан убивать чекистов, осназовцев, партийцев и прочих сволочей. Но ты не должен был в отместку жечь дома, убивать баб и стариков... Детишек нельзя трогать. Нет на них вины. Нет!!!

От его дикого и яростного крика дрогнули. Они впервые увидели, что их всегда спокойный и рассудительный Федотыч может так гневно взорваться.

— У римлян древних принцип был — разделяй и властвуй. Большевики только этим живут, и благодаря этому их сволочный режим существует. Они Тарасовку с Шемякино только для того вырезали, чтобы мы в ответ кровь в их селах лить стали. И вы купились на это, потянулись ненависть тешить. Но в ней нет жизни, нет! Что вышло — крестьяне звереют и лупят друг друга сейчас до остервенения, а коммунисты ладошки радостно потирают. В Гражданской войне они такое же творили! Еще хвалились изуверской жестокостью. Только не стали мы ответ такой же давать. Да меня, любого офицера или солдата генерал Каппель бы собственной рукой расстрелял, если хоть сотую долю того сделали, что вы в селах за последний год натворили!

Фомин яростно хлопнул рукой по ящику, но опомнился и несколько раз глубоко вздохнул, успокаиваясь. После тихо заговорил:

— Раз мы решили устроить здесь свою жизнь без Гитлера и Сталина, то не должны были в сволочей оборачиваться. Мы же за другую жизнь деремся, в которой справедливость должна быть. А потому суд строгий должен быть, как тот, по которому двух немецких солдат в Локте повесили за убийство. И что?! Да утерлись фрицы, не стали войну у себя в тылу начинать. На это мы решились, потому надо правосудие вершить дальше, как бы нас ни провоцировали, а не карателей посылать. А так ни Богу свечка, ни черту кочерга. Эх, все не так...

— Но защищаться нужно! Глотку им, что ли, подставлять, чтоб ее резать было удобнее? Как баранам покорным?!

— Нужно! Я с тобой не спорю. Но не деревни жечь. Нельзя в карателей превращаться!

Нельзя в крови новую жизнь начинать! Не бывает такого! Нельзя, я тебе повторяю, не выбирать методов! А еще лучше, как коммуняки, любые методы хороши для достижения цели! Понимаешь, мы с ними тогда на одну доску стали! Про ложку дегтя слышал? Ненужная жестокость все достигнутое замарывает. Помнишь тюрьму, Тоньку-пулеметчицу, суку и тварь поганую? Так вот — она людей из пулемета кладет за стакан спирта, а ты за утоление ненависти. Вроде разница, а посмотришь пристальнее, ан нет! Зачем ты души невинные губил? Жену не воротишь, а вот грех на душу такой взял, что вовек не отмолишь. Я воюю справно, только я не каратель. А ты зачем осназу и чекистам уподобился?! Они только за это должны быть тебе по гроб благодарны, что стал по их сволочным правилам жить!

В пещере наступила звенящая тишина, стало слышно, как с потолка падают капли воды. Все ждали взрывного ответа от Шмайсера на гневную отповедь Фомина, но вспышки не последовало. Радист судорожно вздохнул и обмяк. Кулаки разжались...

— Ладно, давайте остынем, сынки. Сделанного уже не воротишь. Одно скажу — нас так и так всех кончат без суда и следствия, да еще живодерами обзовут. Им неважно — воевали мы как солдаты или карателями были. Им неважно, для нас это главное. Пред Ним предстанем, Его суд для нас суровым, но справедливым станет. В одно верю — сейчас наше дело помоями обольют, а пройдут года, десятилетия, и потомки вспомнят о нас, и пусть их приговор нелицеприятным будет, но честным. Я так скажу — мы воевали не за Гитлера и даже не столько против Сталина. Мы воевали за будущее России, в которой не будет людоедского режима, а несчастный и обманутый народ наш заживет нормальной жизнью. И такое будущее настанет, они не смогут народ вечно дурачить и убивать. Не смогут, ибо Бог не в силе, а в правде. А потому и жить, и воевать, и умирать мы должны честно.

Фомин заговорил проникновенно, глаза блестели, его лицо светилось той узнаваемой отрешенностью, с которой только русские люди могут всходить на эшафот.

— Ты так говоришь, Федотыч, словно агитируешь! — Путт скривился. — Вот ты говоришь — Родина? Нас сколько? Горстка! И сметут красные Локоть, как клопа ты давишь! Нет! — он горько махнул рукой. — Тебе это может и Родина, а мне...

— Это наша земля, наша, и за нее мы должны так гордо умереть, чтоб коммунистам тошно стало. А насчет Локтя... Я говорил вам, что я местный, но ты, — Фомин ткнул Путта в грудь, — вот что послушай! В апреле 1918 года к нам в Локоть дошло известие, что нашего государя-императора Михаила Александровича содержат в Перми. И потому мой батюшка решил вступить в любой отряд Красной Армии, что в те края должен отправиться, и постараться помочь государю бежать. Уже тогда мы чуяли, что большевики убьют его, слишком опасно было царское имя для их власти. И я попросил отца взять меня с собой, ибо не мог оставить своего крестного в руках этой сволоты...

— Твой крестный отец император Михаил Александрович?! — потрясенно воскликнул Шмайсер.

— Да, — просто ответил Фомин и, расстегнув пуговицы на вороте, достал золотой крестик. — Вот этот крест, он мне его самолично на шею повесил. Правда, этого я не помню, понятное дело, тогда младенцем был. Потому отец мне не отказал, с собою взял. Мы добрались до Нижнего Новгорода, затем отправились по Волге. По пути вступили в отряд добровольцами, и нас вместе с латышами и солдатами отправили в Пермь, куда прибыли в начале июня.

Слушали танкисты напряженно, даже покурить забыли.

— Так вот, прибыли в Пермь, но не успели: государя вывезли неизвестно куда! В ночь на тринадцатое июня царя отвезли в Мотовилиху и там убили. Об этом спустя восемь лет узнал от чекиста, дружок которого на казни присутствовал. Троцкист, меня в эту шайку вербовал, вот и разговорился в откровенности. Уж больно я им тогда нужен был. Убийством государя нашего

стал предо мной похвалиться, царский медальон тайком показал.

— И что? — с интересом спросил капитан.

— Да ничего! Напоил сучонка до омерзения и домой провожать пошел. А по пути задушил и в старую канализацию скинул, обобрав до нитки. Его через год нашли, кое-как опознали, только на грабителей, коих в столице тогда было превеликое множество, списали. Чтоб его в аду на трех сковородках жарили! Тварь, она и есть тварь... Понимаешь, Путт, мы все им мстим, — он обвел глазами сидящих, — каждому из нас они душу железом каленым выжгли! Вот только мне еще тошнее от того, что мы тогда не спасли императора! Ведь если бы он бежал, если бы смог спастись, может и жизнь наша, и история по-другому сложились бы! А ты говоришь Родина!

Фомин устало опустил голову.

— Да! Дела! — Шмайсер потрясенно курил. — Ты, Федотыч, считай, в своих руках будущее России держал... Ведь если бы... Ведь можно было все тогда изменить!

— Да не трави душу! — Фомин закурил. — Если бы не бы, было бы кабы! Кстати, Путт, надеюсь, ты не за Дойчлянд фатерланд умирать будешь?

— Да какой я, к чертям, немец! — капитан тяжело вздохнул и взмахнул рукой. — Бабка у меня русская!

— погоди! — вскинулся Шмайсер. — Так ты не чистокровный немец?! Ах ты ж, падла! — он с размаху хлопнул себя по коленке. — У меня-то и мать, и отец немцы, хоть и обрусели за долгое время. И род наш не из дворянских, хотя и задолбал ты меня с этим «фон бароном»! А ты-то вообще, значит, на четверть русский?!

— Да! — Путт понурил голову.

— Нет, ну! — Шмайсер потрясенно таращил глаза. — Ты!!! Ты мне все уши прожужжал с этим фольксдойче, в морду каждый раз тыкал! Нет, ну... — он шумно выдохнул. — Ну, ты и мерзавец!

— Ну, чего теперь? — Путт развел руками. — Ну, дай мне в морду, чтоб успокоиться!

— Ага! — Фомин почесал порядком уже отросшую щетину. — На дуэль его еще вызови, Федюня! Или ты Фридрихом теперь величаться предпочтешь? Один ты у нас теперь немцем остался!

Попович прыснул:

— Майн либен Фридрих!

— Вот ведь, а! — Шмайсер все не мог успокоиться и поэтому пропустил колкости в свой адрес. — А язык-то! Твой немецкий явно природный, лучше, чем у меня. А так язык в школе не учат.

— А я и не учил его. Я с детства с немецкими мальчишками рос. Мой батя в Коминтерне революции устраивал, в германской секции. А потому в нашем доме немцев было пруд пруди. И все то из компартии Германии, то из Рот Фронта, то еще откуда. С женами и детьми. И в школе нашей московской занятия на немецком языке вели. На русском-то часть эмигрантов совсем не разговаривала.

Попович громко присвистнул, а Фомин со Шмайсером от удивления раззявили рты. Первым опомнился Фомин.

— Зовут-то тебя как? Понятно, что Путт — это не настоящая фамилия!

— Да как сказать! Ты, Федотыч, в самую точку углядел, один лишь Андреем меня называя. Да я и привык к своей теперешней жизни, сжился с личиной, имя настоящее почти забыл. Я же здесь по документам — Андреас Путт, а по жизни — Андрей Путь, яблоко от яблони, так сказать...

— Да! — протянул Фомин. — Как я понимаю, мы все решили исповедь друг другу учинить.

Потому истина нашей изнанки на свет вылезла. Удивил ты меня, сильно удивил. И как же ты с такой биографией в РОНА оказался?

— Исключительно по трусости и малодушию, — ответ Путта привел всех в крайнее изумление — что-что, а упрекнуть капитана в таком поведении они не могли, благо было время узнать друг друга.

— Я в институте на последнем курсе учился, когда война началась...

— Так ты говорил, что только девятилетку окончил? — Шмайсер удивленно поднял брови.

— Ты тоже много чего говорил! — огрызнулся Путт. — Собака, говорят, брешет — ветер носит! Так вот, нас всех, кто военные сборы проходил в танковых войсках, тут же забрали, а мне отец бронь выхлопотал. Отказался я от нее и пошел добровольцем. Может, и сейчас воевал бы в Красной Армии, если бы не окружение под Киевом. Горючки нет, снарядов нет, немецкие танки прорвались от Десны. В общем, бросили мы оставшиеся танки и стали пехотой. В селе остановились, а утречком нас эсэсовцы накрыли тепленькими. Выгнали, как баранов, построили, а напротив автоматчики встали. Офицер выходит и говорит: «юде и комиссарен ист?» Мы все отвечаем, что нет, мол. А он смеется, говорит, что врать нехорошо. Да еще торопит с ответом, — Путт вытер лоб рукавом. — Рядом со мной политрук стоял, переодетый в солдатскую гимнастерку. Свою форму со звездами на рукавах он сразу снял, как в окружение попали. Стоит и трясется от страха, как овечий хвост. А до того такие речи держал да горланил, что всех научит умирать за Сталина и партию! Семенова, командира моего взвода, пристрелил из нагана, заподозрил, что тот панику сеять, когда нас окружили, вздумал. А как подвело, так жидко и обгадился. Пока я на него косил взглядом, грохнул выстрел. Эсэсовец солдата в лоб застрелил и на второго ствол навел. Тот на меня показал, вот, говорит, наш сержант, у него комсомольский билет в кармане. Тут меня до самой задницы пробрало...

По лицу Путта обильно потек холодный пот, словно и сейчас капитан оказался под пистолетным дулом, которое смертельным зевом уставилось ему прямо в лицо.

— А офицер улыбается и что-то тихо бормочет. А у меня все чувства до того обострились, разобрал, что оберштурмфюрер детскую новогоднюю считалку шепчет. Ну, я ему и говорю — ежик под елкой, а киндер ждут муттер. Немец пистолет опустил и удивленно так говорит: «Вы знаете немецкий?!» А я ему в ответ заявляю, что я чистокровный немец, хоть и родился в России. Андреас Путт так и появился на свет. Документики-то я сразу выкинул, как в окружение попал! И тут же железо стал ковать, пока горячо, вижу, что он отвлекся на мое заявление. Говорю ему — чего комсомольцев стрелять, если рядом настоящий комиссар стоит и тем более жид по матери. И политрука толкаю вперед, прямо на обалдевшего эсэсовца.

Путт непроизвольно дернул плечом, словно снова кого-то толкнул, и его лицо скривилось в гримасе. Нехорошая улыбка растянула губы.

— Политрук жидковат оказался, упал на колени и обосрался. Да с таким газовым выхлопом, что офицер стрелять не стал, в сторону отошел. А другие посмотрели на это дело и начали выталкивать из строя коммунистов. Но многие сами вышли — достойно повели себя. Оберштурмфюрер обратился ко всем пленным, которых добрая сотня была. И сказал, что у нас есть пять минут, чтоб голыми руками всех вышедших умертвить. Кто откажется, умрет. Если все откажутся, всех убьют. Стоим, молчим, головы опустили. Офицер одному говорит: «Будешь убивать?» Тот головой покачал, и тут же получил пулю в лоб. Эсэсовец задает тот же вопрос второму солдатику...

— И что? — жадно спросил Шмайсер.

— А тот как заорет: «Мужики, чего нам за коммунистов умирать!» И хрясь одного по уху. Тот в ответ. Ну, тут десяток и рванули на помощь. Да оно и понятно — надо только кому-то первым начать. Остальные стояли, покуда по ним очередью не вдарили и двоих не убили.

Только теперь до всех дошло, что это не шутка. Набросились всем скопом, голыми руками, зубами рвали. Один, правда, не хотел, и его тут же пристрелили. И все — кончились бойцы Красной Армии, убийцами и палачами окровавленными сделались. Всех этой кровью повязали — хитрой сволочью эсэсовец оказался.

Путт вздохнул и вытер рукавом пот со лба. Остальные переглянулись — история капитана была дикой, но то, что она истинна, сейчас не сомневались. Но чтобы вот так — это в голове просто не укладывалось.

— Вначале в полиции служил, а потом меня в Локоть случайно занесло, и в бронедивизион попал...

— Самозванцы вы, братцы. Шмайсер в русские подался, ты в немцы. — Фомин почесал затылок. — Вы уж определитесь на будущее.

— Теми останемся, при своих, — недовольно буркнул Шмайсер. — Только мы не самозванцы, мы каратели. Не зазорно из одного котелка хлебать?

— Не зазорно! У самих грехов достаточно, — резко ответил ему Фомин, чувствуя, что нужно повернуть разговор в другое русло. — Давайте, ребята, по-прежнему, чины и звания нам не нужны уже!

— И то верно, Федотыч! — Путт пожал ему руку. — Лады?

— Лады!

Тем временем Попович взял кружку, черпнул воды, карябнув жестью днище, выпил залпом:

— Воды совсем мало осталось!

— И я о том же! — Фомин повернулся к остальным. — Ладно, разговоры потом вести будем. Сейчас надо снаружи тихонько осмотреться и водички набрать.

Он встал с ящика, взял свой ППС, пристегнул набитый патронами магазин и передернул затвор. Путт немедленно проделал ту же процедуру с ППШ, а Попович, кряхтя и охая столетним дедом, взял в руки самозарядную винтовку. И лишь Шмайсер предпочел вооружиться солиднее, взяв проверенный ДТ.

А вот гранаты танкисты убрали — применять их в пещере или длинном извилистом проходе сродни безумию самоубийцы. Если осколками не посечет, то от взрыва оглохнуть начисто и сознание потерять запросто можно, с тяжелой контузией в придачу.

Вооружились до зубов, все понимали, что осназовцы их так просто не оставят. Чекисты на выдумки горазды, оставлять роновцев живыми на острове не будут...

Фомин продвигался по проходу осторожно, вслушиваясь в темноту. Только мелкая каменная крошка хрустела под подошвой тяжелых армейских ботинок. Еще пять шагов, и поворот, а через пару шагов туннель снова извернется, и появится светлый проем пещерного зева. Но эти шаги еще надо сделать, осторожные и тихие, мало ли что.

Фомин остановился, прислушался и шагнул. Ботинок, неожиданно для него, с хода уткнулся в непреодолимую преграду. Он не удержал равновесия, ткнулся лицом вперед. Но падение было остановлено каменной преградой, непонятно откуда взявшейся. Из глаз посыпались искры, и Семен Федотович упал назад. Причем сильно ударился пятой точкой о каменный пол, застонав от боли.

— Что там такое?! Федотыч, что с тобой? — тихий шепот Путта показался Фомину криком. Сзади послышалось чирканье спички о коробок, и тонкий язычок пламени осветил проход.

— Твою мать! — изумленно воскликнул Шмайсер и выронил горящую спичку из дрогнувших пальцев.

— Ферфлюхте!!! — Путт был не менее эмоционален, а Попович за спиной добавил по матушке.

Крупные каменные глыбы плотно забили до самого свода.

— Это все, ребята! Стала пещера эта нашим последним пристанищем. Обратной дороги для нас нет!

Глава вторая

Проснулся Фомин с превеликим трудом, саднило руки, сильно болела поясница, ломило отекавшие ноги. За день каторжного труда им удалось очистить до двух десятков шагов завала, но конца края тягостной работе не предвиделось. Он впервые поймал себя на ощущении полного оцепенения, когда человек работает, но уже не понимает смысла в своей деятельности. И таскает камни лишь потому, что все рядом их ворочают и носят. И самым страшным было то, что он уже понял, что произошло...

Сейчас его пробудил голод — он во сне учуял запах варящейся каши, явственный, раздражающий. Фомин прислушался — из прохода доносилось шипение примуса, там вовсю кашеварил Попович.

— Доброго рабочего дня вам, ваше высокоблагородие, с побудкой! — Попович словно не замечал хмурого взгляда Фомина. — Я тут вам решил маленько помочь, пока каша варилась, и полсотни камней сбросил. Пойдем, Федотыч, покажу что-то.

Механик взял в руки горевшую свечу и быстро пошел вперед по проходу. Фомин последовал за ним, и через полминуты они были уже у завала. Попович указал в разобранный провал и поставил на камень свечу. Семен Федотович пригляделся и непроизвольно ахнул от удивления.

— Вам вчера надо было на пять минут дольше поработать!

Голос Поповича чуть дрожал от плохо сдерживаемого волнения. И было отчего — вытесанные камни прохода здесь кончались, а свод крепился обычными столбиками и плахами, что были на них уложены под потолок. Фомин немедленно залез на камни и ощупал деревянное перекрытие и столб. Тихо свистнул.

— Это не тот проход, — растерянно промолвил подошедший сзади Путт. — Лиственница. Очень старая...

В пещере воцарилось звенящее долгое и тягостное молчание — Фомин, Путт и Шмайсер непрерывно курили, переваривая полученную информацию.

— Я тоже ничего не понимаю! — Фомин потрогал каменную стену. — Похоже на старую выработку.

— Сдается мне, что мы имеем дело с мистификацией, — Шмайсер дрожащими пальцами вытер пот со лба, — твое капище, помнишь, Федотыч, про туман ты еще говорил... Так вот, твое капище и выкинуло с нами шутку!

— С чего ты взял? — Путт зажег спичку и дал всем прикурить.

— А с того, что, проход именно заложен камнями! Не взорван, а заложен. При взрыве камни по-другому бы легли!

— Ты прав! — Фомин тяжело встал. — Я тоже обратил на это внимание, но не стал вам говорить! Причем, не просто выкинуло шутку, а нас перекинуло!

— Не понял? — папироса чуть не выпала из открытого рта капитана. — В смысле?

— Я же говорил, что на этом капище всегда разная чертовщина, прости Господи, творилась! — Фомин устало привалился к стене. — Вот и с нами случилось то, чего я больше всего боялся...

— То есть ты хочешь сказать... — Путт округлил глаза. — Глупости! Не верю я во всю эту чушь! Сказки!

— Да! — Фомин выдохнул. — Эх, Марья, Марья... Мы перенеслись вместе с пещерой, но куда... Ребята, скажу я вам так в эту пещеру и раньше... Кхм, всякое переносило...

— А как?

— Когда?

— Кого?

— Почему?

Фомин затряс головой, как лошадь, отгоняющая назойливых мух.

— Ладно, расскажу вам одну шибко поганую историю. Мой покойный отец в пятом году служил в черниговских гусарах, чей полк здешнее имение последнего императора Михаила Александровича в Локте охранял, тогда наш государь великим князем был. Так вот, время было лихое, революция, мать ее. И банда одна появилась — не просто грабили, а измывались люто, руки-ноги ломали, пальцы, уши и все другое резали. Живорезы, короче.

— Не с них ли потом чекисты выходили? По нравам дюже похожи, — с ехидцей в голосе поинтересовался капитан.

— Вот гусар и отправили их искать, — Фомин пропустил мимо ушей ухмылки слушателей, — двенадцать их было, да мой батя с ними тринадцатым. Осенью дело то происходило, они дымок над островом углядели и сюда сразу поскакали.

— А как через трясины лошади прошли? Мы еле ноги выдирали!

— Тогда, Андрей, гать поверху шла, сухая, из бревнышек. А через десять лет она под воду уходит стала, как и сам остров. Он же сейчас весь залит, а в то время, я еще его застал, сухой был, и травы нужные здесь росли всякие, а боле нигде таких не было. Брат моего деда с женой на острове жил, он лесником был, да сено косил, тут добрая трава урождалась всегда. Так вот — когда гусары к Поганкиному Камню подскакали, то его с женой убитыми здесь нашли. Вот тут на гусар из засады и напали, да всех солдат стрелами посекали.

— Как стрелами? А кто? Зачем?

Вопросы посыпались горохом, и под это дело все закурили по папиресе. Вот только улыбок уже не было, ибо все танкисты знали, что Семен Федотович к шуткам и розыгрышам склонности не имел. И симпатий к ним не держал. Категорически.

— То были всадники на низких монгольских лошадках, в кольчугах, со щитами, луками и копьями. Узкоглазые, некоторые с козлиными бородами, кричали на татарском языке.

— В плен «языков» взяли?!

— Нет! Всех татар с винтовок насмерть положили. Только мой отец один живой остался, а гусар всех до смерти посекали, кого стрелами, кого саблями. Вот так! Один солдат греком крымским был, он и крикнул, что это татары, видно, речь их разбирал. В Крыму ведь и татары живут?!

— Живут! Сам видал, — подтвердил Шмайсер, а Путт кивнул головой, соглашаясь с ним. Семен Федотович чуть дрожащими пальцами закурил еще одну папиросу. Танкисты притихли, лица побледнели. Было видно, что рассказ Фомина заинтриговал всех до жути, а потому они даже дышать старались через раз и тихо.

— В пещере полдюжины трупов истерзанных было — девок, изнасилованных этими татарами. Страшно убитых, зарезанных. Но не с наших мест, как потом выяснили, и одежда на них была старинная. Жандармы отца долго теребили, допытывались. А он и так ничего не понял — уж больно быстро все произошло. А через месяц ученые из Москвы приехали, ходили да ахали. Могилу с татарами вскрыли, трупы обмеряли. Затем взяли их оружие и одежду да с собой и увезли.

— А что сказали-то?

— Ничего, только удивлялись сильно и вздыхали тяжело. Они сами ничего не понимали. Правда, один из них, самый молодой, с отцом выпить не погнушался, спьяну историю ему одну поведал, о которой в древних свитках написано было. То чуть ли не триста лет тому назад было, при царе Алексее Михайловиче, что отец императора Петра Великого был. Якобы где-то под

Москвой подобный Поганкин Камень есть, и вот однажды из тумана, что его в полнолуние окутал, выехали конные татары, но не десятком, как эти, а всей сотней. Их побили, но и пленных удалось захватить. Царь велел самый строгий сыск вести, и там такое прояснилось...

— Да что же? Не томи душу, Федотыч!

— То была сотня из отряда хана Девлет-Герее, и шли они на Москву, где царствовал Иван Грозный. А то за сотню лет до царя Алексея Михайловича было. Но у Камня в странный «туман» попали. Когда татары из него выехали, то оказались они в другом для себя времени, веком позже. Из Москвы на проверку бояр выслали, и те живо у местных крестьян выяснили, что татары сии незнамо откуда появились, чуть ли не из воздуха. И за тем Камнем тоже недобрая слава тянулась.

— Ни хрена себе! — легким присвистом выразил общее мнение Путт. — Это что ж получается — твой батя дрался здесь с монголо-татарами!? Опупеть можно! Получается, нас также... забросило, как тех татар?

Путт своим вопросом выразил общее мнение — танкисты горящими взглядами смотрели на Семена, с нетерпением ожидая ответа. Тот замялся и, стараясь спрятать смущение, потянулся за папиросой. Следом закурили все, но взглядами продолжали сверлить сержанта.

— Дед мой ведунум был. Или, как у нас говорят, — знающим человеком. После отмены крепостничества прошло лет шесть, когда он, тогда молодой парень, здесь с девкой согрешил, в этом капище. С моей бабкой, значит, свадьбы они дожидаться не захотели. А спать пошли в хатку, к родителям, чтоб поутру сено косить. Ну и утречком сюда смотались, чтоб еще разок на зорьке помилиться. Пришли, значит, и остолбенели. Тут в пещере стрельцы побитые лежали, в кафтанах, с пищальми и бердышами.

— Так что такое творится на белом свете! — капитан потрясенно захлопал глазами.

— Подожди, Андрей! Прадед, как тела увидел, так настрого запретил о том кому-то говорить, дабы полицию сюда не привадить. Три холмика видели перед Камнем? В одном женки зарезанные погребены. Рядом с ними татар тех зарыли, а в стороне еще несколько камней. Так вот под ними стрельцы те побитые лежат, что дедом и прадедом похоронены. Вот такие дела здесь были, но о том мы, Фомины, завсегда молчали. Потому что место это клятое. Шмайсер, Попович! Разгребите в углу сено, под ним оружие разное спрятано. И притащите сюда, сейчас увидите все собственными глазами.

Механик-водитель и радист кинулись в угол, разгребли сено и с удивленным оханьем извлекли длинную старинную пищаль с шестигранным и толстым стволом, потом топор с широким лезвием полумесяцем. Затем появились на свет две кривые сабли и охалка из мелких колец, которая оказалась порядком разорванной кольчугой.

— Твою мать! Первый раз в жизни такое вижу! — только и сказал капитан, разглядывая старое оружие.

— Надо же, так это бердыш?! — Попович крутил в руках топор. — Я такой же в кино видел, там фильм крутили про этих, как их... А, хрен с ними, потом вспомню. А это пищаль?

— Да. Пищаль и бердыш стрелецкие, сабли и кольчуга от татар остались. Все остальное оружие давно в кузнице перековано...

Фомин устало прикрыл глаза, а остальные с увлечением загремели железом, разглядывая старинное оружие. Но тут неугомонный Шмайсер заговорил о совершенно ином.

— Я вам так скажу, по школе еще помню. Крепостное право отменили у нас вроде в 1861 году. Берем шесть лет — значит, стрельцы появились в 1867. Так?! А в 1905 году уже появились татары эти. Прошло от того времени 38 лет. И все творилось осенью...

— Сейчас начался сентябрь 1943 года. И тоже осень, и ровно 38 лет прошло...

— Получается, — Шмайсер прищурился, — что это как-то запускается с определенной

частотой, как такт дизеля. Допустим. Хотя это пахнет мистикой. Но что-то должно этот процесс запускать?

— Так «светлячки», помнишь, пошли, когда Федотыч к стене прислонился? Что перед этим было?

— Да ничего не было, — Попович растерянно пожал плечами. — Бой был, Федотыч, вон, пришел, у стенки сел...

— Кровь! — Фомин подскочил на месте. Его глаза горели, он тер виски ладонями. — Я же руку вытер о стену, помнишь? Бабка здесь невинности лишилась, и дед говорил, что на полу «светлячки» видел, когда уходил! Пару секунд горели и погасли разом... И с татарами... Дядька здесь руку косой порезал. Дождь был, они с женой и сыном здесь сидели. Дядька здесь косы точил. Вот тут он и порезался.

— А как узнали-то? Мертвецы ведь не говорят.

— Так сын его, Пашка, мой братка, на вечерку в село тогда отпросился, мол, дождь сильный идет, до полудня все равно косить нельзя, чего ж вечеру пропадать. Он эти «светлячки» на полу и видел, когда уходил...

— Да... — Путт нервно стучал пальцами по колену. — Вот дела так дела! Как понять такое, Федотыч?!

— Я сам еще всего не понимаю! Андрей, — Путт подобрался, — пойдем, прогуляемся, посмотрим, что здесь к чему! А то — мистика мистикой, а пуля, хоть и дура, но убивает вне зависимости от того, во что ты веришь...

Шмайсер только и придумал, что помахать им вслед, когда Фомин пошел первым по штольне, тщательно подсвечивая себе под ноги. Путт потопал следом, держа автомат наизготовку и делая отсчет шагов.

Через несколько минут в правой стенке обнаружился проем еще одной штольни, и танкисты остановились.

— Посмотрим там, а? — спросил Фомин и, дождавшись кивка Путта, шагнул в темноту. Шли на этот раз дольше, минут пять, осторожно, тщательно осматривая трухлявое крепление.

— Это не главный ход, Федотыч, ответвление. Здесь ниже и уже намного, и крепеж не столь добротный.

— Ладно, пойдем обратно. Стой! — внимание Фомина привлекло что-то блеснувшее в тусклом отсвете свечи. Семен Федотович сделал несколько шагов и застыл, потеряв на секунду дар речи.

— Майн готт! — только и смог сказать Путт, глядя на человеческий скелет.

Именно череп, отполированный временем, и привлек внимание танкистов. Фомин медленно склонился над останками, тщательно осмотрев их. И первое, что бросилось в глаза, была проржавевшая и рассыпавшаяся на звенья цепь, которая крепилась одним концом за здоровенный штырь, вбитый в каменную стену, а другим к массивному широкому кольцу на заклепке, которое обхватывало кость.

— Суровые нравы, — только и сказал Путт. — Приковали в штольне да оставили умирать. Ничего нет, ни клочка материи, и на костяке никаких повреждений, если не считать, что кое-где рассыпался.

— По крайней мере, одно ясно — когда-то сея штольня была обитаемой. Вопрос только один — когда именно?

— Полвека назад, Федотыч, не раньше. С того момента как ее забросили, полвека именно и прошло, не меньше. А вот когда это произошло? Вот в чем вопрос! Холодно кругом, а лиственница мореная. А она и двести лет простоять спокойно сможет. Тем более, сыровато здесь.

— Да уж, пойдём-ка мы лучше обратно. Перекурим это дело, Андрей, а то мне чего-то муторно от таких открытий. Во-первых, попали неведомо куда, а во-вторых... — Фомин помолчал и тихо добавил: — Похоже, что и неведомо когда...

— Постой, остановись! — Путт положил на плечо Фомина свою крепкую ладонь. — Или мне кажется, или сладковатым тянет?!

Фомин остановился и стал вдыхать воздух. Этим он живо напомнил Путту сторожевую собаку, которая замерла в стойке и тщательно нюхает залоха. Он хотел подшутить над ним, но осекся — внезапно сузившиеся глаза и злющая кривая гримаса на лице Фомина не предвещали ничего доброго.

— Это запах тлена, Андрей! — осевшим голосом тихо сказал Семен Федотович. — Мертвяки впереди есть, причем не один. Дышал я таким воздухом раньше... Приходилось...

Путта нервно передернуло, он машинально повел плечами. Мертвецов, как это ни парадоксально, он боялся до жути. Именно обычных мертвецов, а не убитых на войне. И сейчас капитан РОНА, который неукоснительно требовал от всех, чтобы его на немецкий манер называли гауптманом, испытывал жгучее желание уйти обратно в пещеру, которая за эти дни стала для него и других танкистов чуть ли не родным домом.

— Не мандражи! — тихо сказал Фомин и добавил: — Мне и самому как-то страшно становится. С детства не любил по погостам ходить. Пошли вперед, но аккуратно и осторожно!

Они двинулись, и с каждым шагом запах тлена становился все явственней. Семену Федотовичу казалось, что сладость в воздухе стала сгущаться, а желудок в яром протесте завыл, норовя вывернуться наизнанку.

Миновав поворот штольни, они зажмурили глаза — настолько яркими ему показались идущие откуда-то сверху отблески дневного света. Когда Семен Федотович их снова открыл, то ему захотелось обратно смежить веки, чтоб не видеть того ужаса, который стоял перед его глазами.

— Боже все милостивый! — голос Путта дрожал от страха, он размашисто, по-православному, перекрестился и тут же согнулся в приступе рвоты. А Фомин застыл, он чувствовал, как душа становится ледяной, и был не в силах поверить тому, что лежало перед глазами.

Это была шахта, которая вела на поверхность, и дневной свет прекрасно освещал то, что находилось на дне колодца. Штольня здесь расширялась до размеров приличной комнаты, и ровно посередине ее высилась огромная, в человеческий рост, груда мертвых тел. И не просто мертвецов, а замученных зверями в людском облике и сброшенных в шахту, причем некоторых кидали живыми.

О том свидетельствовали два трупа в стороне — один прижался спиной к стенке, держа на коленях голову другого мертвеца. И запах, страшный трупный запах забивал ноздри, перекрывал гортань, и тошнота душила.

Однако внимание Фомина от этого обострилось чрезвычайно, и потому он успел заметить, как со стороны выскользнуло несколько силуэтов каких-то тварей с длинными хвостами, размером с большую кошку.

Он пригляделся и на время потерял дар речи — таких огромных крыс офицер видел первый раз в жизни. И даже если кто-нибудь сказал бы ему о таком раньше, он ни за что на свете не поверил бы. И эти огромные крысы не порскнули в темноту от страха, твари явно готовились вцепиться ему в глотку.

— Путт!!! Стреляй же, сгрызут!!! — в диком ужасе заорал Фомин, попятился, споткнулся о камень и упал на спину, в которую больно воткнулся автомат.

Свеча выпала из его ладони и погасла. Крысы, рыча, как голодные собаки, стремительно

кинулись на него гурьбой. Фомин только успел прикрыть лицо руками, понимая, что достать ППС из-за спины он не сможет.

Грохот стрельбы заложил уши, штольня осветилась язычками пламени изрыгающего свинец автомата. Путт стрелял длинными очередями, и Фомин видел, как пули отбрасывают визжащих адских исчадий на камни.

Но крысы не унимались, одна из них, виляя перебитым хребтом, намертво вцепилась в ботинок, и Фомин в отчаянии ударил ее об стену. Приподнялся, сорвал ППС с плеча и начал стрелять по крысам в упор. Бешенство и пережитый страх настолько его поглотили, что он не видел, как падают кругом камни, как сыплется с потолка щебенка.

— Кончай стрелять! Потолок может рухнуть, обвал будет! — рука Путта трянула Фомина за плечо, и он опомнился. Вскочил на ноги и быстро поменял магазин, клацнув защелкой. Повел стволом по сторонам — крысы не устояли под автоматным огнем и, оставив добрый десяток тварей убитыми, юркнули в темноту, где и растворились...

— Шмайсер! Не стреляй. Это мы! — еще издали выкрикнул Путт — не хватало еще получить пулеметную очередь в упор.

— Что случилось?! Почему очередями били? — из-за сложенной стенки вышел Попович с автоматом, бросил быстрый взгляд.

— Отходим за валуны, там расскажем! — буркнул Путт и первым пошел вглубь, за ним последовал Фомин, а поспешное отступление прикрывал механик-водитель.

Дойдя до ящиков, Семен Федотович порывлся в одном и достал штофную бутылку с мутной жидкостью. Выдернул зубами пробку и быстро разлил самогон по кружкам. И тут же хватанул одним глотком — обжигающая жидкость прокатилась по горлу, от омерзения сивухи он скривился.

Занюхал галетой и потянулся за папиросами. Путт тоже выпил, а вот двое других к кружкам не притронулись, смотрели непонимающе.

— Что случилось? На вас лица нет, бледные оба, как мел. И что это за запах от вас?

Попович смотрел напряженно, а вот Шмайсер вопросов не задавал. Ему стоило только принюхаться, как за секунду стал белее мелованной бумаги — слишком хорошо запомнил он этот страшный запах.

— Выход из шахты мы нашли, вот только там, — Фомин непроизвольно сглотнул и его нервно передернуло, — чекисты или осназовцы уйму людей уложили. В штольню мертвых и живых покидали, человек сорок. До исподнего всех перед казнью раздели, ни на ком формы и обуви нет. А вот крестики имеются. Один, видать, после падения уцелел, в сторону отполз и друга мертвого выволок. Так и застыл у стены, а в руке крестик зажал. Царствие им всем небесное, мученикам!

Фомин истово и размашисто перекрестился, следом осенили себя крестами и остальные. Попович и Шмайсер взяли кружки и молча выпили самогон, поминая замученных. Оба танкиста угрюмо насупились, рты кривились в недоброй ухмылке.

— Вы уж сходите туда, ребята, посмотрите сами. Да прикиньте, как нам из шахты выбраться, — Путт уже отошел и говорил привычным тоном. — Только смотрите, там крысы бегают, что твои собаки, здоровенные, больше кошки. На Федотыча кинулись, в ботинок вцепились. Кое-как мы их из автоматов уняли, с десятков положили тварей поганных. Идите, ребята, а мы тут посидим, покурим, самогонки по чуть-чуть вдарим. Ферфлюхте!

— Ты это, — Шмайсер попробовал пошутить, — Андрюша, по-немецки-то не матюгайся! Помнишь, Федотыч учил по-нашему, по-славянски! Оно и оберегом будет...

И осекся, взглянув на почерневшего вмиг Путта. Попович потянул его за рукав, ибо давно знал, что если Путт начинал ругаться по-немецки, значит, настроение у него ниже плинтуса, и в

таком случае нужно держаться от капитана подальше.

В полном молчании прошел без малого час, пока радист с механиком не вернулись в пещеру обратно, шаркая ногами, как старики...

— Трупы разные, самым старым месяц примерно, другим и двух дней нет, совсем свежие. Большинство умучены, ты прав, Федотыч! — Попович говорил нарочито спокойно, вот только руки выдавали его состояние — дымящаяся папироса ходила в пальцах мелкой тряской.

Фомин смотрел на парней с жалостью — совсем молодые, а тут такое. Просто ум за разум заходит. Вернулись танкисты аж зеленые и добрых полчаса блевали, как худые собаки, да молча сапогом глушили. Но не брала их убойная крепкая жидкость, без малого четверть они одолели вчетвером без закуски, а все сидели трезвые, даже оторопь взяла.

— И еще одно, — Попович сглотнул, — ни на ком нет трусов и маек, только исподники. Я у четверых метки нашел, так там старые буквы есть, да и фамилии на твердый знак кончаются.

Фомин посмотрел на механика-водителя с нескрываемым уважением — он сам на такое решиться не смог бы, хотя и понимал, что для них это крайне необходимо.

— Так вот что? Это же «Ять», буква дореволюционная! — удивленно протянул Путт. — Выходит, мы попали как кур в оцеп...

— С чего ты взял?

— А с того, что подштанники эти, метки на них и тела убиенных, говорят о том, что мы в прошлом... И убивали красные, мать их в душу! Да и крестики на всех! Сейчас-то их открыто не носят, своих же боятся... Гражданская это, хлопцы, год эдак двадцатый, не иначе! — глухо произнес Фомин. — Только тогда они погоны с лампасами на живых резали. Немцы этим не занимаются, они просто убивают, без затей.

— Не нашего времени трупы! — уверенно произнес Попович. — Посмотрите на это!

Он выложил на ящик смятую папиросную коробку и расправленный газетный листочек. Фомин быстро взял пачку в руку — знакомое по прошлой, далекой жизни название сразу бросилось в глаза.

— Эти папиросы при советской власти не делали. У нас тогда шутили, мол, папиросы «Лира» — это все, что осталось от старого мира.

— А вот и бумажка от какой-то газеты. Видать, ее на самокрутку хотели пустить, но ветер вырвал и в колодец шахты забросил! — громко произнес Путт и внезапно осекся. Капитан напряженно уставился в обрывок, даже подвинулся ближе к керосиновой лампе.

— Здесь текст какого-то объявления. Сейчас прочитаю: «В домовых комитетах провести регистрацию всей излишней площади для уплотнения до 12 марта сего...» Твою мать!

— Ты чего?! — вскочил Шмайсер.

— Какой год? — вскричал Попович.

— То ли восемнадцатый, то ли девятнадцатый год, — раздраженно произнес Путт, — нижняя половина цифры оторвана, а сверху что-то полукруглое рассматривается. Сами глядите.

Бумажка резво пошла по рукам — вначале ее осмотрел Попович, потом Шмайсер, и последним взял Фомин. Танкисты молча уставились на него, словно он для них стал главной и решающей инстанцией.

— Скорее, это восемнадцатый год, — медленно произнес Семен Федотович, — ибо к девятнадцатому году всех буржуев давно уплотнили подселением в квартиры. И последующим выселением «эксплуататоров». Когда Гражданская война началась, с ними не церемонились.

Прошло более четверти часа, когда тихим голосом заговорил Путт:

— Что мы будем делать в этом времени? Опять воевать?

— Не забегай так далеко, Андрей. Что мы будем делать позже, будем позднее и решать. Сейчас у нас задача одна-единственная — как нам из этой шахты на поверхность выбраться. Уж

больно мне хочется на солнышко с небом взглянуть. А, ребята?

Двое кивнули, а вот Попович после короткого размышления негромко сказал:

— Шахтный колодец метров двенадцать, по крайней мере, не больше пятнадцати будет. Я на трупы поднимался и вверх смотрел, хотя запах был, я вам скажу, такой... В стенках штыри железные торчат, в руку толщиной. Видать, ранее на них лестницу крепили. Сверху над отверстием какое-то сооружение стоит, на лебедку похожее. Я заберусь, потом поднимемся сами и вещи с оружием вытянем...

Фомин замолчал, потер пальцем переносицу и задумался. На него смотрели напряженно, понимали, что он не сказал главного, затаенного. И Фомин, закулив папиросу, продолжил тихим голосом.

— Хорошо, так и поступим! И еще одно — если под утро красные явятся, чтоб людей новых скинуть, вы их с пулеметов порешите... Мало ли что. Я жизнь пожил, а потому могу и в шахте смерть принять. Чуть что, бросайте меня здесь и уходите. И не смотрите так — в жизни по-всякому бывает, а в обиде на вас, сынки, я не буду. Вы уж там, наверху груз принимайте, но, главное, по сторонам хорошенько глядите, а я тут сам управлюсь!

— Не говори так, ваше высокоблагородие! — с кривой улыбкой произнес Путт. — Мы тебя бросать не станем, вместе пришли, вместе и выберемся. Так, ребята?

— Только как ты, Семен Федотыч, цеплять там все будешь? Там же запахок такой стоит...

— То наших братьев поубивали, и смерть они мученическую приняли. А запах перетерплю, не в первый раз... Да и...

Фомин горестно махнул рукой и замолчал. После долгой и тяжелой паузы, закончил странными словами:

— Мертвые сраму не имут...

Глава третья

— Это ж сколько мы перетаскали? Хорошую ты себе лежку смастерил! Так бы ты при любом раскладе ушел бы на остров и сидел отшельником! — Шмайсер ухмыльнулся. — Не меньше трех тонн добра ты в пещере спрятал! А, Федотыч?

— Двух не будет, Федюня! Но ты прав, запасался я надолго, ведь кто его знает, как могло все обойтись! Всего семь саней я через гать перевез. Оружия на полтонны, причем только ДШК со своим станком чуть ли не половину груза составляет. Патронов два десятка ящиков — а это еще восемь центнеров. Остальное набирается по всякой всячине — еда, утварь и прочее. И еще с центнер мы сами на остров принесли в рюкзаках да вещмешках.

Они лежали на импровизированном ложе, в штольне, в пятидесяти шагах от колодца — сюда запах тлена не доходил или до такой степени уже приелся, что не замечался. Весь груз сложили штабелем у самой шахты, в трех шагах от груды мертвых тел. Сейчас танкисты отдыхали — Попович спал, Шмайсер, Фомин и Путт тихо переговаривались.

— Эх-ма, — сладко потянулся Попович, — поспал, теперь можно и на чистый воздух подняться. Чего нахмурились, отцы-командиры? Мы живы, а что еще для счастья нужно?

— Перекусишь? — вяло поинтересовался Шмайсер, а Фомин улыбнулся — танкисты не потеряли способности нормально мыслить и общаться в сложившейся ситуации.

— Охоты нет, — отрезал механик и покосился в сторону колодца.

— Ты только осторожнее лезь, — настойчиво попросил Фомин. — А наверху тем паче. Учти, еще темно, только рассветает. Ты один там ничего не предпринимай, дождись ребят. Понятно?

— Все мне ясно, Семен Федотович, — терпеливо ответил Попович, которому до сна уже дали добрую сотню поучений.

Но понимал, что беспокоятся за него, а потому не протестовал. Лезть вверх первым ему придется, не им, и все шишки на него повалятся. А потому казак потянулся, чувствуя, как играет в нем немалая сила, и улыбнулся.

Он начал приготавливаться к подъему, прицепил к поясу веревку с петлей, при помощи Шмайсера прикрепил свернутую бухту из вожжей, закинул за спину ППШ.

В карманы танкового комбинезона запихнул два круглых магазина по 71 патрону и две «лимонки», больше брать не стал — лезть по стенке и так тяжело будет, а каждый лишний грамм только усложнит восхождение. К тому же, если красных будет мало, то автомат сделает свое дело и тремя магазинами, а если много, то не поможет и ящик патронов.

Немного попрыгал, помахал руками по сторонам — ничего не мешало. Ободряюще улыбнулся сотоварищам и пошел к колодцу. Все трое отправились за ним вслед, просто сидеть на месте и ждать они не могли.

Первым на груды трупов вскарабкался Попович, чувствуя, как хрустят и прогибаются под его ботинками человеческие тела. Но никаких эмоций он не проявлял — то, что ждет впереди, могло закончиться для него плохо. Одно неудачное движение или соскользнувшая с костыля петля — и недолгий полет вниз закончится скорой смертью.

— Мужики, вы уж не лезьте со мной на эту... кучу. Если сорвусь, то вам кости переломаю.

— Дуй давай, отговорки не строй! Не учи ученых, — грубовато произнес Путт. — Если сорвешься, то на плащ-палатку поймает.

— Вот она, — поднявшийся следом Шмайсер потряс крепкой тканью.

— А если не поймаете?

— Тогда моя плащ-палатка целой останется! — философски ответил ему Шмайсер и пожал

плечами. Однако его шутка успеха не имела, слишком не подходящая была для нее обстановка. Как-то не приняты на погосте шутки...

Сильные руки подбросили Поповича вверх, и он уцепился рукой за один костыль, а ногой оперся на другой. Глянул вверх — темное небо манило его к себе, там чистый воздух, там идет жизнь, а в этом подземелье он чувствовал себя заживо погребенным.

К его великому удивлению, подъем оказался намного легче, чем они предполагали. Костыли — железные ржавые штыри в руку толщиной, с большой толстой шляпкой в блюде, — были забиты в стену с равными промежутками, длиною в локоть. И главным было то, что торчали они на двадцать сантиметров из стены, можно было поставить два ботинка рядом.

Вниз он не смотрел, его тянуло к себе небо, которое с каждым костылем становилось все ближе и ближе. Единственное, чего Попович боялся, так это только если два костыля подряд будут отсутствовать в стене.

Вот тогда придется сильно рисковать, забивая в стенку граненые штыки от трехлинеек, благо и топор с собой прихватил. Но если на самом верху костылей будет вывернуто больше, то тут только молиться останется — штыков у него было всего два.

А потому, взбираясь по стене, Попович постоянно смотрел на костыли, что большими грибами торчали вверх — их цепь не прерывалась и была хорошо видна в предрассветных сумерках.

Когда осталось метра два, он стал подниматься осторожнее, тщательно вслушиваясь, не раздадутся ли человеческие голоса, но, сколько ни слушал, лишь один шум беспокойного ветра, врывавшийся в шахту, был здесь господином.

Уцепившись за последний костыль, Алексей привстал и подтянулся. Край колодца был уже перед его глазами, но вот уцепиться было не за что. Он провел рукой по невидимым наверху камням, плотно утоптаным.

Найдя щель, он вцепился в нее пальцами и выбросил свое тело наружу, оттолкнувшись ногой от костыля. Упал всей грудью на камни, замер, но ни криков, ни шагов не услышал.

А потому быстро вытянул из-за спины автомат, перекатился за какое-то странное бревенчатое сооружение и притих под его укрытием. Прошла добрая минута, прежде чем Попович отдышался, и лишь потом стал осторожно оглядываться.

Между высокими соснами каменистых склонов находился старый, давно заброшенный рудник. Сразу же бросились в глаза два барака с провалившимися крышами, полностью развалившийся сарай, поваленные на землю тут и там заборы. Правда, кое-где ограда еще стояла, но изрядно покосившаяся, а проплешины между почерневшими досками напоминали рот больного цингой на последней стадии.

Впрочем, было два строения, которые кое-как пережили прошедшие годы — лабаз без окон, сложенный из толстых бревен, и добротный бревенчатый дом со ставнями. Даже крыши на них почти полностью сохранились. Лишь кое-где виднелись приличные прорехи в покрытии, давно не знавшем ремонта.

Дом был нежилой — ставни раскачивались на ветру, оконные стекла отсутствовали, а дверь, слетев с одной петли, стояла перекошенной. Разруха и запустение царили на этом руднике, густо заросшем мелкой растительностью — кустами, травой, сорняками.

Но люди этот рудник посещали, об этом можно было сказать сразу, даже не подозревая о том подземном погосте. Посреди травы шла колея, проложенная отнюдь не телегами, а автомобилями. И отпечатки рубчатых шин можно было хорошо разглядеть на высохшей грязи.

Рассматривать громоздкое подъемное сооружение, нависавшее над колодцем шахты, Попович не стал, не до того ему сейчас было. Он скинул со спины веревку, привязал к концу

штык для утяжеления, затем уселся на землю, уперев ноги в столб. Предстояло самое трудное — помочь выбраться из подземной бездны Путту и Шмайсеру.

К тому, что темнил о своем прошлом первый, он всегда относился с большим сомнением — отец у него, может быть, и являлся в какой-то мере русским, но мать была чистокровной немкой, в том Попович не сомневался. Ибо два раза слышал, как бывший капитан звал во сне свою муттер. И отца звал в беспмятстве также на немецком, а такие бессвязные обмолвки о многом говорили хлебнувшему лиха казаку.

А вот Шмайсера он действительно за хохла принял — уж больно тот любил сало и люто ненавидел коммунистов. И голодомор пережил — бережно к хлебу относился до сих пор, съедая даже крошки.

И только Фомину он верил полностью — было в нем что-то, что притягивало: твердость, честность, настоящая, а не показная доброта.

Строгий, а когда нужно — и жестким умеет стать, но не жестоким. Не жестоким... Как те же Шмайсер или Путт, что в лето сорок второго добровольно в бронемоторизованный карательный отряд перевелись, партизанам и их семьям спуска не давали.

Попович усилием воли выдавил посторонние мысли из головы, перекинул вожжи за столб, обмотал конец по поясу. Затем скинул штык в шахту и стал потихоньку стравливать веревку. Бросать штык в самую глубину он бы не стал, даже если бы знал, что экипаж ушел под свод. Одна мысль о том, что граненая сталь может впиться в тела жертв, приводила его в смятение.

Убить после смерти кощунственно, как и топтаться на истерзанных телах. И потому он сейчас мысленно просил у всех жертв, покоящихся в шахте, прощения и стал тихо шептать заупокойную молитву.

Но то душа его скорбела, а вот руки дождались ответного подергивания веревки, и Попович стал аккуратно и медленно выбирать вожжи, постоянно держа их в натянутом виде.

Ожидание внезапного рывка падающего вниз тела держало все его мышцы в напряжении, вплоть до того момента, когда с кряхтением и тихими русскими ругательствами на камни вылез перепачканный до омерзения Путт, с таким грязным лицом, что его можно было принять за негра.

— Ты на себя посмотри, морда! — огрызнулся Путт, заметив улыбку Поповича. — Сама грязь чище тебя, а лицом ты темнее эфиопа.

— Не лайся, гауптман, лучше спину прикрой. Мне сейчас Шмайсера вытягивать.

— Сам вылезет, — прохрипел капитан, но ненужную дискуссию прервал и потянул из-за спины автомат.

Затем улегся за бревенчатое сооружение и стал рыскать взглядом по окрестностям. А Попович опустил веревку и занялся вытягиванием Шмайсера. Поначалу все шло, как положено, но через пару минут сильный рывок потянул его к колодцу. Прикусив губу до крови, он удержал немца, а в следующую секунду руки Путта разом облегчили нешуточную тяжесть.

Радист, судя по всему, не пострадал от падения, ибо тут же зацепился за штыри и довольно шустро стал подниматься вверх. Через пару минут капитан вытянул его за воротник и Попович облегченно вздохнул, освобождаясь от вожжей и расслабляя уставшие мышцы.

В отличие от них, Шмайсер вооружился намного солиднее, и можно было только удивляться, как с таким тяжелым грузом он поднялся, ухитрившись сорваться только раз.

Танковый пулемет Дегтярева с пятью круглыми, похожими на банки с селедкой, запасными дисками, плюс самозарядка с оптикой давали веса до двух пудов. И пусть он был коренастым и крепким, но и груз за его плечами был нешуточный, раз в пять тяжелее того, что несли на себе Попович с Путтом.

— Шмайсер, ты бы хоть рожу помыл, а то смотреть страшно. Ты случайно, герр барон,

кочегарку с канализационными трубами не чистил собственной одеждой и собой лично в качестве банника? — принялся терзать радиста Путт, наивно полагая, что тот, с его хриплым дыханием, не сможет ему ответить.

— Иди туда же... И в задницу Коминтерна. Там дерьма больше. На себя глянь, фольксдойч фальшивый!

Последние слова Шмайсер выплюнул с таким наслаждением, что Путт заткнулся.

— Спасибо, Леха! Спас, удержал. Я теперь в долгу...

— Не за что. Люди свои, сочтемся. На том свете угольками...

— Да ну тебя! Сам туда лезь, я не хочу, — еле слышно прохрипел последнее слово Шмайсер и улегся на траву отдыхать.

Путт и Попович прилегли за срубом, внимательно оглядывая окрестности и с нескрываемым наслаждением вдыхая чистейший, пахнущий росой утренний воздух.

— Шмайсер, ты уже отдышался? — капитан чуть повернул голову. — Тогда дуй на тот склон, там есть площадка. Все будет как на ладони, и, если что, прикроешь из ДТ. Осмотри все в оптику и крикни совой, если в порядке. Или кукушкой, смотря по сектору. Понял?

Радист только молча кивнул и, пригибаясь, скользнул в кусты. Попович сразу почувствовал себя намного уверенней — Шмайсер отличался поразительной меткостью стрельбы из пулемета.

Однажды он стал свидетелем спора между Шмайсером и снайпером из третьего полка — кто быстрее с трехсот метров зажженную свечу погасит. Снайпер стрелял из винтовки с оптическим прицелом, а Федор с ДТ. И первым, к великому удивлению собравшихся, срезал свечку Шмайсер, получив в качестве выигрыша три золотых червонца советской чеканки.

— Зер гут, — тихо прошептал про себя Путт, услышав крик совы.

— Пойдем по кругу, Алеша. Я первый, ты меня прикрываешь. Смотри внимательно, — отдав приказ, Путт легко поднялся с травы и, пригибаясь, побежал к первому барaku.

Добежав, залег у стены, прикрывая перебежку Поповича. Наскоро осмотрели барак — пустой, заросший густой травой, с дырявыми стенками и напрочь отсутствующей крышей.

За баракom было маленькое озерцо, метров пять диаметром, в него струился холодный родничок, вытекающий из-под камней на склоне. Танкисты сразу же припали к холодной живительной влаге — еще никогда в своей жизни Попович не пил такой вкусной воды.

Напившись досыта, они наскоро осмотрели все сооружения — везде царила разруха и запустение, а в доме даже была разобрана на кирпичи добрая половина большой, на треть комнаты, русской печи. Единственной пользой от этого дома была хоть какая-то крыша над головой, под которой можно было бы укрыться в дождливое ненастье.

— Здесь и отсидимся, отдохнем денек, — с веселинкой в голосе произнес Путт и принялся строгать кинжалом колышки.

— Ты это чего? — поинтересовался Попович.

— Пару растяжек на въезде сейчас поставлю, — капитан достал из кармана моточек тонкой проволоки, — а ты иди, посмотри сооружение. Может быть, подъемник действует, разберись. Лучше бадьей вытаскивать наше добро, чем на вожжах руками. Давай, действуй, Алексей. Времени мало, Федотыч задохнется там.

— Сейчас, только во вторую комнату загляну!

Алексей повернулся и быстро вошел в маленькую комнату, что была за бывшей печью. И встал на пороге, с удивлением рассматривая помещение два на три метра с выбитым окном. Оно было жилое, причем люди здесь появлялись совсем недавно. На полу был брошен грязный толстый матрас, а в углу громоздилась прорва пустых бутылок и консервных банок, щедро разбросанные окурки от папирос и самокруток.

Попович хотел рассмотреть комнату получше, но, вспомнив о деле, быстро вышел из дома и пошел к шахте. Подъемный механизм впечатлял — огромные козлы из бревен нависали над колодцем шахты, рядом находился большой барабан с тросом. Под козлами вытянулся дощатый помост, на котором стояла большая емкость. Весьма нехитрый, простой, но действенный механизм.

Трос сразу привлек внимание и заинтересовал — смазанный, блестящий, он казался совершенно инородным предметом среди заброшенного рудника. Было видно, что намотали его на старый барабан совсем недавно и обихаживали.

Попович поднялся на помост, сбитый из толстенных плах, более похожих на стесанные бревна. Емкость напоминала бадью на добрых полтонны, к краям которой и крепился трос.

Через минуту Алексей разобрался с принципом действия. Бадью нужно было чуть приподнять над помостом, отвести ее и тут же начать опускать. Так же осуществлялся и подъем. Даже толстый дрын лежал рядышком — бадью толкать в сторону.

Но вот эта простота и навела его на размышления. Судя по следам крови на помосте и по трупам в штольне, тела вначале волочили, а потом просто сбрасывали с помоста. Но ведь для чего-то тогда приготовили бадью? На этот вопрос Алексей не находил ответа, не смог на него ответить и подошедший Путт. Капитан лишь пожал плечами, но на его скулах заходили желваки.

Попович вернулся к вороту и, упершись всем телом, потянул толстую рукоять. Путт отпихнул бадью, и они начали ее осторожно опускать в шахту. Через полминуты трос внизу сильно подергали, он заходил ходуном, и танкистам стало понятно, что Семен Федотович приступил к погрузке. И лишь теперь Путт с Поповичем разрешили себе расслабиться — уселись на траву и закурили.

— Ты знаешь, сейчас начало лета, не раньше, — надтреснутым голосом тихо сказал Путт. Алексея нервно передернуло — значит, все не показалось нам, не померещилось, а есть самая натуральная явь.

— Травка молодая, листики зеленые, одуванчики только готовятся цветки дать, — тем же отстраненным голосом продолжил Путт, — все это только подтверждает наше перемещение во времени. И в пространстве, конечно. Интересно, куда мы попали? Но нутром чую, что с одной войны на другую. И придется нам опять кровушку лить...

— Не хочешь лить чужую, выцедят твою, — с кривой ухмылкой ответил Попович. — Или ты хочешь, чтоб тебя умертвили, как этих несчастных?

— Ты меня не агитируй, это я так, заблажил. Просто непонятно для меня многое стало в эти дни...

— Я тоже голову ломаю, — вяло согласился Попович. — Но сейчас бы в баньке попариться да чистую одежду одеть. А то похожи мы все на сплошное непотребство.

— Это верно сказано. Я и сам в тягости пребываю от нашего вида...

Договорить капитан не успел — трос начал дергаться. Фомин тем самым подавал команду к подъему бадьи, сигнализируя, что она загружена.

Танкисты поднялись, поплевали на ладони, уцепились за рукояти и дружно, всей силой, налегли на них. Крутить ворот оказалось крайне тяжело, от натуги белели пальцы. Но тут случилось непредвиденное, но неизбежное — бадья уперлась под край помоста.

— Путт, зови Шмайсера. Я один не смогу провернуть, дюже тяжело, — кое-как выдавил из себя слова Попович, ощущая, как дрожит от напряжения каждая мышца.

Капитан был в таком же состоянии и понимал, что без помощи радиста поставить бадью с грузом на помост невозможно. А потому Путт несколько раз проугукал филином, зовя помощь.

И Шмайсер откликнулся незамедлительно — не прошло и минуты, как он был уже на

помосте и, выслушав хрипы собратьев, ухватил палку и оттолкнул бадью. Чудовищным усилием Путт с Поповичем провернули ворот, а затем дали пол-оборота взад, поставив груз на помост.

— Ух ты, — выдохнул Путт, — я чуть не обгадился!

— Еще минута, и я не только бы навалил в штаны, я бы их обмочил, — Попович был полностью солидарен с капитаном. — Придется втроем работать. Шмайсер, будешь помогать?

— Без вопросов, — охотно согласился радист, но добавил. — Надеюсь, что *гости* за это время не явятся?

— Я растяжки поставил!

— Тогда хорошо. Вздогнули — и разгрузили.

И они вздогнули и разгрузили груженую оружием бадью в чудовищно быстром темпе. А потом опустили ее вниз и попадали на траву, кляня свою жизнь на все четыре стороны. Немного повозились и притихли. Первым нарушил молчание Путт:

— Братцы! А чего это мы скулить начали?! Федотыч там один грузит, по телам вверх ящики таскает. А мы здесь втроем, и намного моложе старика. А там еще этот запах... А мы на ветерке прохлаждаемся.

Попович почувствовал жгучий стыд, он как-то привык за это время, что трудные дела все как бы перекладывают на Фомина, а их старик безропотно делает и не протестует.

«Старик», — подумалось Шмайсеру, а ведь Фомин, хоть в отцы им всем годится, еще молод, вернее, моложав, а перенесенные лишения и годы навсегда закалили его тело. И даже в подземелье, когда они пластом лежали от усталости, он их поддерживал шутками и улыбкой, не давал впасть в уныние. Хотя сам тоже уставал, и очень сильно...

— Кончай спать, ребята, трос дергается, — громкий голос Путта вывел Поповича и немца из размышлений, и они дружно навалились на ворот.

Эту бадью подняли быстро, разгрузили еще быстрее и тут же опустили вниз. Но теперь молодые танкисты не разлеглись на травке для отдыха, а в бешеном темпе стали таскать ящики и оружие в дом и там складировать.

Работа не прерывалась ни на секунду — за час из подземелья было извлечено еще две бадьи, а их содержимое было перенесено в дом. Небосвод у самого края пламенел, показался краешек восходящего солнца. Лесные пичужки весело щебетали по деревьям — живи и радуйся...

— Все, ребята, — устало произнес Путт, — семь бадей подняли, опускайте восьмую. На ней Федотыч поедет, как на лифте. Устал он, не гоже ему по стенке карабкаться. Так что осторожнее крутите.

Путт с Поповичем стали медленнее крутить ворот, который шел значительно легче, видно, Фомин еще в предпоследнюю бадью все самое тяжелое стаскал. А Шмайсер до сих пор пребывал в удивлении — как Фомин смог в одиночку лафет от ДШК в бадью затащить, а ведь он без малого центнер весит. И тут же признавал, что сам смог бы это сделать только с превеликим трудом.

— Твою мать! Ферфлюхте! Шмайсер, крути один, только держи крепче! Леха, помогай! — выкрик Путта хлестанул Поповича, и он в три прыжка оказался на помосте. Путт рукой вытягивал бадью, и Попович тут же кинулся ему на помощь.

Механика-водителя затрясло — Фомин лежал в бадье недвижимо, и даже сквозь почерневшее от грязи лицо было видно смертельную бледность. Он даже не дышал, как показалось Поповичу.

— Твою мать, — прошипел Путт, — идиотен! Угробили!

Они извлекли Семена Федотовича из бадьи и бережно перенесли на траву. Путт живо расстегнул комбинезон и припал ухом к груди. И тут же радостно воскликнул:

— Бьется сердечко, бьется!

Глава четвертая

— Тебя как зовут? — теплые девичьи руки легли на грудь, и он ощутил, как приятно у него защемило сердце. Никогда ему не было так хорошо от нежного прикосновения, от погружения в эту ласковую голубизну любящих глаз.

— Семеном родители назвали! — тихо произнес он, чувствуя, что тонет в ее глазах.

— Сенечка, — ласково прошептала девушка, — так тебя мама в детстве звала, мой милый?

— Да...

Любовь, первая любовь в жизни, как ты прекрасна. Даже выдавший виды зрелый мужчина может превратиться в мальчишку и радоваться каждой секунде, каждому вздоху и взгляду.

— Я люблю тебя, Сенечка, — девушка крепко прижалась к его груди. — Люблю с той секунды, когда увидела. Я хочу быть с тобой, жить с тобой, делить с тобой постель. Я хочу, чтобы ты стал моим первым и единственным мужчиной, мужем. Я хочу подарить тебе детей... Трех мальчиков и девочку. Ты согласен, мой любимый?

— Да, — горло перехватило, и Фомин прохрипел это «да». Он тоже этого хотел — счастья, детей, семью, жену — и она пришла к нему, его любовь.

Девушка подняла голову, длинные распущенные волосы посыпались, защекодав, налицо, ее прекрасные лучистые глаза были прикрыты веками, а полные красные губы потянулись к нему. И Семен сам блаженно прикрыл глаза и потянулся к ней навстречу. Поцелуй обжег, блаженство нахлынуло, и тут его больно ткнули пальцами под бок.

* * *

— Федотыч! Ты уж нас не пугай, мы и так думали, что ты концы отдал, чуть кондратий всех не хватил!

Грубый, но знакомый голос рывкнул в ухо, да так, что Фомин вздрогнул. Бесцеремонные руки Путта тормозили и пихали под бока, и сон уходил, чудесное видение растаяло. Он резко вскочил и проснулся. Девушка! Милая! Имя, имя твое? Где тебя искать? Где ты?

Его снова сильно тряхнули, он открыл веки — и буквально онемел. Где лучистые глаза, любовь и нежность? На него взирала встревоженная морда гауптмана Путта — такой сон погубил...

Это было лишь видение, и оно растаяло, ушло в никуда. Ледяное понимание потери окончательно разбудило Фомина.

— Ты не мог меня позже разбудить?! На самую малость, наглая твоя морда! Никакого сострадания!

— Ты, — Путт замялся, — это...

— Что со мной?! — Семен Федотович только сейчас осознал, что сидит совершенно голый. И спросил ошарашенно: — Вы что это глумы надо мной строите? Я вам что — Аполлон Бельведерский али еще кто?

— Ты не прав, ваше высокоблагородие, даже обидно. Запашок от тебя такой был, что жуть продирала. Вот мы тебя и раздели, а Попович одежду твою простирал. Да и сами мы постирались и помылись.

— Когда успели?

— Так вечер уже за окном. Ты это, иди, помойся. Тут озерко рядышком, мы на приiske

старом, давно заброшенном. А где и когда, непонятно вовсе. Одно пока ясно — начало лета здесь, цвести кругом все начинает.

— Я все закидал, ничего не забыл?

— Все, — слишком быстро для правды ответил Путт. Фомин хмыкнул.

— А точнее?!

— Все, что притащили, ты это покидал. Оставил то, на чем спали, — сено, бушлаты, одеяло. Примус с чайником, ведро, кружки. И автомат свой ты тоже там оставил.

— Да? А я и не помню. Думал, умру. Уже машинально загружал, ничего не помню.

— Ты в бадью залез и сознание потерял. Мы тебя в дом перенесли и только там обнаружили, что кухни-то нет. Шмайсера вниз спустили, он все и накидал. Ну а ты, Федотыч, молодец — Федюню вообще зеленого оттуда подняли, облевался весь, как паршивый котенок.

— А где он сейчас? В карауле?

— Ага, — безмятежно ответил Путт, — от него только на посту прок, бдит люто, аки цербер. Весь день там, Попович его на полчаса подменил, дал время пообедать.

— Ясно, — Семен Федотович встал и, совсем не стесняясь наготы, подошел к окну, внимательно посмотрел на окрестности. Затем пошел к противоположному окну.

— Мины на подъезде поставил?

— Два «шпринга» на дороге. И растяжки на обочинах.

— На склонах ставил?

— Незачем. Там даже троп не вытоптано. Да и на прииск лишь последний месяц стали ездить, лебедку отремонтировали, да трос новый на нее поставили.

— Зачем?

— Что зачем? — Путт недоуменно вскинул брови.

— Чтобы трупы вниз сбрасывать, лебедка не нужна. Тогда зачем ее поставили? Соображаешь?

— Ах, вот что?! — удивленно протянул Путт.

— Соображаешь! — скуппо похвалил гауптмана Фомин. — Что делать будем, камрад?

— С дороги все уберу, против двери ДШК поставлю. Попович?! Тебе понятно?

— Я, я, — из соседней комнаты послышался иронический голос механика.

— Они трупы через пять-семь дней возят, — Фомин пристально глянул на Путта. — И, судя по последним телам, не сегодня завтра новых убиенных привезут. А лебедка им нужна для того, чтоб в шахту минера с ящиком взрывчатки опустить и рвануть.

Попович возник на пороге, вытирая замасленные руки ветошью. Помятая, но чистая танкистская форма ладно сидела на его сухощавом теле. Знаков различия, правда, уже не имелось. Фомин понимающе глянул на Путта:

— Все, теперь без роду мы и племени?

— А ты иначе предлагаешь?

— Да нет! Нормально!

Механик не перебивал, лишь еще раз тщательно протер пальцы и кинул тряпку обратно.

— Оружие все протер и ДШК — тоже. Семь часов тружусь, как проклятый. Ствол только на лафет нужно установить, но тут втроем надо, иначе не поднять дуру тяжелую.

— Ты перекури, пока Федотыч помоемся. Затем втроем установим ствол. А, командир?

— Хорошо, — согласился Фомин, неожиданно почувствовавший, как свербит и чешется грязное тело.

— Вот мыло и рушник. — Путт сунул в руки Фомина желтоватый кусок хозяйственного мыла и относительно белое вафельное полотенце. — Ты иди, помойся. А то вечереет, а вода за день хорошо прогрелась. Там ведро стоит.

— Для чего ведро-то?

— В озерке намыливать себя — воду испортить. Маленькое оно совсем, чистое. Мы над лужей мылились, и там же споласкивались. И лишь потом в озерке плавали.

Фомин в костюме Адама до грехопадения пошел к двери, зайдя по пути еще в одну комнатенку. Он хотел лишь заглянуть туда, но увиденное там сразу насторожило, заставив остановиться на пороге.

Путт удивленно посмотрел, подошел и, стараясь не зацепить голого Фомина, протиснулся в комнатку.

— Быдло! — презрительно бросил он. — Людей в шахты бросают, а потом горькую пьют.

Путт пнул ногой по груде бутылок, которые дружно покатались по полу. Стекло жалобно зазвенело.

— Ну вот! — он отряхивал плечо. — Они тут чего делали-то? В известке замазался!

Он провел ладонью по стене, близко поднес к глазам:

— Мел, что ли? Слышь, Попович, чего тут на стенах написано?

— А то, что и на заборах! Водку тут жрали да по углам гадили! Выродки!

— Ты не совсем прав, — звенящим от напряжения голосом негромко произнес Фомин. — Посмотри на матрас.

— Свинская подстилка, — гауптман брезгливо скривил губы, — где пьют, там и спят, в хлеву, на грязной, вонючей тряпке.

— Она вся в крови. Тут насиловали, люто, страшно...

— Ты это чего? — растерянно выговорил Попович, глядя на помертвевшее лицо Фомина. Но тот не обратил внимания на вопрос, а тем же медленным тоном продолжил, тщательно выговаривая через силу слова:

— Там я троих видел, молоденькие все, одна совсем маленькая. Тела истерзаны... — он зажмурился. — Я, пока бадью ждал, все внимательно осмотрел, они сверху там лежат. И мы вчера на них ногами стояли, попирали, на лицах, на крови. Стояли все! Понимаете?!

Танкисты в какую-то секунду посерели лицами от осознания случившегося, затем внезапно побледнели. Поповича замутило прямо на глазах, он в бессилии присел на пол. А вот Путт оказался покрепче, хотя покачнулся, но устоял на ногах, вовремя опершись рукой на стену.

— Прости, Господи, нечаянные прегрешения наши, — тихо прошептал он побелевшими губами и перекрестился трясущейся рукой.

— Простит, если мы их обратно в ад направим, откуда они вылезли, — угрюмо, с угрозой в голосе произнес Фомин.

— Отправим, обязательно отправим, — мрачно бросил Путт и добавил другим, смягчившимся тоном: — Иди мойся, Федотыч, надо сейчас в форме быть. А мы с Алешкой ДШК поставим, вдвоем. Сможем?

— Сможем, Андрей. Сейчас мы все сможем...

Вода была приятной, чуточку холодной, но тело чувствовало себя хорошо. Фомин блаженствовал, положив голову на низкий травяной бережок. Сейчас он дал себе минутную слабость для отдыха.

Его вывернуло наизнанку прямо на берегу, и с каждым судорожным движением он чувствовал, что его тело освобождается от этой чудовищной, раздирающей нутро сладковатой, трупной упитанности. Он с содроганием вспомнил кошмарное подземелье, и чувство блаженства смыло в одно мгновение.

Фомин кое-как встал, умылся водой, наскоро прополоскал рот, стремясь избавиться от тошнотворного запаха. И понял, что теперь до конца жизни он обречен вдыхать этот запах, который навсегда останется в его памяти, в ощущениях.

Он закурил, с наслаждением вдыхая табачный дым. Тот, кто не курил никогда, на войне почти всегда закуривает, если, конечно, воюет, а не по штабам и тылам отирается. Ибо только табак имеет свойство заглушать запах войны, сладость мертвых и горечь выжженной земли. А потому табак ценится на войне дороже патронов и еды, в нем одном спасение.

Фомин аккуратно затушил окурок и только сейчас почувствовал, как дрожит от холода голое тело. Вечер вступил в свои права, солнце стремительно скатывалось за сизый в дымке горизонт.

Наскоро вытерев голову полотенцем, надел на себя чистое и высохшее нательное белье, затем старенькое, но тщательно постиранное обмундирование. Привычный черный танковый комбинезон завершил облачение.

Намотав чистые портянки, он зашнуровал тщательно вычищенные немецкие ботинки с высокими и жесткими голенищами. Хотя и долго их было зашнуровывать, но зато кожа была добротной и влагу не пропускала. На голову Фомин нахлобучил немецкую полевую кепи уже без кокарды, что носили все без исключения роновцы.

Это было обязательным элементом — только по полотняному кепи отличали своих от чужих, ибо форменного обмундирования, русского или немецкого, в частях РОНА катастрофически не хватало, и добрых две трети солдат воевало в чем придется. Какая уж тут единообразная форма, кепок едва хватало, и то благодаря их налаженному производству в швейной мастерской из домотканого, серого по цвету, сукна.

Перетянув себя ремнями портупеи, Фомин растолкал по большим накладным карманам запасные рожки, проверил наличие в боковых кармашках гранат. Почищенный и хорошо смазанный ППС был повешен на плечо.

Насвистывая походный марш для бодрости, пошел обратно к дому, чувствуя приятную свежесть в отдохнувшем и хорошо помытом теле. А еще — как приятно пахла танковая форма своим вечным, неистребимым запахом солянки и масла.

Подойдя к дому, он удивился — расхлябанная дверь была снята его парнями с единственной уцелевшей петли и просто приставлена к проему. Подойдя ближе и чуть оттолкнув ее в сторону, Фомин подавил желание отпрыгнуть — ему в живот хищно уставился толстенный рубчатый ствол крупнокалиберного пулемета, причем лента с патронами была вставлена в приемник, а крышка захлопнута.

— Заходи, Федотыч, с легким паром тебя, — Путт хищно улыбнулся. — А это мы для чекистов приготовили, в качестве доходчивого аргумента. Если они в большом числе сюда припожалуют.

Фомин оценил ситуацию — дорога простреливалась кинжальным огнем пулемета полностью, и любые автомобили могли быть обращены в металлолом за считанные секунды.

Да что автомобили — сталь любого бронев автомобиля или бронетранспортера пули ДШК с полста шагов протыкали легче картона, как раскаленная спица протыкает кусок масла. А чтобы начать стрельбу, достаточно просто сильно ударить ботинком по двери.

В комнате всюду шипел примус, приятно пахло доходящей гречневой кашей. Но это, если и привлекло внимание Фомина, то на считанные секунды. Важным было другое — под окнами на сошках стояли ручные пулеметы, отдельно от них были прислонены к стене две винтовки с оптическими прицелами, гранаты и патроны лежали в устрашающем количестве.

Будто этот заброшенный дом в одночасье превратился в железобетонный дот на линии Маннергейма, а финские солдаты в нем приготовились отбивать атаку советского пехотного полка.

— Федотыч! Ты зачем столько тяжелого вооружения в пещеру отвез? С ДШК и противотанковых ружей проку мало в партизанской войне, обычного оружия за глаза хватит. А

на эти дуры боекомплекта не напасешься.

— И я такую глупость от тебя слышу?! — искренне удивился Фомин. — У частей НКВД броневинов, что ли, нет? Или котлы паровозов крупнокалиберные пули не берут? А боеприпасы можно было и у красных отбить, оттого и оружие соответствующее взято. Или, по твоему разумению, нужно было шмайссеры, маузеры и МГ набрать?! Головой научись думать, Алексей. Ты заметил, что мосинских винтовок не взяли? Их у красных до черта, любой трофей сгодится. А потому взяли только то, что раздобыть тяжело.

— Чего наинулись?! Спросить нельзя? Я, в отличие от вас, господа офицеры, простой механик-водитель, и военному делу только в этой ипостаси учился. А потому чего не знаю, того не знаю. Даже из пулемета я стреляю благодаря Шмайсеру, что натаскал, нашел время.

— А своя голова должна быть?

— Должна, гауптман, должна...

— Видишь ли, Леша, — Фомин пресек на корню разгоравшуюся склоку, — любое оружие имеет и сильные, и слабые стороны. Эти стороны необходимо или дополнительно усиливать, или, наоборот, затушевывать слабины нужными тактическими приемами. Хотя скажу сразу — и сильная, и слабая сторона каждого оружия в одном.

— В чем же? — с интересом в голосе спросил Путт, не выдержав затянутой Фоминым паузы. А Попович отвлекся — он помешал кашу в котелке и потушил примус.

— В голове его владельца, — резанул тот. — Но если говорить серьезно, то сейчас на той дороженьке от красных ножки да рожки останутся — ДШК в упор резанет, а ДТ Шмайсера и мой ДП перекрестным огнем дополнят. И даже если до кустов кто-то добежит, то там и останется: прутики от плотного пулеметного огня — крайне ненадежная защита.

— А если одна машина будет? Языка-то взять нужно!

— Нужно, Леша, очень нужно. А потому мы в доме затаимся и авто к лебедке пропустим. Там больше трех-четырёх чекистов не будет. Сбросить в шахту с десятков трупов как раз хватит. Да и у машины, судя по всему, грузоподъемность малая, с полутонну. Максимум в две с половиной тонны, если небольшой допуск набросить.

— Это почему ты так считаешь, Федотыч?

— По трупам в шахте. У них разная степень разложения, как бы слоями лежат, по десятку или дюжине в каждом. Столько на машину и загрузишь, да для охраны места останутся. Так что силы равные будут, надо только заранее главаря определить и взять, а остальных кончить на месте. Желательно без шума, мало ли что.

— Это как же без шума-то у нас выйдет? Их, даже если одну машину взять, четверо будет, а то и пятеро. А если две машины будет? — с нескрываемым скептицизмом в голосе сказал Попович. — Ножками резать?

— Про две машины вопрос решен! — отрезал Фомин. — Порежем всех из пулеметов. Кто уцелеет того и допросим. Если машина будет одна... Путт, ты в зеленом ящичке ствола обиходил?

— Обижаете, герр оберстлейтенант. Сразу же. Вон, в уголочке стоит, нас дожидается. — Путт легко поднялся с ящика, принес деревянную коробку и открыл крышку.

— Тьфу ты! — только и сплюнул на пол Фомин, глядя на вытянувшегося по стойке смирно Путта. — Клоун!

Попович, раздираемый любопытством, склонился над содержимым. Три пистолета он узнал сразу — немецкие парабеллумы отсвечивали смазанными стволами рядышком с запасными обоймами. Только необычные они были — мушка отсутствовала, зато конец ствола был превращен нарезкой в некое подобие болта.

Рядышком с пистолетами лежали черные толстые цилиндрики непонятного

предназначения. На самом дне коробки были плотно уложены картонные пачечки патронов, по 16 штук каждая, о чем Попович хорошо знал. Ровно на две обоймы шла такая пачка, которых было в ящичке не менее трех десятков.

Путт молча взял один из цилиндров, быстро навинтил его на ствол, дослал патрон в ствол и тут же, наведя пистолет на печку, нажал на курок. В комнате будто кто-то невидимый тихо хлопнул в ладоши, кислотовато запахло сгоревшим порохом. Однако стоявший торчком кирпич, на боку которого взлетели искры, опрокинулся и упал с печки.

— Надо же, нет вспышки и почти без звука, — удивленно пробормотал Попович. — Придумают же, хоть бы на что-то хорошее мысль направили. И как называют сей цилиндр?

— Глушитель, ибо звуки выстрела глушит. Когда пороховые газы из ствола вылетают, то потому-то и грохот. А здесь они в цилиндр заходят, оттого он таким толстым и сделан. Правда, за отсутствие звука платить приходится — бьет недалеко. Да и стрелять неудобно — глушитель ствол к низу тянет, а потому привычку вырабатывать надо. Возьми да стрельни по второму кирпичу для пробы.

Попович взял парабеллум, покачал его в руке и выстрелил в кирпич. Тот рассыпался на глазах — треснутый был от времени и страсти человека к разрушению.

— Отличная все же штука этот немецкий глушитель, — веселым голосом констатировал Попович и повернулся к Путту. — Значит, из них чекистов на тот свет отправлять будем?

— Ага, — безмятежно отозвался гауптман и покосился на Фомина. — Как дело-то делать будем, Федотыч?

— Они под утро явятся, не раньше и не позже. Будем ждать до упора — если не сегодня, так завтра, а если не завтра, так послезавтра. Но они обязательно в ближайшие дни приедут.

— Почему ты так считаешь?

— Убийц всегда на место преступления тянет, — с ненавистью проскрежетал зубами Фомин. — К тому же не в их правилах такое оставлять почти открыто и концы своих преступлений не прятать. Шахту эту они должны будут взорвать, ведь рудник не охраняется. А вот почему они здесь караул не поставили, непонятно.

— Людишек надежных маловато?

— Может быть, и так, Путт. А может быть, уверены в своей безнаказанности да и держат эту округу под своим контролем. Не знаю и гадать не буду. Приедут, нужно брать языка и допрашивать. Ты с этим делом уже сталкивался, герр гауптман! Вот тебе и карты в руки, составляй диспозицию!

Путт поскреб щетинистый подбородок и надолго задумался, спокойно смоля папиросу. Попович с Фоминым не нарушали размышлений капитана, а стали накрывать на стол, расставляя железные миски на покрытом полотенцем ящичке и поставив чайник на примус.

— Я со Шмайсером на пригорке засяду, и, если машина будет одна, мы их сами возьмем, не в первый раз. Вам в доме находиться, с пулеметами, и, если что, режьте все, что будет двигаться. Но до того молчок, пока мы сигнал не подадим либо крикнем, либо филином заушаем. Годится?

— Годится! Только на землю падайте, когда из пулеметов начнем стрелять. И еще одно — живьем бери главного и еще кого-нибудь, мало ли что. Очень тебя об этом прошу.

— Понимаю. Будут тебе языки, Федотыч, обещаю. Пару возьмем, но остальных порежем. Шмайсер до сих пор малость не в себе от этой штольни, и удерживать его бесполезно. Только я бушлатики все с собой возьму, а то на голой земле предстоит спать, а мне моя задница, — он и впрямь похлопал по пятой точке, — дорога. А так мы с ним по очереди ночку в тепле проведем.

— По рукам, герр гауптман. А теперь давайте пищу вкушать, да на ночь располагаться надо.

Фомин встал, перекрестился и стал читать «Отче наш». Попович ему вторил, а вот Путт

молчал, но под конец молитвы осенил себя крестом. И это не было наигранностью — за два года «локотской мясорубки» и Путт, и Шмайсер постоянно посещали церковь, а последний стал часто ходить на исповедь. Жалко было только батюшку Алексея — тот после первой такой исповеди осунулся, а на его лице перестала появляться улыбка.

На войне люди часто прибегают к религии, ибо не в силах человеческого разуму и психике в кровавом безумии устоять. Ломались даже коммунисты, тайком нося крест на груди и уповая на помощь Всевышнего.

И не редкостью были такие письма с фронта — «Мама, я вступил в партию, помолись за меня». Эти письма писали люди, отстаивавшие свое отечество от врага, а что же тогда сказать о тех, кто сомневался в своей правоте, в своем выборе, или преступил клятву. И тем более о тех, кто утолял свою злобу, кто полностью погряз в кровавом безумии...

Гречневая каша Поповичу удалась как никогда, а с единственной оставшейся банкой консервированных сосисок она пошла просто на «ура».

Ели молча, обжигаясь и дуя на ложки. Затем неторопливо пили чай, медленно курили и молчали. Да и говорить-то по большому счету было незачем, и так все, что было нужно, уже обсудили и приняли решение.

Потом Путт поднялся, кивнул и, забрав бушлаты, легко выпрыгнул в окно. Тем же путем отправился и Попович, прихватив завернутый в полотенце котелок с горячей кашей, жестяную кружку и чайник для Шмайсера, который вызвался быть несменяемым часовым. А потому Попович просто таскал ему пищу, подменяя на полчаса времени. Но сейчас он вернулся быстро, ведь его заменил там в этот раз Путт.

— Ложись спать, Лешка, на тебе лица нет от усталости. Нелегкое у нас было времечко, — Фомин указал на сено с накрытым поверху бушлатом. — Будить до утра не буду, а потому выспишься.

— А ты как, Федотыч? Тяжело всю ночь бдить.

— Я весь день проспал без задних ног, выдрыхся хорошо, так что совсем спать не хочу. Ты ложись, не беспокойся, не просплю чекистов. Ты бы знал, как я хочу с ними свидания! Ты-то тоже хочешь им кровя пустить, а? Казак ты лихой, орел степной? Чего молчишь?

— А чего говорить? — согласился с ним Попович. — Сам все знаешь! Да! Я казак! А отец мой священником станичным служил. Так они его, в надругательство и хулу великую, с кобылой в церкви силком повенчали, связанного, и рот заткнули. А в храме Божьем конюшню устроили. Я только поэтому и фамилию себе взял Попович! А свою прежнюю уже и забыл... Знаешь, Федотыч, что такое рассказывание? — он сжал до хруста кулаки. — Это когда всех, без разбору, до последнего... До последнего...

— Леша! — Фомин положил ему ладонь на плечо. — Не терзай себя! Ничего ты не вернешь... И никого...

— Больно мне! — Попович с силой сжал виски. — Как жить дальше?

— А так! — Фомин закурил, прищурился, разглядывая дорогу. — Ты своей жизнью их жизни за них живешь! И поэтому скулить не должен! Леша, — он пристально посмотрел Поповичу в глаза и сказал чуть слышно: — Мы отомстим за всех! Ты только подожди...

— Я жду встречи с ними! С нетерпением жду! — прошептал Попович, и такая неприкрытая, лютая злоба дышала в его словах, что Фомин мысленно помянул тех, на кого она могла выплеснуться.

Казак больше ничего не сказал, лег на сено, повозился немного, устраиваясь поудобнее, положив под руку автомат. Не прошло и пяти минут, как он уже спал, без храпа и тревожащих душу сновидений.

А Фомин молча сидел, глядя на темно-серое небо через окно. Ночь была светлой на

удивление. Для него стало ясным, что попали они намного севернее Брянщины, ибо только в этих краях летом такие светлые ночи, а если попасть еще ближе к ледяным широтам, то и ночной темноты совсем не будет, так, только легкие сумерки. Там время долгого полярного дня...

Глава первая

Близ Перми, 12 июня 1918 года

— Вставай, Лешка, гости пожаловали! — еле слышный голос Фомина на Поповича подействовал, как большой колокол звонницы.

Казак вынырнул из сна так же быстро, как пузырь воздуха вылетает из воды. «Гости»! Наконец-то прибыли — и остатки безмятежного почивания окончательно исчезли. Попович быстро вскочил на ноги, сразу же ухватил автомат в руки и передернул затвор.

— Не шуми, слушай! — хоть и тих был шепот, но вот голос слегка, на самую малость возбужден.

Видно, что Фомин ожидал гостей с растущим и жадным нетерпением. И вооружился снайперской винтовкой, а не привычным для него ППС, хотя автомат лежал рядом, под окном, на расстоянии руки.

Шум двигателя становился все слышней и слышней, а по завыванию мотора Попович определил, что едет грузовик. Алексей посмотрел на Фомина, и тот, поймав взгляд, сделал характерный жест и прошептал:

— Одни идут, а потому, мехвод, обойдемся пока без стрельбы! — таким сокращенным вариантом часто называли в боевой обстановке всех механиков-водителей. — Замри и не высовывайся, ими ребятки займутся. Мы валим тех, кто в дом зайдет. Работай ножом, я с глушителя буду.

Попович кивнул и машинально проверил, как ходит отточенное до бритвенной остроты лезвие клинка в ножнах. Кинжал был хорош — подарок Шмайсера, трофей, взятый у осназа...

Из утренней дымки сильно загремело, потом медленно появился тупоносый грузовик с тентом над кузовом, но с открытой кабиной, где дверки и стекла напрочь отсутствовали. Колеса поразили — металлические диски без обрезинивания издавали на камнях чудовищный шум. Рев движка объясним — глушителя на этой допотопной технике не имелось.

Таких автомобилей Попович никогда не видел в своей жизни, но слышал, что еще до его появления на свет они нередко встречались. Седой древностью автомобилестроения пахло на него, и под ложечкой у казака неприятно засосало. Грузовик проехал мимо дома и остановился прямо у шахты, оглушительно рыкнув двигателем напоследок. На секунду все стихло, и он даже услышал, как в груди учащенно бьется сердце.

— Эй, Полищук, якорь тебе в сральницу, да на панер поставить и цепью по чуть-чуть вытягивать! А потом обратно запихать, и осьминога насморочного следом сапогом утрамбовать!

Из кузова лихо выпрыгнули пятеро мужиков в знакомой до жути форме — расстегнутые черные бушлаты, бескозырки с ленточками, хорошо видимые в сумерках в вырезах форменок тельняшки в бело-черную полоску. Здоровые мордастые парни с широкими плечами, с кобурами маузеров и карабинами в руках. Уверенно держались, с видом полных хозяев жизни.

— Кончай лаяться, гопота флотская! — громко заявил один из них, худой, как глист после трехмесячной голодовки. Матросская форма на нем болталась, как на детской вешалке тулуп золотаря. И мордочка такая же — узкая, хищная и хитрая. К такой твари, до ужаса похожей на тех крыс из штольни, лучше спиной не поворачиваться, да и карманы надобно держать подальше.

— Кузьмич, и ты, Полищук! — Похоже, в этой морской кодле «глист» был начальником, ибо начал распорядиться уверенно: — Загружайте свои ящики и провода в бадью, спускаем вниз, делайте там все. Раз вы знатные гальюнеры, вам и картишки в руки.

— Гальванеры! — злобным выкриком из двух луженых глоток оборвали его матросы, а тот, что постарше, рывкнул басом: — Сам ты по гальюнам жижу выдавливаешь, мозгля сухопутная.

— Ладно, ладно, братишки, — «глист» извиняюще замахал руками, — вы ж у нас пенители морей, альбатросы революции. Запомню я, подустал...

— Харч казенный жрать да буржуйкам задний клюз ворошить? — ехидно бросил Кузьмич, и матросы взорвались дружным хохотом.

— А что?! Завидно, что ли? — «глист» не обиделся, наоборот, повеселел. — Если наган к затылку приставить, то она и дергаться перестает, как шелковая становится.

— Да ну? — искренне удивился Полещук.

— Хочешь опробовать? — ласково осведомился «глист» и тут же рассыпал бисер слов: — Вы уж минируйте там все побыстрее, братишки, а то в дороге подзадержались, а товарищ Мойзес подкатить может с минуты на минуту. А с ним девочка едет, пальчики оближешь.

— Ух ты! — матросы резко оживились, и самый мордастый из них живо поинтересовался: — Он нам ее отдаст?

— Отдаст, Серьга, отдаст. Он добрый, хоть и комиссар. С понятиями. О том я с ним договорился. Только на особой простынке будете, да чтоб до смерти. Понятно?

— Сделаем как надо буржуазную сучку, раз Чека родная велит. Чего не сделаешь во благо революции! Но на сухую как-то не в масть, интереса нет.

— А товарищ Мойзес все на своей машине привезет — и вино, и водку, и консервы всякие. Папиросы будут.

— А марафет?

— Будет тебе, Жора, марафет! — «глист» расплылся в улыбке.

— Зря вы, зря свой кокаин водкой разбавляете! От вашего марафету башка едет. Не полюдски, лучше просто самогона выпить! — рассудительно бросил Кузьмич самому молодому матросу.

— Ребятки, хорош базарить! Минируйте штольню, а мы в доме приберемся, а то Мойзес грязи не любит. Он девок портит только в чистоте...

Похотливый хохот матросов сразу привел Поповича в состояние тихо кипящего бешенства. На протяжении разговора у него встали волосы дыбом, а в глазах меркло от еле сдерживаемой ярости. Железные пальцы Фомина, сдавившие тисками запястье, удержали от немедленной расправы — резануть по сволочам длинной автоматной очередью или метнуть в них гранаты.

— Ждать! И терпи, казак, чуть позже счета сведем! — еле слышно прорычал в ухо Фомин.

Попович поморщился, посмотрел в сторону. Лицо Семена Федотовича перекосила гримаса лютой злобы и навечно застыла. На матросов из темноты дома сейчас взирала смерть — так показалось казаку. И это сразу успокоило, ярость мгновенно улетучилась, зато душу стала переполнять холодная и расчетливая ненависть.

Они молча, почти не дыша, наблюдали, как из машины выгрузили три тяжелых ящика и бухту провода, которые загрузили в висящую над зевом штольни бадью. Двое моряков, которых называли Кузьмичом и Полещуком, в два приема залезли туда, трое других, включая «глиста», дружно навалились на ворот. Крутили недолго и вскоре остановили подъемник.

— Минируют, сволочи, концы прячут, — прошипел Попович и получил тычок в бок от Фомина. Матросы о чем-то переговаривали, от машины к ним подошел одетый в черную кожаную куртку водитель.

— А ведь все в черном, словно вороны на могилу слетелись, — про себя прошептал Алексей.

Моряки действительно чем-то напоминали ему воронов — наглые и важные, развальцой ходят, хозяева погостов и вершители чужих судеб.

Водитель ушел за машину, а трое матросов, громко переговариваясь между собой, пошли прямо к дому, к ним.

— Полезут в окно, глуши по затылку прикладом. Остальных я возьму на себя. Не шуми!

Попович только кивнул на шепот Семена Федотовича, заметив, что тот уже держит в правой руке парабеллум с навинченным на ствол глушителем, а в левой сжимает штык от самозарядной винтовки. На стоках кинжального лезвия смутно играли светлые полосы, смертоносные. Сам Фомин вжался в стену между окнами, предложив Поповичу жестом уйти в угол и взять под присмотр второе окно на боковой стороне. Алексей кивнул и тихо отошел, затаив дыхание, а через три шага коснулся спиной стены. Чужие голоса приближались.

— А чего Мойзес девок не пользуется, у него бушпирт не стоит, что ли?

— Ты, Серьга, прикуси язык, не нашего ума это дело. А то тебя живо в Могилевскую губернию отправят, они шутить не любят. Ныне отгуляем, и надо нам, братки, концы отдавать да отчаливать поскорее.

— Ох, Жора, ты верно базаришь. Нескладуха выйдет, коли задержимся. Уж больно Мойзес криво смотреть на нас начал, а это может худо закончится, братишки! — гнусный голосок «глиста» задрожал самую малость, слегка, как бы пережевывая слова. — Рыжья у нас много, брюликов мы набрали. Надо кидать этих идейных и в Москву чалить.

— В Москву-то зачем? Под самый нос Чека?

— А там искать не будут! У меня на Хитровке малины есть, братва, шестерки на побегушках. Отсидимся!

— Со жратвой там худо.

— Ох, Серьга, дурак ты, все мозги на корабле своем оставил. За рыжье мы икру ложками жрать можем каждый день, осетрину. Харча там много, и я знаю, где его добыть. Ладно, кончай базар. Лезь в окно, порядок наводить будем, а то Мойзес скоро подкатит.

Оконный проем заслонила туша, широкоплечий моряк прыгнул на пол. Но не успели доски закончить жуткий скрип, как Попович ударил прикладом ПППШ по мясистому затылку, вложив в удар всю силу, помноженную на ненависть. Матрос рухнул, как подрубленный, даже не вскрикнув.

— Серьга, а ты чего? — «Глист» уже сидел на подоконнике и увидел, как странно покачнулся матрос и затем стал падать.

Фомин не стал ждать и опустил поднятую с парабеллумом руку на макушку. Бескозырка — худая защита от рукояти пистолета, каска намного лучше. Стального шлема на голове «глиста» не имелось, а удар у Семена Федотовича был хорошо поставлен. «Матрос» даже не хрюкнул, его смело с подоконника тряпичной куклой, и бесчувственное тело распласталось на полу под ногами. Фомин сделал шаг вперед и оказался перед оконным проемом, выбрасывая пистолет вперед. Третий матрос, прыщеватый, с висящим носом и гнилыми зубами, только сейчас начал что-то соображать, ощерив рот. Но карабин с плеча моряк даже не попытался сорвать и не отпрыгнул в сторону, чтоб уйти от врага, не дать ему взять на прицел.

Внезапное нападение оказало ошеломляющее воздействие, а реакция у него оказалась совсем плохая, да и не может палач, садист и убийца тягаться в скоротечной рукопашной схватке с боевым офицером. Хотя и был Фомин танкистом, но опыт подобных стычек имел немалый, особенно в молодости, когда штыком решались многие бои.

А потому, когда раздался хлопок выстрела, моряк еще не успел издать звука, а попавшая в лоб пуля отбросила его тело на сырую от влажного тумана землю. Бескозырка слетела с головы мертвеца и, по непонятным законам движения, подкатилась к стене дома. На черной ленте золотилось знакомое название — «Андрей Первозванный».

— Снимай с них одежду, Алеша, быстро снимай, до исподнего, — тихо прошептал Фомин, а

неподалеку, со стороны автомобиля, донесся сдавленный вскрик, будто придушили кого-то слегка.

— Зачем раздевать-то? — спросил Попович, но его руки уже сдергивали бушлат с амбалистого морячка. Таковы все настоящие солдаты — вначале выполняют приказ, а потом начинают задавать вопросы.

— Товарища Мойзеса встретим как надо! Надеюсь, он не разглядит? Еще темновато, — тихо сказал Фомин.

Именно сказал, таиться было уже не к чему. Судя по оживленному шороху за стеной дома, там происходило подобное же действие, и с третьего моряка, пока еще теплого, кто-то быстро и умело снимал одежду.

— Шмайсер, там как?

— Полный порядок! — донесся приглушенный, но радостный голос немца. — Зато Путт теперь в кожаной куртке стоит и в кепке, аки комиссар несокрушимой и легендарной. У меня аж слезу пробило от умиления. Эти из штольни крикнули, что через пять минут закончат. Давайте быстрее, ворот крутить надо.

«Глист» так и не подал признаков жизни, когда Фомин полностью раздел его, крепко связав по рукам и ногам. Затем раздвинул гнилые зубы и затолкал в гнилую пасть не менее вонючую портянку. Хорошо затолкал — щеки так раздуло, будто «глист» ухитрился засунуть в пасть большое яблоко. Немного обеспокоился Фомин только тогда, когда подумал, что от такого запаха главарь задохнется, но здраво решил, что от своей вони не умирают.

А бугай оказался на диво крепок, даже завозился на полу, но Попович еще раз врезал ему по затылку для полного успокоения. Моряка накрепко связали вожжами, стянув за спиной и локти, а кляпом послужила такая же портянка, только на самую малость почище.

Накинув на плечи бушлаты, танкисты застегнули блестящие пуговицы, и, нахлобучив бескозырки, выпрыгнули в окно, прихватив с собой оружие. Им навстречу, но по параллельному курсу в другое окно, влетело мертвое тело, белеющее в темноте исподним, и звучно шмякнулось об пол.

Попович всегда удивлялся, откуда в щуплом Шмайсере столько силы, ведь он сам здорового мертвеца едва бы поднял, а ведь тот его легко швырнул, без видимой натуги, да так, что труп полетел.

— Счастливцев у тебя лежит холодным, ваше высокоблагородие, легкой смертью отделался. Остальным уже круто не повезет, больно откровенно они бахвалились в своем палаческом ремесле!

Голос немца был такой, что Алексей поежился, а холодные мурашки пробежали волной по телу — жестокость Шмайсера вошла у них в поговорку.

Но особенно тот не жаловал комиссаров, карателей и убийц, может быть, потому, что сам был таким же. Он даже как-то обмолвился в шутку, что его даже черти из ада выгонят за отсутствие гуманизма, но в это почему-то хотелось верить, а не смеяться.

Рассуждать времени уже не было — Путт от ворота стал призывно махать рукой, сигнализируя, что два оставшихся в штольне матроса требуют подъема наверх. Потому все трое заспешили к лебедке и уже через несколько секунд стали наматывать в две силы трос на барабан. А Путт со Шмайсером встали на помосте, готовые к встрече минеров.

— Руку подай, — молодой задыхающийся голос потребовал у Шмайсера помощи. — Там не продохнуть, не вижу ничего, глаза слезятся. Маску бы... На ощупь, почти вслепую, провода цепляли.

Шмайсер рывком вытащил матроса на помост, а Путт без промедления врезал ничего не подозревавшему Полещуку по затылку. Моряк не вскрикнул и мешком повалился на бревна.

Второй минер, более пожилой, лет тридцати пяти, что-то сообразил, но также получил по голове прикладом карабина и был выдернут из бадьи руками капитана и радиста.

— Так что же это такое? — искренне возмутился Путт. — Не стану я эти бушлаты одевать, от них же воняет за три версты.

— Ты в своем шоферском прикиде можешь Мойзеса не провести или его водителя. Парк у чекистов небольшой, автомобили и шофера там наперечет. Так что надевай бушлат, не кочевряжься, а то всех подведешь. Штаны не надо — у нас тоже черные, не разглядят.

Возражать Фомину Путт не решился, скинул с плеч кожанку и надел бушлат, заботливо протянутый радистом. Оба матроса были уже раздеты до исподнего, связаны веревкой по рукам и ногам, с кляпами во рту.

— Пусть здесь отдыхают, а то таких бугаев волочить — пупок надорвем, — сплюнул на траву Шмайсер.

— Взяли за руки, за ноги, в лабаз занести. Пусть там пока полежат, — приказал Фомин и ухватился за ноги одного из матросов.

Гауптман подхватил его за плечи, и они, крикая от натуги, отволокли пленника, бросив с размаха в подростшую крапиву. Вслед, в молодую, сочную, уже жгучую поросль, проследовал и второй моряк, брошенный Поповичем и Шмайсером. Вытерев руки об одежду, танкисты пошли обратно. Теперь можно было перекурить, что они и сделали, усаживаясь на бревна.

— Ну что, матросня, как товарища Мойзеса встречать будем? — задал всем вопрос Фомин после того, как каждый несколько раз затянулся табаком.

— Проще простого, — первым отозвался Путт. — Мы с тобой у дороги стоим, впереди машины. Шмайсер со снайперкой в кузове, полог отдернут. Алешка за автомобилем, в случае чего на помощь спешит. Там их трое всего будет, да еще девушка, что на закланье эти сволочи определили. Я думаю, мы с тобой, Федотыч, управимся быстро.

— С чего ты взял, что их всего трое? — спросил Фомин. — А может быть, в кузове еще десяток матросов!

— Эти говорили, что Мойзес с ветерком едет, значит, машина открытая. Взрывчатку чекист не брал, боясь утяжелить автомобиль. А потому у него легковушка. Туда влезут водитель, сам Мойзес, девушка и один охранник, без него чекист вряд ли ездить будет.

— А может, двое?

— Нет, Алеша, один. Девушку не силком везут, она сама едет. И потому Мойзес с ней сидеть будет рядом. Ты думаешь, что он еще одного охранника между собой и девчонкой на сиденье сунет? Только одно не пойму, зачем она сюда едет? Ведь замучили бы здесь ее.

— Я думаю, ее на близких взяли. Отца или брата арестовали, а там велели не ломаться или... Сам понимать должен, — Фомин затушил окурок первым. — А ее бы не просто замучили. Как я понял — Мойзес кое-что другое тут устраивает, чем простая дефлорация...

— Что-что?

— Девственности лишить ее он хочет. Это обряд или ритуал, как я понял. А потом вся эта матросня должна была ее до смерти насиловать. Там, думаю, с ней было бы то, что с теми несчастными девчонками, что сейчас в штольне покоятся. Это здесь, судя по всему, происходило — терзали, резали, ломали, потрошили...

— Тьфу ты! — Попович перекрестился.

— Ты прав, Алеша, бесы они и есть. Их до последнего изничтожать надо, без жалости в сердце, ибо они такого слова не знают. Им муки людские в радость. Эти твари с таким наслаждением здесь рассказывали, как в прошлом году офицеров на кораблях зверски убивали, в море топили, в раскаленные топки бросали живыми...

— Стой! Значит, это прошлое все же. А прошлый год — это семнадцатый год, уж больно

там такие расправы над офицерами творили. А потому...

— Потом будем рассуждать, Федотыч! Гул мотора слышу. Никак к нам товарищ Мойзес припожаловал?! Ждем-с...

Рассветало. Туман свертывал свое покрывало и тонкими струйками таял между деревьями. Открытый легковой автомобиль бодро съехал с небольшого пригорка и, раскачиваясь на травяной дорожке, шустро добрался до штольни, миновав зияющий оконными проемами дом. До грузовика он не доехал буквально два десятка шагов и остановился, выпустив напоследок клубы сизого, вонючего дыма.

В машине сидели четверо — трое мужчин и одна совсем еще юная девушка. Особи сильного пола были похожи друг на друга, словно крысята из одного помета. В кожаных кепках и куртках, из-под воротников которых торчали, к великому изумлению Фомина, белоснежные рубашки.

Через плечо были накинуты знакомые ремешки от коробок с маузерами, но сами пистолеты Фомин не видел — борта скрывали. Взгляды у всех троих уверенные, хозяйские. Вот только на этом сходство между прибывшими заканчивалось, и начиналось различие.

Водитель являлся обладателем типичной веснушчатой рязанской рожи, которая, если спросишь, начнет в ответ непременно акать. Молодой парень, но франтоватый, руки в кожаных крагах уверенно держат «баранку».

Второй типчик, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем, явно спустился с кавказских гор, но вот овечьи отары он там вряд ли пас. Холеная ладонь лежала на борту, но тонкие пальчики что-то нервно выстукивали. И харя соответствовала — злой настороженный взгляд при кривой ухмылке, которою сразу захотелось стереть ударом приклада.

Третий, вальяжно развалившийся на просторном заднем сиденье, имел морду какого-нибудь профессора или чиновника, рангом не ниже министра. Только взгляд жил отдельно от облика, нехороший взгляд, прищуренный.

Девушку Фомин не стал рассматривать, дабы не потерять необходимое время. Так, слегка мазнул взглядом — сидит напряженно, взгляд затравленной козули, глаза большие, красивые, полны печали и безнадежного ужаса ведомой на бойню жертвы. А может быть, и другое — просто она догадалась о предназначенной ей доле.

— Эй, Трифонов, и ты, Полещук, идите сюда. Все сделали, товарищи?

Фомин, стоявший у машины, сразу дернулся вперед, и, склонив голову, вихляющей походкой, стараясь тщательно повторить движения «глиста», который в спеленатом виде сейчас лежал в доме, пошел к машине.

Внутри застыло чудовищное напряжение — если чекист опознал его по форме с двадцати шагов, то, что будет вблизи? Придется немного побыть Трифоновым, вихлястой поганью в матросской форме. Кем не приходилось бывать за свою жизнь!

Чуть прячась за его спиной, следом пошел и лже-Полещук, сутулясь. И правильно делал — Путт был худощавей матроса, потому пришлось ему хоть так добавить себе нужной полноты.

— Вах! Это не Трифон. Контра!!!

Отчаянный вопль взорвал воздух, и лопнуло внутри напряжение яркой вспышкой. Фомин рванулся к машине, выхватывая из-под полы бушлата парабеллум. Свой маузер кавказец предусмотрительно держал на коленях, видать, опасался покушений. А потому вскинул его с молниеносной быстротой. И тут, в который раз, *дар* напомнил о себе.

Время резко замедлилось, словно секунда растянулась в минуту. Лица чекистов на первых сиденьях потемнели, на них Марена наложила *тень*. Они уже стали почти мертвецами, но пока не успели понять этого. Но *тень* не затронула девушку и Мойзеса, и Фомин чуть успокоился — их время еще не пришло, не отсчитано на безжалостных счетах судьбы.

Абрек все еще поднимал маузер, как неподъемную тяжесть, но тут его голову резко отбросило назад, а посередине лба, чуть выше переносицы, появилась красная дырочка.

Раскатистый грохот выстрела ударил по барабанным перепонкам, да так сильно, что Фомин поморщился. Он уже почти добежал до автомобиля, когда водитель попытался встать. На этом попытка закончилась — грохот выстрела, голова дергается, на лбу появляется такая же дырочка. Вот только позади головы рыжеватого рязанца рвануло фонтанчиком затылок, и ошметки крови заляпали на девчонке сероватый плащ.

И только сейчас чекист опомнился и выхватил из кармана куртки наган. Но это всем показалось, что Мойзес мгновенно достал револьвер — Фомин видел только медленное движение руки, как тяжелобольной тянется к стакану воды. Тянется, а коснуться не может.

Он сдвинул кисть чекиста и рванул его на себя. Наган выпал на землю, а Мойзес истошно завопил. Крик тут же прервался — тыльной стороной ладони, Фомин осторожно ударил того по губам, боясь нечаянно убить столь ценного языка. Крик мгновенно захлебнулся разбитыми в кровь губами, а Мойзес превратился в тряпичную куклу.

И тут *дар* ушел, словно завод окончился. Силы покинули, он свалился рядом с Мойзесом, ощущая всем телом ватную набивку каждой мышцы. А память тут же дала яркую картинку того, последнего, боя, когда он ловил в прицел еле ползущие тридцатьчетверки и автомашины колонны, и ему казалось, что Путт слишком медленно заталкивает снаряды в казенник пушки. Потом, правда, выяснилось, что сам бой шел только несколько минут, а они израсходовали больше половины боекомплекта. И гауптман полчаса отлеживался, полностью обессиленный, не в силах удержать в дрожащих пальцах даже папиросу. Но и сам Фомин тогда чувствовал себя не лучше, сил не было даже пить воду из услужливо протянутой фляжки. И парням пришлось самим поить его. Вот тогда на лицо несчастного Шмакова и была выброшена страшная *тень*.

— Федотыч, ты что это? Ты нас не пугай! — его тормошили, лили на лицо воду, а он не мог прийти в себя, пребывая в блаженном полусне-полубреду. И лишь резкий запах нашатыря привел Фомина в чувство.

— Как вы? — первым делом спросил он склонившихся над ним танкистов. Те заулыбались и помогли Фомину встать с травы.

— Все в порядке. Но для них хреново закончилось. Мойзес, сукин сын, спеленут, что твой младенец, двух других Шмайсер положил наповал.

— Иначе не мог, Федотыч, они оружие выхватили, — виноватым голосом перебил радист Путта.

— Лады, тогда разговор начнем по душам! — Фомин утвердился на ногах, движением плеч отказался от помощи друзей. Да, они стали ему друзьями, хоть и годились всем скопом в сыновья. И только сейчас он почувствовал, как вновь разливается по телу силушка, прочными становятся мышцы, крепчают ноги. Он взял раскуренную Путтом папиросу и сделал глубокую затяжку.

— А где Попович?

— Девушку в чувство приводит, утешает, — тихо сказал Путт.

Только сейчас Фомин заметил, что у стены сидит давешняя девица, а казак гладит ее по пшеничным длинным волосам. Судя по тому, что плечи девушки ходили ходуном, она плакала. Да уж, потрясение и для мужика немалое, когда чужими мозгами в лицо брызжет.

Фомин вздохнул и подошел к Мойзесу, который лежал рядом на траве и злобно зыркал глазами. Фомин присел около него и пальцами вытащил изо рта кляп — кусок грязной тряпки.

— У меня к вам пара вопросов, любезный...

— И с чего ты взял, ваше высокоблагородие, что я тебе отвечать буду?

— Невежливо старших перебивать, — Фомин опешил от такого обращения, но мгновенно

собрался. — Это раз. А во-вторых, с чего это вы взяли, что я высокоблагородие?

— А разве это не так, господин подполковник, — лежащий нагло и победно улыбнулся. Не выглядел он растерянным и побежденным, слишком уверен был в чем-то, пока непонятном для Фомина.

— Под курткой у вас погоны надеты со звездочками, а потому топорщатся, — с видимым превосходством пояснил Мойзес. — По возрасту вы штаб-офицер. А у полковника погон пустой.

— Учитесь, господа. Сыщик Шерлок Холмс у нас в руках, право слово. Дедукция в действии! — Фомин обескураженно почесал пальцем переносицу.

— Вы тут зря интеллектом блещете, милейший, — голос Фомина резанул сталью, — я ведь вас с индукцией познакомлю сейчас, товарищ. Это когда от общего к частному!

— Причем здесь индукция? — Мойзес не договорил, слова были буквально вбиты назад ботинком Шмайсера.

— Барон, где ваши манеры? — Фомин делано поморщился. — Господа, и вы, гауптман тоже, не считите за труд, приволоките из дома «гальюнера». И этому, — он кивнул на Мойзеса, — заткните пока рот, а то он слишком много говорит! Пусть помолчит немного!

Мойзесу затолкали тряпку в рот и по знаку Фомина утащили за машину, а через минуту приволокли извивающегося в руках Трифонова. Матроса небрежно бросили на траву и вытащили изо рта кляп.

— Ах вы, гниды червивые! Вы на кого руку подняли, бя...

— Шмайсер, угомони хама! — повинувшись приказу, радист с нескрываемым удовольствием впечатал каблук в гнилую пасть. Матрос хрюкнул и захрипел, глотая кровь и выбитые зубы.

— Если вы, любезный, еще раз скажете что-нибудь непочтительное или грубое, то барон вам отрежет второе ухо. Герр Шмайсер, товарищ согласен слушать вас одним ухом!

Шмайсер улыбнулся, вытянул из-за голенища нож и спокойно, даже как-то буднично, отмахнул матросу ухо и тут же кинул ему в лицо. «Глист» захрипел, стал белее бумаги, засучил ногами, в ужасе пытаясь отползти назад. Это был проверенный практикой способ — холодность и деловитость путают «клиента» на интенсивном допросе гораздо больше, чем истеричность. Трифонов, как определил Фомин, был сторонником второго. Потому первый вариант на него подействовал сразу, пробрав до глубины червивой души.

— Ч-что в-ы-ы хо-т-ти-те? — заикаясь, прошептал окровавленным ртом моряк, смотря перепуганными глазами на Шмайсера.

— Правду, мой друг, одну только правду. А если вы солжете нам хоть на малость, то потеряете еще что-нибудь из собственного тела, палец там или... — Фомин ткнул ботинком в пах, отчего Трифонов затрясся мелкой дрожью.

— Или нос? Хотите жить без носа? Шмайсер, отрежьте товарищу нос.

— Нет!!! Я все скажу! Не надо резать! — моряк попытался отползти в сторону.

Фомин мысленно усмехнулся — такие твари очень не любят собственной боли, потому, что жаждут изгаляться только над другими людьми. Своя шкура для них священна, если это слово подходит к таким подонкам.

— Как вы убили девочек, которых потом бросили в шахту? Кто они? — Семен Федотович говорил громко и тут заметил, что девушка отодвинулась от Поповича и стала вслушиваться в его слова.

Милая такая, глаза красные, заплаканные, над верхней губой крохотная родинка. Фомин тут же поймал себя на мысли, что где-то видел эту родинку, что ему знакомы черты ее лица. Он попытался вспомнить, но не смог, хотя и напряг память. Ей бы не слушать и не видеть всего этого, но только другого варианта он не находил. Пусть узнает, дурочка, какая участь ей

отводилась.

— Это все Мойзес! Они сестры, он их сюда привез. Сказал, что нужны три родные сестры, и обязательно цел... Ой! — пинок в живот от Шмайсера последовал незамедлительно.

— То есть девки, не тронутые мужиком. И своим идолом деревянным он их мучил, пихал в... А!

— Еще гавкнешь руганью, сразу что-нибудь отрежу! — голос Шмайсера был грозен и деловит. Такой отрежет и не поморщится.

— Он в это... В утробу женскую пихал!

— А для чего? — голос Фомина прозвучал несколько участливо, и моряк приободрился и быстро заговорил:

— Это все его дела! Он там делал с ними...

— Что делал? — голос Фомина зазвенел металлом.

— Ну, мы их когда того, на его подстилке черной... Ну, — он заикался, — когда их того, ну... С ними, с мертвыми уже... Ну, он нас выгнал из дома. Я подглядел в окошко. Он там свечки расставил, девок ножиком резал на тряпке своей черной. Мелом пол еще весь исчертил, стены... Звезды он там рисовал коммунарские, только перевернутые... Я, я испугался...

— Чего ты, гад, испугался?

— Я... Он сказал нам, что, если кто узнает, нам хана всем! И чтоб в ЧК ни слова! Да мы же не делали ничего, только с девками веселились... У-у-уй!

Хлесткий удар Шмайсера отбросил Трифонова к автомобилю. Он вжал голову в плечи и мелко затрясся.

— Я тебя предупреждал, сволочь! — Шмайсер достал нож.

— погоди! — Фомин повел рукой. — Продолжай, что ты еще видел?

— Да ничего я не видел! — заскулил Трифонов. — Ему Вахтанг помогал! Он девок держал, и потом, там, когда он их своей штукой... Ну, деревянной... И после, в доме... Я еще слышал, что до нас они сюда девок привозили! Он говорил, что это нужно, нас убьют, если мы попытаемся хоть что-то вызнать. Он заставлял их насиловать, пистолет приставлял.

— Какой штукой? Ты о чем?

— Там, в портфеле! Он всегда с собой возил...

— Значит, тела девочек Мойзес резал? — ком подкатился к горлу Фомина, когда он вспомнил истерзанных сестер в шахте.

— Он, проклятый, он. Тварь! А Вахтанг помогал!

— А куда дел то, что вырезал?

— Он с собой увез. Портфель у него желтый, а там кожаный мешок. Он туда все и сложил, сказал еще нам, что скоро все изменится, он скоро все изменит! Он силу великую получит от того, что женское и мужское начало соединил!

— А зачем?

— Не знаю, видит Бог, не знаю!

— Не погань имя Господа нашего своим языком! Понял, урод?!

— Да! Простите меня!

— Кроме тебя, кто насиловал девочек?

— Все матросы, что здесь. Все насиловали. Только шофер не стал почему-то, ушел. И я не насиловал...

— Шмайсер!

Тот все понял правильно, наступил на руку матроса ботинком и тут же взмахнул клинком. Матрос истошно завопил, глядя на отрезанный палец.

— Молчать! Совеешь еще раз, в штанах кое-чего недосчитаешься!

— Я их только сзади, сзади. Помилуйте меня, это Мойзес приказывал. Он, проклятый...

— Заткнись, тварь! — только сейчас Фомина затрясло, с таким ужасом он столкнулся первый раз в жизни. Он сам видел все кошмары Гражданской, о которых не то что вспоминать, думать не хотелось, но в голову не приходило, что можно жестоко, бесчеловечно жестоко, проводить ритуальное убийство девочек. Он посмотрел на своих — те были белее бумаги.

— Шмайсер, поищите в машине. Там портфель должен быть!

Радист кивнул, наклонился над бортом и вытащил большой желтый портфель с металлическими нашлепками на углах. Шмайсер расстегнул ремни и достал два кожаных мешочка — один пустой, а другой с каким-то предметом внутри. Фомин развязал завязки, вытряхнул предмет, покотившийся по траве.

— Мать моя женщина! Бог ты мой!

— Ферфлюхте!

— Доннерветтер... Сволота!

— Ох, и твари вы! Стрелять вас мало! Тьфу!

Поповича затрясло, Путт сглотнул, Шмайсер перекрестился, а Фомин сплюнул от омерзения. На траве лежало нечто, очень похожее на тщательно выделанный из дерева мужской орган, но преувеличенно больших, почти немыслимых размеров.

Он был почти коричневым от впитавшейся в него, высохшей крови. Вырезанная по спирали змея держала во рту свой хвост. На ее теле еще видны были полустертые непонятные знаки, сплетавшиеся в причудливый узор. Вершина венчалась острыми рожками. В центре выпучивали глаза и кривили клыкастую пасть три омерзительные звериные морды. Они все были разные, глядевшие на три стороны. Глаз успел выхватить детали: одна из морд была именно бычья, остальные он не успел разглядеть.

— Тв-в-вою мать! — кое-как пришел в себя Фомин и перекрестился трясущейся рукой. От увиденного и услышанного на этом страшном руднике можно было трижды сойти с ума.

— Да куда уж там! От него любая женщина помереть может, а они им девочек... Кончать надо тварей...

— Постой, гауптман! — Фомин взял себя в руки и глубоко задышал. — Ты, хорек недоношенный! Шахту сегодня хотели рвать, чтоб трупы завалить?

— Да, Мойзес приказал!

— А зачем еще три ящика динамита в кузове? Что еще рвать хотели? Говори, тварь! Шмайсер!

— Все скажу!!! — истерично завопил «глист». — Строгановский рудник тоже подорвать велели! Теперь трупы в Мотовилиху возить станут, там в печах сжигать всех будут!

— Куда?!!! — дико вскричал Фомин, ему показалось, что он услышал знакомое до боли слово.

— В Мотовилиху, на оружейный завод. Там большие печи стоят, их для плавки металла держат, — дрожа от страха, стараясь не глядеть на искаженное лицо Фомина, громко пробормотал матрос.

— Какое сегодня число?! Говори, сука!!!

— Сейчас двенадцатое июня наступило, вчера одиннадцатое было, какое же еще? — с нескрываемым удивлением проговорил Трифонов, но голос его все так же дрожал.

— Великий князь Михаил Александрович еще жив?! — вопрос Фомина хлестанул кнутом, а рука вцепилась в рукоять кинжала. — Шмайсер!!!

— Жив!!! Видел сам его вчера, на улице. С секретарем шел, а за ним чекисты. Не надо резать, не надо!!!

Вопль пресекся — Шмайсер заткнул рот матроса кляпом и внимательно посмотрел на

Фомина, уголки губ радиста кривились. Путт подошел к нему поближе и очень тихо сказал:
— Это судьба, Семен Федотович. Судьба...

Глава вторая

Фомин медленно закурил, задумчиво хмурия брови. То, что с ними произошло в последние дни, походило на наваждение, какой-то безумный сон, на заветное юношеское желание. И самым непонятным было то, что его самая большая мечта, о которой он жалел почти четверть века, внезапно исполнилась. Он преодолел время, но моложе от этого не стал. Неожиданно для себя Фомин рассмеялся — а ведь его парни только зачаты и лежат в утробе эмбрионами, да и он сам сейчас спит, и только через час его отец разбудит, грубовато пихнув в бок.

— Федотыч?! — нетерпеливый голос Путта вывел его из воспоминаний. — Надо решать. Ведь сегодня, как ты говорил нам, Михаила Александровича того... Убьют ведь вечером. Надо спешить, ведь до города время нужно, чтоб добраться, и там еще действовать.

— Город рядом, нам часа хватит! Сейчас сколько? — капитан своими вопросами выдернул его на эту грешную землю, и Фомин был ему сейчас благодарен.

— Четыре доходит! Солнышко скоро всходить будет! — Путт сверился по своим командирским.

— Так! Тащите сюда Мойзеса, господа. Надо продолжить беседу с этой тварью! Мать его! Человеком назвать язык не поворачивается. Шмайсер, ты уж будь с лаской. Нужно вначале допросить, а потом он твой будет.

— Зер гут, герр оберст, зер гутт! — Федор плотоядно улыбнулся.

В экстремальных ситуациях, если можно было на войне хоть что-то назвать не экстремальным, он иногда переходил на немецкий язык. Фомин еще полтора года тому назад сразу просек, что никакой не хохол, а типичный немец, в смысле, выросший в двуязычной языковой среде, когда с рождения два языка родные.

Мойзес приволокли, небрежно бросили его рядом со словоохотливым морячком. Однако эффект от такого соседства был поразительным. Увидев вблизи живого и здорового чекиста, Трифонов замычал от безумного страха, побледнел чуть ли не до корней волос и в дикой панике попытался отползти подальше, виляя всем тщедушным телом.

— Похоже на то, что наш чекист имеет авторитет среди этих тварей! — с глубокомысленным видом проговорил Шмайсер, вынимая по знаку Фомин кляп. — Даже от связанного шарахаются, как бесы от ладана.

— Ты не прав насчет ладана, Фридрих. Просто мелкий бесенок страшно боится более крупного, значимого и омерзительного беса.

— Не надо о бесах, господа. Просто этот ублюдок хорошо знает, что его ждет за лишнюю словоохотливость! — подал голос Мойзес с теми же нотками превосходства и брезгливости.

— Слышь ты, урод! — Шмайсер пнул чекиста ногой в плечо, отчего тот перевернулся на бок. — Тебе слова не давали! Закрой пасть, пока я тебе ее не заткнул обратно!

— Герр Шмайсер... — начал было Мойзес.

— Ты не понял, тварь?

Удар ботинком в живот заставил Мойзеса согнуться, насколько это было возможно, судорожно закашлявшись. Подскакивший Путт уселся на него сверху, запустил два пальца в ноздри и рванул вверх. Мойзес взвыл.

— Еще раз вякнешь... — Путт зашипел ему прямо в лицо. — Загрызу!

Мойзес чуть побледнел и промолчал. Путт медленно встал, поправил форму, отошел на пару метров, присел на корточки и закурил, исподлобья глядя на Мойзеса. Первым опомнился Фомин:

— Господа! Зачем так сурово? Товарищ при исполнении! Правда, — он наклонился к

нему, — любезнейший?

— Да! Вы правы!

Мойзес пожевал разбитыми губами, сплюнул сгусток крови. К нему возвращалась уверенность:

— Я начальник особого секретного отдела Пермской губчека.

— И каковы же особые секреты, которые вы так усердно тут секретите? — от приторно сладкой улыбки Фомина у Шмайсера даже побежали мурашки по спине. — По приказу только товарища Дзержинского или же по своей, личной инициативе? Сдается мне, что вы тут сами воду мутите!

— Послушайте, уважаемый, — начал Мойзес брезгливо, — это не ваши дела! Вы-то здесь какие интересы преследуете, вмешиваясь в них?

— До чего же я не люблю эту их манеру отвечать вопросом на вопрос! — Фомин присел перед Мойзесом на корточки, склонился над лицом и заглянул в глаза. — Милейший! Это я вам здесь вопросы задаю! А вы потрудитесь на них отвечать! Ясно?!

Фомин рявкнул так громко, что Мойзес зажмурился, Трифонов снова затрясся мелкой дрожью, а Попович, все еще сидевший с девушкой у дома, вскочил, схватив автомат.

В черных глазах Мойзеса, именно черных, такие глаза Фомин выдел впервые, не был различим зрачок: один сплошной, бездонный мрак, идущий, как кажется, из самой глубины души. Даже сейчас, перед лицом смерти, Мойзес не испытывал страха, не дрожал. Ни одна капелька пота не выступила на лбу. Слегка приподнятая левая бровь и легкая, еле различимая полуулыбка уголками губ, придавали его лицу столь отстраненное, покровительственное и никак не вяжущееся с ролью испуганного пленника выражение, что Фомин почувствовал, как начинает выходить из себя.

— Так! Вечер перестает быть томным! — Фомин повернулся к Путту. — Герр гауптман! Верните, — он кивнул в сторону Трифонова, — немого к остальным, а то, не ровен час, тут еще обгадится, в штаны навалит со страху! А в обществе таких благородных господ, как мсье... пardon, товарищ Мойзес, это не есть комильфо! Мы сейчас о скорбных делишках мирских наших беседу начнем, а товарищу Трифонову о душе подумать надобно, ко встрече со Всевышним, — Фомин перекрестился, — готовиться нужно...

Глядя вслед Трифонову, который мелко-мелко закивал и расплылся в глупой улыбке, Фомин нахмурился и повернулся к Мойзесу:

— Так вот, милейший, еще раз задаю вопрос: чем вы, — Фомин сделал ударение на последнее слово, — здесь занимались? Советую отвечать честно! Это в ваших интересах!

— А то что? Убьете? — Мойзес приподнял голову и посмотрел сверху вниз на Фомина, причем это ему удалось даже в столь неудобном положении. — Я из ЧК, а вот вы — одиночки, охотники, на которых в любой момент самих может начаться охота!

— А что? Вам не страшно умереть в жутких мучениях? — Фомин поднял бровь. — Испытать на себе хоть частично те страдания, которые вы причиняли несчастным?

— Помилуйте, господин подполковник! — Мойзес даже заулыбался. — Вы офицер, честь для вас не пустой звук, как для ваших благородных спутников! Вы что, сами... — он несколько помедлил, смакуя, — как это поточнее сказать, пытать меня будете? А вдруг за мной следом еще товарищи едут или я, предположим, к определенному сроку вернуться должен?

— Нет, это вы меня помилуйте, любезнейший! — Фомин вскинул ладони. — Я? Вас? Пытать? Нет! Нет! Как вы могли подумать такое?! — глаза его сузились, а голос стал тверже металла. — Твой гаденьш, этот, Трифонов! Да за жизнь свою поганую он же тебя голыми руками, зубами рвать будет! В одном ты прав! Времени у нас мало! Ну да ничего, управимся!

— Ничего у тебя не выйдет, штабс! — Мойзес рванул к Фомину. — У тебя на морде

любопытство написано! Ты один ведь не испугался, не испытал отвращения! Удивлен был. Да! Ты знал, *что* это! — он отвел глаза в сторону портфеля, лежащего у машины. — Именно удивлен, изумлен, но не испытал того страха, что был на лицах твоих людей, когда ваш барон из портфеля моего достал...

Удар отбросил Мойзеса назад.

— Ты... Ты! Откуда знаешь?! — Фомин тяжело дышал. — Откуда ты знаешь?! — он схватил Мойзеса за грудки.

— Я все знаю и вижу! — губы Мойзеса тронула змеиная улыбка. — Он мне и еще кое-что на ушко шепнул...

Дальнейший миг растянулся, время застыло. Фомин кинулся к Мойзесу. Как на замедленной киноплёнке потекли кадры: подбежавший Путт схватил его за одну руку, вторую руку пытался отодрать от горла чекиста Шмайсер. Мойзес хрипел, закатив глаза, на штанине расплывалось мокрое пятно...

— Спокойно! Спокойно! — Путт тряс Фомина за плечи.

— Да всё! Всё! — Фомин сел, глубоко дыша. — Всё! Я его не убил?

— Нет! — Шмайсер склонился над Мойзесом, похлопав его по щекам. — Жив, падла! Этих гнид так просто не раздавишь!

— Покарауль-ка! Нам с капитаном переговорить нужно! — Фомин тяжело встал. — Пойдем Андрюша, отойдем!

«Он просчитал все или действительно *увидел*? — мысли лихорадочно бегали в голове. — Нет, он действительно *видел*! Я сразу почувствовал, как он... Он пытался меня... Это чувство *збукости*! Я ведь тогда, в шахте, не рассмотрел внимательно! Думал, глумились они над телами просто! А там знаки колдовские вырезаны были! На лбах, на плечах... И то, что рассказал этот скот, Трифонов...»

Сделав с добрых полсотни шагов, Фомин остановился, глянул через плечо на Шмайсера, стоявшего рядом с лежащим без сознания Мойзесом, и тихо заговорил:

— Кончать его надо, Андрей, и побыстрее!

— Да ты чего, Семен! Такой язык! Он нам все, что хочешь расскажет!

— Думаешь?

— А как же! Посмотри, как его матросня боится! Он ведь здесь, в Перми, одна из гэбистских шишек!

— Андрей, нет еще НКГБ!

— Да какое, к чертям, — Путт заметил, как едва уловимо вздрогнул Фомин, — НКГБ! Ты же понимаешь, что нам сейчас, в свете того, что мы хотим сделать... Ну, ты чего? Передумал, что ли? Ты же сам говорил... Император Михаил еще жив! Ну же, Семен!

— Да ты не понимаешь! — Фомин с силой сжал кулаки. — Он не просто человек...

— Еще бы! — Путт хмыкнул. — Конечно, не простой человек! Он мразь, каких поискать надо! Но, самое главное, что эта мразь нам может сейчас очень сильно помочь!

— Ладно! — сказал нерешительно Фомин, чуть помедлив. — Только я прошу тебя, Андрей, не вмешивайся! И уведи наших за дом!

Пока Путт разговаривал со Шмайсером и Поповичем, Фомин успел окончательно успокоиться и выкурить папиросу, обдумывая предстоящий с чекистом разговор.

— Я готов! — подошедший Путт посмотрел вопросительно. — Пошли?

— Пошли! — Фомин кивнул на озерцо за домом. — Прихвати ведро!

От выплеснутой воды Мойзес закашлялся, отвернул лицо в сторону. Фомин перевернул ведро и сел рядом:

— Ну!

— Что ну? — Мойзес поморщился, фыркнул, сдувая капельки воды. — Я — не лошадь, вы не конюх, чтобы понукать!

— Я повторяю вопрос, — Фомин собрался, сдерживая закипающую ярость, — что вы тут делали?

— А сами вы не догадываетесь?

— Догадываюсь! Меня интересуют детали. Которая, — он кивнул в сторону места в машине, где сидела девушка, — по счету? Кто из них, я имею в виду матросов, еще в курсе, вы понимаете, о чем я?! Кто еще *помогал*?

— Она — седьмая. Матросы ни при делах, помогал Якобашвили, его застрелили. Я, надеюсь, исчерпывающе отвечаю?

— Вполне!

— Я могу задать вам один вопрос?

Фомин кивнул.

— Вы оказались не просто так? — он с намеком вытянул, как показалось Фомину, шею в сторону шахты или, может быть, размял затекшие плечи.

— А с чего вы решили? — Фомин постарался сделать безразличное лицо, но внутри все сжалось в комок.

— Вы все, по крайней мере, вы двое, старшие офицеры, это видно и по выправке, и по вашему общению между собой. На форме были знаки различия, но вы их почему-то спорили. Вон, ткань неравномерно выгорела! К тому же двое немцы, хоть и великолепно знающие русский язык и манеры. Вы, — он кивнул на Путта, — кадровый германский офицер, не унтер, но и не старший начсостав, хоть и пытаетесь скрывать это. Ваш коллега, — Мойзес принял поспешный взгляд Фомина как одно очко в свою пользу и продолжил уверенным голосом, — пусть и не имеет вашей великолепной выправки, но также удостоился чести служить офицером в императорской армии. Более того, под формой у него, как я уже заметил ранее, офицерский китель. Да и медали его звенят...

Фомин машинально приложил правую руку к груди, ощутив под тканью твердость металла, прижал. Мойзес победно сверкнул глазами, продолжил:

— Действуете вы слаженно, хорошая подготовка чувствуется. Вот только оружие мне ваше незнакомо, на английское, да и на немецкое вроде не похоже. Подполковник в группе старший, и не только по званию, но решения принимаете, советуясь друг с другом, — он помедлил, поочередно вглядываясь в их лица. — Вернее, приняли! Не удивляйтесь, я вижу это! В самом начале нашей беседы вы были более встревожены, чем теперь! Такое впечатление, — Мойзес на миг задумался, подбирая слова, — что вы успокоились после того, как приняли важное решение, решились на что-то после того, как получили какую-то информацию от Трифонова, что-то очень важное... Подождите... Вы за Михаилом Александровичем пришли!

— Вы, — Путт сглотнул, поглядел на несколько помрачневшего Фомина. — Удивительно догадливы...

— Да! — Мойзес облегченно воскликнул. — Господа, я не представился! Лев Маркович! Не стесняйтесь, давайте обсудим детали! Нам «ваш» Михаил не нужен! Вот в чем дело-то! Мы изначально друг друга не так поняли! Что же вы сразу не сказали! Я прекрасно понимаю ваше стремление как русского офицера исполнить свой долг. И не только понимаю! Мы же сможем договориться, вы так не считаете?

— Гм! Хм! Гм! — Фомин не ожидавший такой наглости от Мойзеса закашлялся.

— Герр гауптман! — Мойзес повернулся к Путту. — Это наши русские дела. Зачем вам, немцам, это?! Я понимаю, вы посланы своим командованием для вывоза великого князя Михаила, и готов вам в этом содействовать. Хотя не понимаю, зачем он нужен вашему кайзеру.

Или вы посланы от неизвестных мне политических кругов, не представляющих напрямую ваше правительство? Но и в таком случае мы можем с вами договориться! Если вы получили за свою миссию деньги, я готов возместить вам вдвое большую сумму, и даже на каждого из вас, если вы с бароном воздержитесь нейтралитета! Что может помешать? В Москве есть очень влиятельные люди, в чьих руках сейчас власть над Россией, и они могут решить многие проблемы. Вам нужен великий князь? Я помогу его получить завтра в целости и сам обеспечу вашу полную безопасность здесь...

— Мне необходимо обдумать и обсудить с бароном ваше предложение!

Фомин словно очнулся от голоса Путта. Только сейчас он сообразил, что диалог Мойзеса шел на немецком языке, ничуть не хуже его собственного произношения. Путт продолжал:

— Договориться предлагаете? Ну что ж, в вашем положении это разумно! А как быть с этим? — он пнул ногой портфель и лежащие рядом страшные предметы. — И с девушкой?

— Вы же современные люди! Что вам до этих мелочей! Идет война, герр гауптман, а на ней без жертв не обойтись. Мы не просто убивали, тут вы правы, но все это происходит с санкции вышестоящей власти. Данное... Скажем так, этот эксперимент очень нужен для раскрытия некоторых таинственных явлений, для которого требуются определенные предметы, люди и условия. Это суровая и жестокая необходимость. Знаете, герр гауптман, как мы, русские, говорим в таких случаях: лес рубят — щепки летят! Что вам до этих щепок? — Мойзес пристально посмотрел на Путта, так пристально, что Фомин внутренне напрягся.

— А какие вы можете дать нам гарантии? — внешне он был абсолютно спокоен, только дергающаяся правая щека выдала Фомину крайнюю степень гнева немца.

— Я имею специальный мандат, подписанный товарищем Дзержинским. Надеюсь, вам знакомо это имя? Так что завтра вы спокойно заберете своего императора, я ручаюсь за это. Он нам завтра будет не нужен...

— Конечно, не нужен! — Фомин медленно достал папиросу себе и Путту. — Покойники никому не нужны. Сегодня вечером к его гостинице подъедут пять товарищей. И один очень не простой советский работник по фамилии Мясников. Они вывезут великого князя за город, убьют и сожгут тело в печи Мотовилихи. Или живьем засунут, если захотят. Вы, товарищ Мойзес, будете сидеть на телефоне и блокировать все идущие в ЧК звонки. О, эта операция настолько секретна, что рядовые чекисты о ней даже не подозревают!

Фомин прищурился и усмехнулся, а Мойзес побледнел, но не от страха, тут было другое. Губы начали что-то шептать, неслышимое и непонятное.

— А утречком поднимется шумиха, мол, великого князя неизвестные похитили. Белогвардейский заговор, мать их до седьмого колена. А чтоб другим Романовым «бежать» неповадно было, всех их позже убьют. И в Алапаевске в шахту покидают. В Екатеринбурге в подвале Ипатьевского дома самого императора, императрицу, цесаревича и великих княжон расстреляют. И объявят, что те «бежали». Ах, как повеселятся твои собратья-чекисты...

В груди нарастал гнев, и Фомину пришлось сцепить зубы, собрать всю волю в кулак, чтобы чуть-чуть придавить бешенство. С яростью он посмотрел на Мойзеса и продолжил, выплевывая слова, как пули.

— А потом объявят, что Романовых расстреляли в инициативном порядке, ибо в Москве не знали, что случилось с Михаилом Александровичем. Все это инициатива местных «рабочих», осуществивших пролетарское возмездие. Не правду же говорить, что все провели чекисты!

— Видите, герр гауптман! — Мойзес надменно прищурился. — Господин подполковник втягивает вас в свои безумные националистические авантюры! Вас не должны касаться наши внутренние проблемы! Ведь может пострадать ваша миссия! — голос Мойзеса гулко отдавался в черепной коробке.

— Вы пришли сюда со своим, известным заданием! А подполковник вам мешает! Он мешает нам договориться, как лучше выполнить свое задание!

— Мое задание... Он нужен Абверу... — Путт медленно произнес, глядя немигающим взглядом в глаза Мойзесу.

— Вы абсолютно правильно поступаете, герр Путт! — Мойзес заговорил мягким обволакивающим голосом. — Абсолютно правильно! Я считаю, что наш разговор нужно продолжить в другой обстановке! Не так ли? Давайте все обсудим как деловые люди! Помогите мне встать...

Фомин почувствовал, как будто невесомая паутина накрыла сознание, мягко погружая в вялую безвольность. Краем глаза он еще отметил, как Путт потянулся к Мойзесу. Лицо Андрея на мгновение словно подернуло дымкой, нечто напоминающее дрожание горячего воздуха летним знойным вечером.

«Тень!!! — Фомин мысленно закричал. — Тень!!!»

— Путт! — язык словно прирос и с трудом двигался, и Фомин захрипел. — Путт! Капитан! Не слушай его!!!

Он на выдохе, рывком, встал, запнувшись об ведро, покотившееся с оглушительным грохотом, и выхватил штык-нож из ножен. Мойзес зашевелил губами сильнее. Фомин почувствовал, как наливается тяжелым свинцом рука и леденеет затылок. Путт застыл, глаза, казалось, стали стеклянными.

Алеющий горизонт заиграл на серебристой стали клинка кровавыми отблесками. Один, особо яркий, ударил в лицо Мойзесу, и он непроизвольно зажмурился. Фомина словно окатило ледяной водой, ладонь почувствовала дерево рукоятки ножа. Пылающий луч восходящего светила, выплеснувшийся из-за лесных макушек, взорвался в мозгу раскаленным искрящимся шаром.

Фомин упал на землю, сведенный судорогой. Нож выпал из руки и воткнулся рядом. Он сжал до хруста кулаки, сгребая землю вместе с травой, тело, подобно пружине, рванулось навстречу солнцу. На мгновение ослеп в этом всепоглощающем раскаленном золоте, закричал во всю мощь легких так, как никогда не кричал в своей жизни, так, как будто он шел в свою последнюю атаку на легионы тьмы.

— Ярило!!! — крик перешел в рычание, рвущее связки. — Ярило!!!

Опустившись на колени, он повернулся к застывшему Мойзесу и увидел глаза на вмиг посеревшем лице — уверенность и холодный расчет растаяли в одну секунду, и вместо них воцарился жуткий животный страх.

— Андрей! — хрип вырвался из горла Фомина. — Уходи!

— Тебе помощь нужна? — Путт еле выговаривал слова, растягивая слоги, медленно приходя в себя и трясая головой от наваждения.

— Иди, Андрей, иди! — Фомин хрипел, продолжая смотреть на Мойзеса в упор. — Не стой над душой, а то свою не убережешь...

Путт с трудом поднялся, волоча ватные ноги, и зашагал в сторону дома. Тук! Гулко бухнуло сердце. Отсчитывая про себя шаги уходящего Путта, он внезапно вскочил, выдернул из земли нож и ударил Мойзеса в бедро. Тук! Тот скрючился от боли и заорал во все горло. Тук! Тук! Тук!

Глядя на согнувшегося Мойзеса, Фомин сначала опустился на корточки, а затем упал навзничь на спину. Медленно перевернулся, зарылся лицом в траву. Сгреб ладонями землю, почувствовал ее тепло, идущее в самое сердце, тихо прошептал:

— Спасибо тебе, Матушка-Сыра-Землица! Матушка нам всем родная, нас всех породившая!

Фомин еще мгновение полежал, ощущая, как тепло разливается по телу, не спеша встал. Мойзес лежал, совершенно обессилив, и только пожирал его ненавидящими, мутными от боли глазами.

Фомин решил не терять время, пока враг был безопасен, подошел к валявшемуся портфелю, присел перед ним и осторожно раскрыл. Деревянного идола не тронул. Из портфеля извлек сложенную в несколько раз черную ткань, размером с простыню, развернул ее на траве:

«Я так и думал! Каббала! — Фомин разглядел видимые следы мела на ткани, напоминающие пентаграмму. — Так и есть! В портфеле, конечно же, еще *орудия!*»

Затем достал затертую, с еле различимыми надписями на незнакомом языке, потемневшую металлическую чашу, даже, скорее, бокал с низкими бортами, на короткой ножке. Чаша ударилась о что-то твердое, издала тягучий протяжный звон.

«Ритуальный нож! Это что еще такое?»

Два маленьких полотняных мешочка, также испещренных символами, пентаграммами, так их определил для себя Фомин. В одном крупные серые кристаллы, скорее всего соль, в другом — пепел. Пробовать на вкус, равно как и прикасаться вообще, желания не было.

«Так! Еще тряпки... А-а! Балахон!»

На дне портфеля, завернутые в черный шелк, лежали еще какие-то, судя по тусклому блеску, металлические предметы. Их, немного подумав, Фомин доставать не стал. Спиной он ощущал взгляд Мойзеса, словно кто-то ледяной рукой проводил вдоль хребта. Ощущение было крайне неприятным, мурашки бежали по коже, но Фомин не боялся, что ему будет причинен хоть какой бы то ни было вред: нож, оставленный в бедре Мойзеса, забирал все его *силы*.

Все вынутое Фомин аккуратно сложил обратно в портфель. С собой взял лишь завернутого в черную простыню идола и соль. Мойзес уже затих, только еле слышно постанывал, закрыв глаза. Фомин присел рядом, рванул нож на себя, нехорошо так рванул, с разворотом кисти. Кровь, брызнувшая из раны темной тугой струей, хлынула на землю.

— Матушка-Сыра-Земля, прими кровь эту! Возьми эту жертву помимо воли ее в обмен на волю мою! Заклинаю тебя, рудушка-руда, свернись, сварись, спекись! Заклинаю тебя...

Мойзес проваливался в темную бездну.

— ... как эта руда уходит в сыру землю, уходит сила твоя...

Мойзес откинулся, потеряв сознание. Фомин вытер краешком черной простыни капли крови с лица, вытряхнул из нее деревяшку и разорвал ткань на полоски. Ножом взрыхлил землю, открыл мешочек, высыпал часть соли, тщательно перемешал ее с землей. Подцепил ножом часть смеси, стряхнул в кровоточащую рану Мойзесу и принялся перевязывать.

Остальную соль по кругу обсыпал вокруг Мойзеса, в изголовье ему воткнул нож. Из оставшегося лоскута черной ткани он смастерил кляп и засунул ему в рот. Сильно ткнул в перевязанную ногу, отчего Мойзес застонал и пошевелился.

— Хватит придуриваться! Я же знаю, что ты меня слышишь! Будешь еще *делать?* — Фомин внезапно почувствовал навалившуюся на плечи усталость. — Или поговорим как нормальные люди?

Мойзес кивнул.

— Я тебя предупредил! — Фомин вынул кляп изо рта.

— Ты накликал страшную беду! — Мойзес заговорил глухим голосом. — Ты прикасался к священным предметам!

— Ты еще не понял? Я здесь на своей земле, а дома, знаешь ли, и стены помогают! *Сила* твоя уходит, — он покосился на потемневшую от крови, несмотря на черную ткань, повязку, — на то, чтобы себя спасти! Не будешь же ты последнее на меня тратить? Верно?

Фомин выдернул нож. Мойзес затравлено поглядел на лезвие. Он молча начал чертить

клинком вокруг Мойзеса, оставляя внутри уже насыпанную солью черту. Мойзес, приподняв голову, молча провожал взглядом Фомина. Очертив линию, нож вернулся на место в изголовье.

— Сильно же ты меня боишься, раз *такую* защиту поставил! — Мойзес оскалился. — Что ты от меня хочешь?

— Знаешь, даже сам не представляю! — Фомин пожал плечами. — А что ты можешь мне предложить?

— Ну! — Мойзес хмыкнул. — Денег хочешь? Не хочешь! Знания хочешь великие, тайны страшные изведать? Ладно, я серьезно! Я отдам тебе великого князя Михаила. Я дам тебе даже больше: я дам тебе время! Двух недель вам будет достаточно! Более того, я открою вам места для укрытия. Я дам всю информацию по ЧК — вы сможете освободить всех задержанных, а таких там немало, и всем грозит смерть. Я назову тайники — вы не можете не нуждаться в средствах. Я обещаю эти четырнадцать дней вас не трогать, эти места кроме меня никто не знает! Подумай. Убить меня можешь хоть сейчас, но погубите великого князя. Меня ждут в городе, через пару часов в ЧК могут принять меры. Что для вас важнее — убить меня или спасти императора?

— Говори!

— А в обмен, — Мойзес прищурился, — ты же не станешь мне лгать, что ничего не знаешь про Поганую Штольню!

— Какую Штольню? — Фомин искренне удивился.

«Так вот, значит, как она называется! Поганая Штольня!»

— А ты-то сам откуда про нее узнал?

— Мне товарищ... впрочем, вам его фамилия ничего не скажет, листы допросные давал читать, по долгу службы, так сказать! Они по своему профилю допрос вели, а *клиент* решил откупиться, значит, информацию выдать! А может, хотел завести их туда, как Иван Сусанин, а? — Мойзес поморщился. — Здесь, в этой части рудника якобы есть штольня, которая очень нехорошую репутацию имеет. Но найти ее я так и не смог! Матросня всю шахту облазила, сам пять раз спускался! Ничего! На карте, которую он на допросе нарисовал, вроде бы есть, а на месте — нет...

— Там осыпь должна быть, заложили ее давно!

— Ах, вот в чем дело! — воскликнул Мойзес. — А я-то думал!

— Ну, нашел бы ты ее! А дальше что? Использовать-то надо умеючи!

— Но вы же использовали? — Мойзес взглянул испытывающе.

— Да! — Фомин кивнул. — Но там только замок, а ключ, — он задрал рукав и сжал кулак, чтобы напряглись вены, — вот он! Девочек зачем замучил? Бесполезны их смерти были!

— Не скажи! Я шестерых принес здесь в жертву, — он покосился на деревянный идол, — седьмая нужна, и потом явился бы тот, кто осуществил бы мое желание и открыл бы мне тайное знание о той штольне! Великий и досточтимый Асмо...

— Не называй его имени!!!

— Властвует только ночью! Ты не бойся! — губы Мойзеса скривились в презрительной усмешке.

— Неужели ты не боишься за свою душу, несчастный? — Фомин с силой сжал виски, все еще не веря в происходящее.

— А ты-то свою душу уберег? Попы ваши тебя бы анафеме предали за твое волхование! А инквизиция святая так на костре бы спалила! Жалко только, что на Руси не было инквизиции, много вас, ведьмаков, осталось! Ну да ничего, у нас руки длинные...

— Молчи! Я белому Свету служу, а ты — *черному*! Моя *сила* от Матери-Земли и чистоты души человеческой идет и ею же определяется! *Сила* всегда человеку выбор дает! Я только

ведаю, что будет, а ты сам *туда* лезешь, сам судьбы человеческие вершить хочешь, как и власть ваша сатанинская!

— Ты ничего не понимаешь! Вы все, все, черви и прах у ног моих! — глаза Мойзеса загорелись. — Я мог бы стать повелителем мира!

— О-о! Какие у тебя замашки! — Фомин горько усмехнулся. — Фауста, поди, не читал? В общем так, надоели мне эти разговоры! — он хлопнул себя по коленкам и встал. — Предлагаю тебе договор: ты даешь нам все, о чем говорил, а я рассказываю тебе о Штольне! Идет?

— Нет! — отрезал Мойзес. — Не только рассказываете, но и показываете!

Фомин задумался: «Хитрая, падла! Ну что ж, ты хочешь сам посмотреть? Посмотришь!»

— Я согласен!

— Лежать здесь тихо, матросня. Кто шелохнется, сразу пристрелю!

Голос Путта был деловит и нес нешуточную угрозу. Пламя одинокой свечи освещало знакомую пещеру, почти полностью забитую камнями. Матросы сбились в пустом углу и угрюмо зыркали глазами по сторонам.

Это было единственное, что им оставалось делать, ибо рты надежно забиты кляпами, руки крепко стянуты за спиной. Только ноги свободны — тащить этих откормленных боровов до пещеры Путт с Фоминым не стали бы даже за все тайны вселенной, включая собственный расстрел.

А так все просто — опустили в штольню по двое связанных на бадью, а дальше топайте своими ножками. Последним был спущен Мойзес, связанный еще крепче, тоже с кляпом в пасти. Для матросов это средство задействовали для недопущения сговора, то Мойзесу тряпку забили чуть ли не в горло, дабы он заклинаний каких-нибудь не творил. Вдруг, не приведи Господь...

Дотопали до пещеры быстро, поторапливая тычками матросов и волоча хромящего чекиста. Шмайсер пинками усадил моряков на каменный пол, а чекиста выволок обратно, к входу в пещеру. Там привязал к рукам камень побольше и спутал ноги, как стреноживают лошадей. Сплюнул и вернулся обратно. Теперь наступила очередь подельников, которым, понятное дело, ничего не объясняли. Да и зачем — они сами вынесли себе приговор своими злодеяниями «во благо революции». Следом за матросами в пещеру отправился со всем содержимым портфель Мойзеса.

Путт выхватил острый клинок из ножен — трое матросов смотрели на капитана бесстрашно, даже с вызовом. Дать им волю — рвали бы тельняшки на груди, сыпали ругательства и спели хором «Интернационал». А вот четвертый из компании, Трифонов, дрожал так, что за малостью в штаны не напустил. Догадывался своим гнилым нутром, что предстоит нечто ужасное, причем убивать явно их не станут. Он замычал, завращал глазами.

— Путт, вытащи кляп, он, похоже, исповедаться решил?

— Не надо убивать меня, ваше высокоблагородие, век за вас молиться буду! — он смотрел на Фомина преданным собачьим взглядом, был бы хвост — все ноги бы поотбивал.

— А соточку тебе не налить на посошок, морячок? — с издевкой спросил Фомин. — Хотя какой ты моряк, в Кронштадте или Петербурге примазался к флотской братве да форму одел. Сколько ходок?

— Две, господин начальник, за кражи! Лабаз прошерстили, да с церкви иконки вынесли, барахлишко там разное! — быстро ответил Трифонов. — Три года отсидел, чтоб на войну не ходить. По революции выпустили...

— Птенец Керенского, — ухмыльнулся Фомин, — знакомо. Такие массажи в матросики записывались. Харч знатный, форма, а главное — винтовка, с которой они хозяевами себя чувствуют.

— Скажи спасибо, что Поповича тут нет! А то бы он тебе за церковь-то на месте через задницу гланды вырывал! Не дрожи, поганка! — пробурчал Путт и резанул лезвием по запястью «глиста» — тот заскулил. После чего прижал порез к камню. Минута прошла в самом тягостном ожидании. Но ничего не произошло. Путт в растерянности посмотрел на Фомина.

— Пусти-ка им побольше кровушки, капитан. Попробуем взять количеством.

Путт немедленно приступил к процедуре, камни щедро окропились алой кровью с порезанных рук. Однако эффект был прежним, вернее, полностью отсутствовал. Мойзес

умудрился с кляпом во рту соорудить недовольную и разочарованную мину...

Как и договаривались заранее, он передал Фомину всю интересующую того информацию, вернее, только часть. Оставшуюся же, а именно «адреса, пароли, явки», как образно выразился Путт, после осуществления удачного «переноса» матросов. Конечно же, Фомин уже давно понял, что процесс «не пошел» из-за отсутствия его крови. Однако втайне рассчитывал, что возможно будет обмануть Мойзеса.

План выработали заранее: задержавшись по пути в штольню, Фомин, морщась, порезал руку и нацедил кровь в пустую гильзу от пулемета. Пока Шмайсер занимался с матросами и тянул время, Фомин незаметно передал гильзу с кровью Путту, который должен был также незаметно ее использовать в крайнем случае. И вот этот крайний случай настал!

— Гауптман! Вы же в прошлый раз молитвы читали, попробуйте снова!

Путт зыркнул на Фомина и пробубнил:

— Я не помню последовательность! Вроде бы с Псалмов начинал?

— Попробуйте с Символа веры! — голос Фомина был участлив.

Путт перекрестился, воздел очи и начал на латыни:

— Credo in unum Deum, Patrem omnipotentem, factorem caeli et terrae, visibilium omnium et invisibilium...

Осенив себя очередным, слишком размашистым для католического, крестным знамением, капитан низко поклонился и незаметно плеснул кровь из гильзы на камень. Неожиданно по темной поверхности запрыгали светлячки. Матросы вытаращили глаза и дружно замычали. Мойзес попытался вскочить, но спутанные ноги ему не дали, и он рухнул на камни.

— Уходим, ребята! А то накроет не вовремя!

Фомин устремился в штольню во всю прыть. Путт не уступал ему в скорости, доказывая, что орловские рысаки не самые быстрые кони на свете.

Перепрыгнув через связанного Мойзеса, они отбежали почти на добрых полсотни шагов дальше в глубину штольни и лишь потом уселись на камни. Спустя мгновение рядом рухнул Шмайсер, оттачивший чекиста.

— Слушай, гауптман, а чего это мы так рванули? Прошлый раз вспышка не сразу произошла! — Фомин отдышался, вытащил дрожащими пальцами из коробки папиросы. Щелкнул зажигалкой, и танкисты задымили.

— Вспышка вспышке рознь, не дай Бог сразу сработает.

— И окажемся мы с ними на болоте одной тесной компанией. А на том берегу чекисты давно зубы точат.

— Все может быть. Их может и в позднее время перебросить, и в раннее.

— Но, конечно, — Шмайсер скривился, — вся эта чертовщина... Ладно, Федотыч, — он махнул рукой в сторону угрюмо зыркнувшего Фомина, — чего уж там, другого слова и не подберешь...

— Да, ты прав! — Путт загасил о камень окурок. — Такое и в пьяном бреду не придумашь! И пещера эта, и чекисты... А этот, блатной...

— Трифонов, — подсказал Фомин.

— Да, Трифонов! Так он малость не обосрался от страху, когда мы его в штольню спустили. А Мойзес и виду не подал. Страшный, очень страшный он человек...

— Не то слово! — Фомин хмыкнул. — И дела он тут творил, мягко говоря, страшные!

— А знаешь, — Путт пристально глянул на Фомина, — мне это напомнило наше Аненнербе! Те еще, оккультисты хреновы...

— Как сказать, — покачал головой Фомин, — Мойзес-то, по-моему, только свои интересы преследует. Хотя оккультизм тут с размахом! Знаешь, чего он хочет?

— Ну?

— Мирового господства! Сказал, что мы помешали ему править всем миром! Он тут собирался демона вызывать, чтобы с его помощью пещеру нашу заставить работать...

— Во дурак! — выдохнул Путт.

— Дурак не дурак, только надо с ним ухо остро держать! Эти-то, — Фомин кивнул в сторону пещеры, — свое уже отыграли. В одном я уверен, вернее, почти уверен. С острова им не выбраться, на них *тень* легла, когда мы их в шахту спускать начали. Чуть смутная, а потому поганцы еще поживут. Но недолго...

— Помучились бы твари, — Путт блаженно улыбнулся и потянулся довольным мартовским котом. — Девчонок до смерти насиловать, это каким же зверем стать надо! И откуда что берется?

— Так душонки-то поганые! — Фомин ухмыльнулся. — Там, если хорошенько потряхнуть, и не такое можно найти!

— Да! — Путт многозначительно покачал головой. — Загадочная русская душа...

— Ты-то с каких пор стал специалистом по русской душе? — Фомин поперхнулся табачным дымом. — Ты, Андрюша, все же определись, кто ты есть на свете белом: немец или русский!

— Понимаешь, я и сам уже не знаю! — Путт нахмурился. — Наверное, немец! А сейчас-то это зачем?

— А ты не помнишь, часом, что ваши зольдатики на белом свете творят? А кто людей уничтожает, не глядя на пол и возраст. Напомнить?!

— Чертова идеология. У наци и большевиков тараканы в головах бегают. Совсем рехнулись на своих бреднях и потому людей губят без счета. Что нацисты, что коммунисты, одним миром они мазаны. Вернее, дерьмом! И те, и другие любят кровушку лить.

— Ваши все равно хуже наших! — Шмайсер почти выкрикнул. — Совсем осатанели на расовых бреднях!

— Успокойся, Фридрих! — Фомин примирительно развел руками, но Шмайсер в пылу ссоры не заметил его иронии. — Что наши, что ваши: все равно у нас, русских, война правая, именно, правая, потому как мы за правое дело воюем, землю от врагов очищаем! Да-да! И враги, все едино для Руси-матушки, что коммуняки, что Адольф бесноватый. Может, потому сейчас Красная Армия вам, — он ткнул Путта в бок, — сопатку хорошо начистила...

— Будто вам не чистила?! — огрызнулся Путт. — Ты вообще что, забыл, что я не немец?

У Фомина аж челюсть отвисла:

— Как не немец? А кто... Пять минут назад ты же был немцем!

— Да? — Путт почесал переносицу. — Это был не я! Не хочу уже немцем быть! Нет, я русский! Вон, Шмайсера костери, он фолькслист получить хочет!

— Да пошел ты! — вяло отмахнулся Шмайсер. — Немец, не немец! Как баба: сегодня дам, завтра не дам! Я — русский, и мы всегда немчуру вашу поганой метлой выметали! Подтверди, Федотыч!

— Чистили сопатку, — охотно согласился Фомин, — еще как чистили! Нет! Ну, с тем, что ты русский, Андрюша, шибко ты насмешил меня!

— А что? Я почти правду прошлый раз вам сказал. Мой отец после восстания в Гамбурге в двадцать третьем году бежал в Россию со всей семьей. Мать моя — немка, а отец русский по бабке. А потому я с детства с русским языком вырос, оттого эта страна и люди для меня не чужие, хоть и считаю себя немцем. Две родины у меня, и за каждую сердце болит. Но одно не сказал — мой отец кадровым офицером Рейхсвера был, в военной разведке, Абвере, служил. Он не просто в Россию бежал, он был внедрен двойным агентом, и прикрытие было давно

разработано: член компартии Германии и активный участник Коминтерна, ввели в игру до семнадцатого года. Когда большевики от царской охраны по Европам скрывались, одного такого нелегала, кстати, он большой шишкой потом стал, пока его товарищ Сталин в тридцать шестом одним из первых к стенке не поставил, и взял на контакт мой отец. Затем ниточка стала наматываться в клубочек. Вот в двадцать третьем году мы и приехали сюда в распростертые, так сказать, объятия. Но большевиков, я скажу вам, отец втайне всегда люто ненавидел, и мне это привил, но научил лицедействовать. И путь определил — после школы я по его протекции сразу же в училище НКВД поступил, затем в ОСНАЗ попал. Репрессии нас не коснулись — в это время мы в Испании были, служили в четырнадцатом диверсионном корпусе республиканской армии. Там много немцев воевало в интернациональных бригадах, а потому нас к ним и пристроили.

— Ну, это понятно для чего, — Фомин понимающе склонил голову. Что-то подобное он и ожидал услышать от Путта.

— Отец под бомбежку попал и был смертельно ранен. Но успел передать мне контакты, и в Барселоне на меня Абвер вышел. В Германию отправлять не стали, так я с республиканцами в феврале тридцать девятого во Францию и отступил. А оттуда меня пароходом вывезли в Россию.

— Повышение и награды получил?

— Ага! Два ордена лично Калинин вручил — Ленина и «звездочку». Войну встретил уже старшим лейтенантом госбезопасности.

— Офигеть! — только и вымолвил Шмайсер. — В немалом фаворе ты был, коль в двадцать два года такое высокое звание, равное армейскому майору получил. Шустро! Как же тебя теперь величать, гражданин начальник?

— Ой, да не юродствуй! Зови просто: товарищ генеральный секретарь! — криво улыбнулся Путт. — Войну, — он продолжил, — я встретил на Западной Украине, с оуновцами боролись да «врагов народа» депортировали. Может, это и смешно, но большинство доносов на хохлов и поляков именно евреи строчили. Цены таким стукачам не было, долбили как дятлы. А тут война началась, немцы фронт прорвали танками, как туалетную бумагу. Нас кинули в тюрьмы, там убийство всех заключенных по первой категории оформляли.

— Звучит знакомо и страшно. Догадываюсь, что это такое.

— Во вторую категорию «бытовиков», то есть тех, кто за бытовые и хозяйственные преступления статью получил или под следствием находился, плюс детей зачисляли. Их, если не могли вывезти, из тюрем выпинывали, ну а всех других убивали.

— Как так?! — Семен Федотович был потрясен. — А если донос был ложный и суда не было?

— Всех расстреливали, без исключения! — На Путта было страшно смотреть. Он осунулся лицом прямо на глазах, одним махом постарел лет на десять от страшных воспоминаний двухлетней давности.

— Мы в тюрьмах свыше тысячи человек расстреляли. Во внутренний двор всех выгоняли и из пулеметов! А там подростки, беременные женщины и старики вместе с мужиками стояли. Их в упор, а они все в крови, по двору бегают, кричат. Это страшно, так страшно!!!

Путт выкрикнул последние слова с надрывом. И минуту молчал угрюмо. Дышал хрипло, со стонами. Но собрался капитан, сжал нервы в кулак.

— Не выдержал я — плюнул на приказы из Абвера. Решил переходить, но вначале этих головорезов под танки подвел. И впервые в жизни радовался, когда их на гусеницы кишками наматывали. Нелюди это. Но перебежать к нашим... в Красную Армию, в смысле, не удалось — нас подхватила волна отступающих красноармейцев, и оказался я в лесу. Там переоделся в

форму убитого сержанта, вовремя. Меня изловили, в строй поставили, танкистом. Хорошо, что танков не осталось, а то махом бы сгорел. А так даже толком не спрашивали. Одну ночь с ними был, а на вторую нас эсэсовцы сцапали. И все было так, как я вам всем рассказывал. Вот так попал из огня в полымя.

— А что ж не сказал, что ты из Абвера?

— Ага, нашел дурня. У меня в Германии дядьку в концлагерь загребли только за то, что на Адольфуса гадости говорил. Но это еще не все! Не знаю, слышал ли ты или нет, но не все разделяют политику Гитлера...

— Да это и так понятно! — Фомин улыбнулся. — Вы же, я имею в виду аристократов, презираете и ненавидите выскочку-фюрера и его прихлебателей. Заговоры, батенька, они неотъемлемая сторона жизни любого тирана. Вон, Сталин, зря ли в тридцатые года Чистку устроил? Даже мысли недовольные из голов выбил, куда уж там покушения...

— Вот и я о том же! — Путт тяжело вздохнул. — Эсэсманы проверять бы стали, и куда потом?! Вот с того дня я понял, что между СС и НКВД разницы почти нет. Что коммунисты что нацисты — идеология насквозь гнилая и кровавая. А потому пришлось мне в полицию подаваться и ждать. Через месяц в село вошли ремонтники и саперы. Тут я к ним и пришел. Сообщили, куда следует, и через неделю я свои полицейские тряпки снял и форму оберлейтенанта надел. Получил назначение при штабе группы армий «Центр», что на Москву шла. Весной сорок второго был направлен в специальную Абвер-группу при штабе второй танковой армии. Уже гауптманом...

— А в Локоть как попал? — Шмайсер потянулся за очередной папиросой.

— По приказу командующего этой армией генерал-полковника Рудольфа Шмидта, вернее, по его невысказанной открыто просьбе. Он мне не мог дать прямой приказ.

— Даже так? Зачем? — Фомин был удивлен и не скрывал этого.

— Для наблюдения и встречи с тобой, герр оберст. Вот так-то — Семен Федотович Фомин, он же подполковник РККА Онуфриев, он же Камков, он же Зауэр, он же Шуберт. Абвер был сильно расстроен, когда в сентябре сорок первого связь с вами была прервана. И мне отдали приказ найти вас любой ценой, не считаясь со средствами и усилиями. Вы как думали — сотрудничали с немецкой разведкой пятнадцать лет, дали массу полезной информации — и вот так просто пропасть?!

Шмайсер застыл соляным столбом. Рука с папиросой так и остановилась на половине пути ко рту. Он шумно сглотнул и откашлялся:

— Это... Может, я пойду? Если чего, свистните!

— Да ладно, раз пошла такая пьянка, сиди, барон ты наш самозванный! — Путт грозно нахмурил брови, но в глазах мелькнула усмешка. — Мы теперь все равно все в одной лодке!

Фомин растерялся на какую-то минуту — то, что он ожидал эти два года в тягостном настроении, случилось именно сейчас, в этой штольне, забитой трупами. В ином месте и в совершенно ином времени. Минуты хватило, чтобы просчитать необходимые варианты.

— Кто меня опознал?

— Полковник Шульц. Вы были инструктором в танковой школе КАМА в Казани в конце двадцатых и учили многих германских будущих генералов панцерваффе. О вас есть прекрасные отзывы, по крайней мере, трех из них, с кем я побеседовал. С той поры вы предусмотрительно не имели личных контактов, передавали информацию через «почтовый ящик». А знаете, почему вас так усердно искали?

— Догадываюсь, — неохотно буркнул Фомин.

— И главное — вы не просто бессребреник, ваша информация всегда оказывалась верной. Черпали ее из генштаба?

— Да. Там есть один мой старый знакомец, из *прежних*. И еще один, ссученный троцкист. Именно ему вы тридцать сребреников платили. Хотели, чтобы я абверовцам эти каналы передал?

— Не только. Как вы думаете, почему наш генерал так Локотский район опекал? Округ создал, всю власть русским передал и в их дела не вмешивался, немецкие войска полностью вывел. Берлином очень это не приветствовалось, вернее, даже отрицалось. Будь у нацистов возможность — они вашу самостоятельность прихлопнули бы на корню.

— Понятно. Но ваши нам и не помогали, только пару тысяч комплектов потрепанного обмундирования подкинули. И свои части на помощь бросали время от времени.

— Адольф не разрешал, сука бесноватая! Скажу одно — многие генералы вермахта порицают фюрера. Его бредни с *лебенсраумом*, сиречь жизненным пространством, и унтерменшами, «недочеловеками», так сказать, приведут Германию к поражению. Единственный выход из ситуации только в одном — превратить восточную войну в гражданскую. Но тут Адольф и сглупил.

— Многие этого и ждали. Ждали, что вы будете создавать русскую армию, передадите власть на освобожденных территориях русской администрации, — Фомин говорил угрюмо, выплевывая слова. — Сам видел, что немцев летом сорок первого почти повсеместно с радостью встречали. А потом им в спины стрелять стали. Почему, гауптман? А потому, что все наши ожидания вы прахом накрыли. Вернее, другим словом, сам знаешь каким! Вот потому-то я в Локоти жил и с вами контакты прервал. Германии нельзя верить!

— При чем здесь Германия? Адольф Гитлер еще не Германия, и многие его политику порицают, как я тебе говорил. Русские должны иметь свою армию — Рудольф Шмидт потому и разрешил создание РОНА. Да, не помогал, это было не в его компетенции и возможностях, но район-то в округ он превратил. И так ли была нужна его помощь?! Вы сами за год экономику оживили, народ землей наделили. Сами! Без помощи немцев свою армию создали, на свои же средства ее содержали и вооружали. И это в одном округе, где едва половина миллиона населения наберется. А если бы в масштабе всех освобожденных от красных территорий? И с нашей активной военной помощью? Миллионную русскую армию сформировали, если не больше. Я из численности населения исхожу.

Три миллиона, не меньше. Только пленных Вермахт взял чуть ли не два миллиона, и не меньше четверти из них на службу к нам перешли. В каждой немецкой дивизии во вспомогательных службах свыше полутора тысяч хиви служат. И хорошо служат. Командный состав? Я только с двумя пленными генералами говорил, и оба согласились с большевиками воевать, если Россию Гитлер независимой объявит. А сколько белых генералов и офицеров согласны с красными снова воевать, знаешь? В одной только Югославии 15 тысяч человек в Русский корпус записались.

— Не трави мне душу, Путт. — Фомин грустно покачал головой. — Гитлер по своей дурости и жестокости нас уже погубил. И Германию, и Россию. И думаю, другим народам достанется, когда Сталин на них свою лапу наложит. Поляки уже отведали его ласки, одна Катенька чего стоит!

— Не грусти, Федотыч! — Путт похлопал его по плечу. — РОНА есть, казачий и Русский корпуса имеются, отдельных рот и батальонов много, да в каждой из немецких дивизий русских достаточно. В Германии сейчас Русскую освободительную армию генерала Власова формировать начали...

— Как же! Хрен что выйдет. Гитлеру русские войска не нужны, он их боится. Ведь тогда вонючие идеи с *лебенсраумом* и унтерменшами медным тазом накроются. Он врет, ибо своим гнилым нутром чувствует катастрофу.

— А если того?! В Могилевскую губернию отправить?! И попробовать с Черчиллем и Рузвельтом договориться.

— Ты серьезно?!

— Серьезней некуда. Генерал Шмидт явно на этот вариант намекал.

— Ага! — задумчиво потянул Фомин. И задумался, крепко задумался, куря одну папиросу за другой. После долгого молчания он заговорил тихим, но жестким голосом.

— Вам надо торопиться, через пару месяцев будет поздно. С союзниками вы не договоритесь — Германия им конкурентом не нужна. Вспомни Первую мировую войну. Надо вернуться к старому доброму драйкайзербунду — союзу трех императоров. Только вместо австрийского императора, за его неимением, нужен японский. Гитлера убить немедленно, нацистов разогнать, гонения и расстрелы прекратить. И развалить СССР, создав Российскую империю, пусть и в усеченном виде. А для того нужно начать немедленно формировать русскую армию...

Фомин осекся, неожиданно упал на спину и захохотал. Путт недоуменно посмотрел на него, тронул за плечо.

— Ты чего, Федотыч?

— Нет, друг мой, не немец ты сейчас, обрусел ты, братец, изрядно. Только русские, находясь в 1918 году, могут рассуждать о реалиях такого отдаленного будущего, которого может и не быть. Понятно?!

— Точно, ха-ха...

Договорить Путт не успел — яркая вспышка в дальнем проходе ослепила беседующих между собой офицеров. Они непроизвольно зажмурили глаза и застыли, поняли, что сработало.

— Ты как, Федотыч? — локоть капитана ткнул в бок, и Семен Федотович недовольно отмахнулся рукой. — Заболтались мы, про них-то, — он кивнул в сторону пещеры, — и забыли!

— Только сейчас проморгался. Будто пуд магния полыхнул. Но взрыва не было. Сколько времени прошло?

— С минуту, у меня в руке папироса дымится. Я испугался, что сознание потеряю, но ничего подобного, что раньше с нами было, сейчас не случилось. Только вспышка в проходе была слишком яркая, — Шмайсер поднялся на ноги, проверил автомат и предложил:

— Пойдем посмотрим, как там дела?!

— Пойдем, — Фомин легко вскочил, взяв автомат в руки. — И Мойзеса прихватим, пусть первым идет, убедится собственными глазами. Надеюсь, что эти сучьи матросики уже отправились по назначению.

— Ага. Я тоже на сие надеюсь. Чтоб им сковородки горячие там лизать. А потом, когда этот гад скажет тебе все, что обещал, можно я его... Того, — неуверенно предложил Путт и сделал характерный жест пальцами.

— Отстань, я тебе трижды сказал, что убивать Мойзеса нельзя. Понял? Или еще три раза повторить?!

— После того, что было, я тебе не только жизнь, душу свою доверю, Федотыч! Спорить не буду, но, думаю, ты делаешь большую ошибку. За его художества шкуру снять мало. Ну, раз настаиваешь! — Путт разочарованно дернул плечом.

— Слушай, а почему мы не потеряли сознание, как в прошлый раз? — Шмайсер вытянул шею чтобы рассмотреть получше проход в пещеру.

— Мы сейчас здесь, а не там, а потому и в сознании находимся. И одно могу сказать уверенно — нас туда не уволокло, хотя мы тут в чужом времени находимся. Пошли посмотрим, что там и как!

Танкисты подошли к удивленно моргающему Мойзесу. Упавшая свеча потухла, несколько раз чиркнув по коробку, Фомин зажег спичку. Поднес сначала к лицу Мойзеса, чтобы

удостовериться, что с ним все в порядке. Тот поморщился от света, попытался подняться. Фомин поставил на ноги Мойзеса, ножом разрезал путы на ногах и руках. Потом встал, отошел на два шага назад и сдвинул под руку автомат. Дернул стволом.

— Только без глупостей. Берите свечу, идите по проходу. Первым все и увидите. Собственными глазами.

— А потом вы меня в расход выведете?! — голос чекиста был на диво спокоен, и Фомину показалось, что в нем звучат ехидные нотки. — Или подождете, когда я вам расскажу вторую часть своей исповеди?

— Твою исповедь год слушать не переслушать! Давай, иди, не умничай! — Путт поддел его в спину автоматом.

— Я дал слово и намерен его держать. — Фомин был несколько удивлен бесстрастностью Мойзеса. Он-то рассчитывал на бурное выражение эмоций, а тут — прежняя змеиная ухмылка и ничего более. — Вы будете живой, не убьем. Так что не давайте нам повода.

— Будьте спокойны, ваше высокоблагородие. Я не дам вам ни малейшей причины к беспокойству.

Мойзес довольно быстро поднялся, опираясь на стенку и морщась от боли, взял в руку свечу, и, сильно подволакивая искалеченную ногу, поплелся по штольне, тщательно освещая стены. Следом за ним отправились остальные. Замыкал Шмайсер.

И тут на Фомина неожиданно обрушилось тревожное чувство — будто нечто стало высасывать душу, леденить кровь, как бы крича: «Не ходи туда, худо будет». Своей интуиции он доверял полностью, иначе погиб бы давно в какой-нибудь передрыге, а потому приотстал от Мойзеса еще на пару шагов и приготовил автомат к стрельбе. Оглянулся на Путта, сделав характерный жест рукой: чуть что — прикрой.

Капитан кивнул, лицо скривилось в недоброй гримасе, но взял вправо, прижимаясь к стене. Следом принял влево Шмайсер. Фомин сам отшатнулся чуточку левее, открывая больший сектор обстрела, вплотную к сложенным камням — теперь они втроем могли стрелять и прикрыть друг друга огнем в случае опасности.

Тусклый огонек свечи осветил вход в пещеру — вроде те же стены, но вот груды сложенных ими камней напрочь отсутствовали. Волна паскудного запаха сильно ударила в ноздри — чудовищное зловоние, непонятно откуда взявшееся, царило здесь своим жутким ароматом.

Фомин отшатнулся от густой пелены тухлого воздуха, и тут же в его душе корабельной сиреной взвыло чувство опасности. И даже не судовым гудком, а озверелым мартовским котом, которому башмаком безжалостно наступили на «хозяйство».

Из темноты раздался дикий, нечеловеческий рев. Фомин непроизвольно отшатнулся — чудовищная какофония оглушила, ошарашила людей, прижала их к стенам. Однако шедший впереди чекист как-то удержал свечу в руках.

В пляшущих отсветах пламени Фомин увидел, как перед Мойзесом внезапно выросла гигантская фигура, упирающаяся головой в пещерный свод. Он машинально отметил, что неизвестное чудище раза в два выше человека и раз в пять пошире будет, помассивнее.

Отчаянный, рвущийся из утробы вопль Мойзеса на секунды перекрыл рык монстра, и тут свеча погасла, и через секунду что-то страшное сбilo с ног Фомина, смахнуло его на каменный пол, как легкую пушинку. И сейчас же темнота взорвалась длинной автоматной очередью.

Путт патронов не жалел, автомат плясал в его руках, а язычки пламени осветили пещеру. Шмайсер палил также как сумасшедший. Холодный липкий пот покрыл тело Фомина за какую-то секунду. Но он опамятовался от страха, полностью взял себя в руки. А потому поднатужился и откинул далеко в сторону навалившееся окровавленное тело Мойзеса. Через секунду ППС

задергался в его руках одной длинной очередью.

— Сука! — отчаянный выкрик Путта, в котором ужаса намного больше, чем изумления, понятен — у капитана кончились патроны. Путт лихорадочно отстегнул круглый барабанный магазин и дрожащими пальцами попытался вставить на его место другой.

— Тварь! — Фомин в страхе полз на спине к Шмайсеру, отталкиваясь ногами. И, лежа на спине, непрерывно стрелял, чувствуя, что времени на перезарядку у него не будет. Сзади захлебывался второй автомат. А огромный монстр не падал, получая в огромное тело десятки пуль, наоборот, яростно взревев, медленно пошел на танкистов, потрясая огромными руками.

Боек предательски щелкнул — патроны в магазине закончились. Через мгновение замолчал автомат Шмайсера. Семен Федотович взвыл во весь голос, физически ощущая в темноте, как на него опускаются две огромные лапищи. Он пытался отползти еще дальше, рука схватила горячий ствол автомата и отдернулась, не ощущая жара.

За спиной тяжело дышал Шмайсер, лихорадочно передергивая затвор «вальтера». Упершись спиной в камень, Фомин закрыл голову автоматом, сам отчетливо понимая, что прибег к слабой защите.

— А!!! — автомат Путта загремел длинной очередью, и, в расступившейся от язычков пламени на дульном срезе темени, Фомин разглядел подземного монстра. Из-за спины раздались хлопки pistolетных выстрелов, но пули с чмоканьем уходили в тушу. Одна чиркнула по стене, обдав каменной крошкой. Монстр не был неуязвимым, как показалось сначала — от попаданий пуль его туловище вздрагивало, он остановился, и дикий рев несколько секунд потрясал своды штольни.

И этих мгновений хватило Фомину — в лихорадочном бреду он перезарядил ППС новым магазином и успел вовремя. И как только у Путта кончились патроны, а Шмайсер откинул бесполезный уже pistolет, он снова открыл огонь, целясь в центр огромной туши и даже видя, как пули впиваются в тело чудовища. Пороховой дым прогнал страх, он опьянел и забыл обо всем, кроме одного — чтобы ни одна пуля не пролетела мимо цели.

Монстр содрогнулся, рык его стал глухим и вскоре прервался. Туша рухнула на каменный пол. Боек щелкнул, уже не предательски, а с чувством полного удовлетворения от сделанной работы.

— Кажись, все же завалили мы зверя неведомого?! — у Путта дрожал голос. — Майн готт! Я чуть не обгадился прямо в штаны. Жидко-жидко. Что это было, Федотыч?

— Братцы! — только и смог хрипло прошептать Шмайсер. — Братцы!

— Свечу из кармана достань и зажги, не видно ни зги! — Фомин тяжело поднялся с пола и машинально вытер о бушлат мокрую в чем-то липком ладонь. Затем перезарядил свой автомат последним, третьим рожком. Судя по доносившимся из темноты звукам, капитан тоже предпочел вначале перезарядить свой надежный ППШ, пока Шмайсер возился со второй свечой, выуживая ее из кармана.

Справившись, он высоко поднял ее над головой. Под ногами у Фомина лежал Мойзес, но в таком виде, что Семен Федотович с трудом остановил рвотные позывы. Лица у чекиста не было как такового — рваные кровавые ошметки мяса и кожи. И голова так набок вывернута, что сразу ясно — отбегал свое на земле чекист, получил от чудовища то, что заслуживал от небесного и людского правосудия.

— Жаль, — искренне вздохнул Путт и добавил: — От Шмайсера ты бы так легко не отделался... Да и от меня тоже... Жаль...

— Не жалею, — обрезал Фомин, — на твой век чекистов и коммунистов хватит. Их здесь как собак нерезаных.

— Вот падла! — Шмайсер выругался, перешагивая через тело Мойзеса — Ничего он тебе

стоящего так и не сказал, Федотыч! Ты же с ним толковать только после хотел? Так?

— Да ладно, чего уж там! — Фомин махнул рукой. — Все равно обманул бы! Пойдем лучше посмотрим, кого мы завалили!

Он сделал несколько осторожных шагов и приблизился к туше, остановившись перед ней в опаске и потрясении. В лежачем положении монстр достигал ему до пояса, хотя и вытянулся чуть ли не на всю ширину пещеры. Покрытый бурой скомканной шерстью, от которой за версту несло падалью. Огромная морда, вытянутая пасть с большими, с палец, клыками. Сия тварь очень походила на одно знакомое животное...

— О! Это медведь! Такой огромный?! — Путт был потрясен не меньше подполковника.

— Раза в три, а то и в четыре больше обычного мишки. И веса в нем тонна с лишним. Никогда о таких не читал. Да что там читать?! Краем уха не слышал, даже от завзятых охотников, что брешут почище Геббельса. Белый медведь в сравнении с ним ребенком выглядит.

— Ты глянь, Семен Федотович! — Шмайсер потыкал автоматом в голову медведя. — Я ему в башку магазин засадил, а дырок-то нет. В рикошет все пули ушли.

— Ты ему на кость глянь, горе ты мое. Это тебе не в подвалах по людям упражняться!

— Ты бы это...

— Ладно, прости. В голову ему стрелять бесполезно, пуля тэтэшная не возьмет. С «дегтяря» враз бы пробила, а эта слабоватая. Потому мы две сотни патронов с лишком на него и затратили. Живуч и крепок зело. И вельми злобен — Мойзеса за секунду порвал как тряпку, все лицо зараз выел. Худущий-то какой. Брюхо подвело. Голоден, видать.

— А откуда он взялся здесь?

— Пещера наша чистая, ты заметил?! Матросики и камни девались куда-то, значит, переход состоялся. А на их место сего мишку и забросило. Нам еще шибко повезло, что он обессилел с голодухи изрядно и толком не очухался, иначе бы всех троих порвал на мелкие клочки.

— Слушай, Федотыч. Так вот что — тут, видно, свято место пустым не бывает. Раз кого-то перенесло, то на его место из другой пещеры содержимое переносит. Мы пришли сюда, а отсюда кого-то, вернее, что-то унесло. Мы матросов отправили незнамо куда, а вместо них этот медведь здесь появился и нас чуть не сожрал.

— А почему «что-то», Путт?

— Проход в штольню не зря заложили. Видно, раньше в шахту подобное переносило, вот люди и обезопасились. Это мы кладку разобрали, а зверюга, даже этот медведь, не смог бы. Так бы здесь и сдох от голода и жажды. И этот где-то томился, оголодал. Видать, и там такую же очередную пещеру люди для безопасности заложили, чтоб нечисть всякая к ним не лезла. Я так думаю.

— Верно думаешь, гауптман. А знаешь, как это место, — Фомин обвел глазами пещеру, — называется? Поганая Штольня! То-то! Помер бы мишка здесь от неминуемого голода, если бы очередного переноса не дождался. Зато сейчас ему здесь не скучно будет — компания есть. И ты, Шмайсер, помнишь, ножичком тут махал, хотел нам такой же перенос устроить... Понял теперь, дурень, что сотворить могли бы? Жалко только, — Фомин небрежно ткнул ботинком в Мойзеса, — что этот так легко отделался!

И в первый раз за долгое время искренне рассмеялся...

— Шмайсер! Ты зачем в этот кабриолет весь их динамит нагрузил? И два ящика нашего тола туда же засунул?

— Путт приказал! — недовольно буркнул тот в ответ. Семен Федотович повернулся к капитану:

— Ты что задумал, орел?

— Чека рвану к чертовой матери за их художества!

— Объясни-ка подробнее, Соловей-разбойник. И не свисти, а то денег не будет, — Фомин в раздражении даже чуть притопнул ботинком.

Путт с невозмутимым видом дымил папиросой и пытался насвистывать через выбитый зуб немудреную немецкую песенку про Новый год, ибо мотив про «танненбаум» явственно там слышался. Но Фомина послушался сразу, и мелодичный свист прекратился.

— В Испании случай один у нас был. На одной из станций итальянцев засело до черта, все обложили сильными постами да караулами. Так склады дивизии «Литторио» охранялись — боеприпасы, снаряжение, топливо. Наши диверсанты у этих складов, как коты вокруг миски сметаны, кружили, вроде и близко, но не оближешь. Но кое-что придумали! Дело в дерьме оказалось.

— В каком еще дерьме? — вот тут удивились все трое разом.

— В обычном. В казарме охраны многовато, потому нужник не просто большой, а очень большой. О канализации в тех местах еще и не слыхали, ну, может быть, на гасиендах сеньоров можно встретить. А так гадят попросту, как мы, в ямы. И золотарь каждое утро приезжает на тележке. Нагрузит бочку дерьма и отправляет мула за ворота, а сам сидит и курит. Скотина у него умная — версту прочапает и встает у оврага. А второй золотарь дожидается на месте и бочку в овраг вываливает. Ушастого хлопает по задку, и тот до ворот сам идет, а солдаты его пропускают без досмотра — кто ж в дерьмо-то полезет. Тем более что караульные почти всю дорогу видят и овраг.

Путт сделал паузу и хитро прищурился. Было видно, что воспоминания для него приятные, а потому помимо воли капитан растягивает удовольствие от собственного рассказа.

— Там посадка олив метров на триста шла, вот этим и воспользовались. Мула остановили, четыре ящика тола в бочку закинули и радиовзрыватель хитрый приспособили, был в отряде один умелец. Позже на своем изобретении сам и подорвался. Но это так, к слову. За сорок секунд уложились, на семь секунд лучше тренировки. Хлопнули мула, тот и поплелся дальше дерьмо возить. А как за ворота его впустили, двадцать секунд отсчитали и врубили сигнал на адскую машинку. Мул как раз у склада с топливом шел...

— Представляю себе, что там случилось.

— Ни хрена ты не представишь, Лешенька, тут видеть надобно. Триста тонн горючки сперва рванули, пожар по станции знатно запылал. Затем склады с боеприпасами взорвались, строения на мелкие камушки разнесло. Мы сами еле ноги унесли, отцу в голову, а мне камнем в руку попало — а уже версту отмахали. Фейерверк макаронники надолго запомнили. Но что обидно — на случайность списали! Свидетелей ведь почти не уцелело! А мы, понятное дело, афишировать свое участие не стали.

— И ты предлагаешь автомобиль с шестью пудами взрывчатки подкатить к зданию Чека и рвануть. Ты представляешь, забубенная головушка, сколько случайных прохожих погибнет на улице. А напротив бывшей семинарии еще жилые дома стоят, а там женщины, дети...

— Там с нашим толом все десять пудов будут! — Путт прищурился, делая в уме нехитрые

подсчеты. — Ты, Федотыч, с меня упыря кровавого не делай! Я чекистскую кожанку надену и во внутренний двор к ним заеду. Рассчитываю, что охрана ворота перед знакомыми машинами с матросами внутри откроет.

— Ты что, всерьез? — тихо спросил Фомин, округлив глаза. Либо дерзость полнейшая, либо у Путта «башню» срывать начинает.

— Более чем. С глушителей мы их у ворот, без шума и пыли положим. Внутрь проеду только я один, а наш грузовик развернем на улице. В кузове ДШК установим, с ним Шмайсер останется и девушка вторым номером, ленту держать. Прикроют, если что. Я из кабриолета выпрыгиваю и даю назад деру! Вы с Поповичем прикрываете из автоматов. Уходим за здание и ждем взрыва.

— Ну, ты даешь, Путтяра! Предупреждать надо! — облегченно вздохнул Фомин. — А я уж было подумал, что ты смертником решил заделаться.

— Не хорони меня раньше срока, Федотыч! Я еще крови попыю. У меня на большевиков давно зуб вырос.

— Тогда режь дальше, Путт. Чую, в загашнике у тебя много интересного припасено!

— А то! Втроем врываемся в здание, благо Мойзес план начирикал, если не сбrehал, конечно, и там всех крошим. У нас два ящика гранат и автоматы — я думаю, хватит на хорошую зачистку. Тем паче в подвалах узников много, если освободить и вооружить, немало проблем для чекистов создать можно.

— Хорош твой план, Путт, хорош. Только не могу я его принять, не это должны вершить. Не для того сюда попали.

— Так «то» мы сразу сделаем, Федотыч. Машины у нас чекистские, а потому к «Королевским номерам» рулим смело. Времени на рекогносцировку у нас нет, действуем нахрапом, нагло. Кто на пути встанет, тех шлепаем без звука. Императора берем под белы ручки, бросаем в машину. Ты говорил, что весь этот день в доме напротив с отцом сидел. И чудненько — забираем твоего отца и тебя...

Путт осекся, чуть побледнел и шалыми глазами посмотрел на Фомина. Абсурдность ситуации постепенно дошла и до остальных. Прошла добрая минута, пока первым тихо заговорил Попович:

— А ты, я имею в виду тебя молодого, там будешь? Не может же один и тот же человек одновременно жить?

— Не знаю, ребята. Если там отца и меня молодого нет, то это может быть и не наш мир...

— Как не наш? А куда он делся?!

— Ну... Понимаешь, это как дерево с ветками. Был один ствол, наша прежняя жизнь. Если бы мы погибли там, на болоте, то от него одна бы ветка в одну сторону пошла, а не погибли бы — вторая да в другую! То же самое и сейчас: кто знает, когда мы тут, в прошлом, появились... Может быть, история уже свернула по другому пути? Читал я однажды, в академии, что миров огромное количество. Реальностей тоже. Такая заумь написана была, что мне тошно стало. А потому не рассказываю вам ее. Долго ее рассказывать. Верьте на слово. Я просто иной раз думаю, что эти умники, философы, мать их за ногу, иной раз в точку попадают! Все может быть.

— Это точно, офигеть можно от этих трактатов! Особенно на трезвую голову! А если мы тебя с отцом сегодня встретим там?

— Я сам буду с ними говорить. И они поверят мне.

— Да не в жисть! В такое, что с нами произошло, никто не поверит. А если и поверит, то долго убеждать его придется.

— Не торопись делать выводы, Путт. Я другое имел в виду. У моего отца был старший брат,

полный мой тезка. Я в него, кстати, лицом пошел, так дед всем говорил. Его отдали старому ведуну мальчишкой.

— Колдуну?

— Типун тебе на язык, Путт. Ведун не колдун, и зло не делает. Вон он, колдун, в шахте остался, есть с чем сравнить. Ведун, наоборот, все с молитвой творит. Дед мой тоже ведун, знания мне передал. Так от века заповедовано — дед только внуку «знания» и «дар» передать может. Тот своим внукам, а не детям. Так делается исстари, иначе роду худо выйти может.

— Так ведь дядьке твоему дед ничего передавать не должен, он же сын ему, а не внук.

— Верно. Он и не передавал. Просто отдал ведуну. Плох мальчонка был, сильно болел. И старый ведун, что деда моего пестовал, взялся его излечить. Мальчишка, как оправился, понемногу помогать ему стал, по хозяйству там, травы разные собирать. Ну да ладно, Бог с ними, неча души усопших пустыми разговорами тревожить!

— Как так?

— Гроза сильная была. Молния в дом ведуна попала, а там сеновал рядом. Сгорело все дотла, только пепел да жженая кость от них осталась. И понять, кто где, даже было нельзя, и похоронить нечего. Но, может быть, и лихие люди пожгли, или кто злопамятен был.

— За привороты и колдовство?

— Тьфу на тебя, дурень! Ведун оттого так и зовется, что «ведает» и злое, и доброе. Приворот и прочее никогда сам не творит, хотя людям рассказывает. А уж человек сам решает — брать ему грех на душу или нет. Ведун здесь ни при чем, у него только знания, а дорогу просящий сам лично выбирает, и грех только за ним остается.

— Постой, Федотыч! — Попович задумался. — Ты же волхв! Так?

— Так! — чуть помедлив, произнес Фомин.

— А чего же ты тогда христианство принял?

— Казачья твоя душа! — Фомин поскреб подбородок. — Неугомонный ты парень, Алексей! Тебе бы не в ремесленное идти, а в семинарию...

— Так нет же семинарий! — Попович погрузился.

— Точно! — кивнул Фомин. — Ну, тогда в философы записаться! Помнишь одного? Хому Брута? Тот пан-хвилософ шибко любопытным был! Но плохо, правда, кончил!

— Нет, — Путт вмешался в разговор, — правда! Я тоже давно спросить хотел об этом!

— Понимаете, ребятки! — Фомин закурил. — Христианство очень многое взяло из язычества. Масленица, Пасха та же. Кстати, Леша, ты-то у нас меньше испорчен ядом атеизма, напомни, кто там к яслям дары младенцу Христу приносил?

— Волхвы! — просиял Попович.

— Ну, — Фомин хмыкнул, — я, конечно, манией величия не страдаю, но ход мыслей у тебя верный! Всегда, — он продолжил уже серьезно, — были сокровенные знания, тайные и запретные места, и всегда были люди, которые этими знаниями обладали, эти места охраняли. Мы, Фомины, исстари хранили Маренино капище, — он сделал запрещающий знак открывшему было рот для очередного вопроса Поповичу. — Мы только «хранители»! Всё!

— Надо же, — Путт явно был заинтригован. — А я и не знал. Ну а твой дед что сделал после того пожара?

— Погоревал, но бабка в тягость месяцем позже вошла, и мой батя через положенный срок родился. Ему сейчас 38 лет стукнет, я же на девятнадцать лет моложе. Рано отца женили, дед внука сильно жаждал. Чтоб до царской службы дите народить успел, а то мало ли что, а род прерываться не должен. А сейчас я старше своего отца как раз на пять лет и выгляжу намного старше. Так что если скажу ему, что я выживший родной старший брат, он мне сразу поверит. Тем более есть кое-какие родовые тайны, что только нам и ведомы. Так что поверит!

— А разве мы сами не справимся? — Попович почесал затылок. — Хотя ты прав! Если ты один чекиста под орех разделал, втроем вы, я думаю, сможете же их всех того, там руками или словами, ну как Мойзеса! — он чиркнул пальцем по горлу.

— Ну, я, конечно, в твои дела не лезу, я так, кое-что понял сам! Ну, когда ты там с ним... Я же видел, как ты его ножом ударил, а потом вокруг него ходил... И ножом еще потом чертил... — Он шумно сглотнул и уставился на замерших Путта и Шмайсера. — Я что-то не так сказал, Федотыч? Ты... Вы...

Путт исподлобья посмотрел на Шмайсера и зло сплюнул. Тот приобнял за плечи Поповича и ласково начал:

— Слышь, Лешенька, ты чего думаешь, Федотыч факир цирковой, что ли? Глянь-ка, какой ты у нас глазастый! Может, тебе прямо сейчас бурю вызвать или зверей лесных на поклон заставить явиться? Тебе что сказали, когда Федотыч там с Мойзесом беседу вел? Сопи в тряпочку! Забудь, что видел, что слышал! Твой номер шестой, твое место в буфете, понял? Вопросы глупые не задавай! Считай, что мы сейчас дали подписку о неразглашении! Тебе легче от этого будет?

Попович ошарашенно глядел на сидевших.

— Ладно, Федя! — Путт хищно оскалился. — Начнет болтать, так Федотыч ему живо кое-чего укоротит! Да?

Фомин угрюмо кивнул, еще сильнее нахмурившись, чтобы сдержаться от рвущегося наружу хохота.

— Правильно говоришь, Андрюша, правильно! — промурлыкал Шмайсер. — Даже так сделаем: зачем Федотычу свою силу колдо... — он кашлянул. — Ведовскую на нашего болтуна тратить? Давай я ему сейчас сам что лишнее укорочу? То, что он там сделал, может, лет так двадцать его жизни отняло! Может, это один раз в год делать разрешено! — Он потянул клинок из ножен, резко повернувшись к Поповичу. — Ты кто у нас?

— Механик-водитель... — неуверенно протянул Попович.

— И двигай отсюда на повышенной передаче, так сказать, механизируй камбуз! — Шмайсер хлопнул его по плечу и, уже не сдержавшись, рассмеялся. Следом на траву попадали остальные.

— Да пошел ты! — беззлобно отмахнулся Попович. — Нету у нас уже повышенной передачи! Сам лично спалил кровинушку родную! А вы чего думаете, я танк свой не любил? Да он мне как дите родное был! Э-эх! Я лучше чай поставлю, а то кому как, а мне от этой чертовщины жрать захотелось!

— Вали кашеварить, механизатор! — Путт, отсмеявшись, поправлял форму. — Да! Не забудь в машине пошукать! Эти хмыри говорили о том, что Мойзес там вез пожрать. Нам сейчас как раз сгодится...

Проводив Поповича взглядом, Фомин повернулся к обоим:

— В общем, мы тему эту закрыли? Я надеюсь...

— А мы ее и не открывали! — Путт пожал плечами. — Мы обсуждали сейчас, что нам с твоими родственничками делать! Может, их вообще того, ну, в смысле — сплавить потихонечку. Поговори там с отцом, намекни ему, чтобы он с тобой... — он скривился. — Хм! Ну, с тобой молодым! В общем, пусть они потихонечку домой валят, от греха подальше! А то мало ли что...

— Нам, Андрей, каждый человек сейчас нужен! — Фомин понимающе усмехнулся. — Ты не переживай за меня! Я не боюсь встречи с ними! Отец и для меня, и для вас будет моим братом, а тот я... Ну что ж! Буду сам себе племянником! А мой отец, кстати, знающий унтер-офицер, две войны прошел, в пулеметной команде служил. Ему наш Дегтярев на два счета

освоить. Вот потому-то поручим Федоту Федотовичу Фомину императора увозить, а сами вчетвером визит чекистам нанесем. Тут ты прав — когда переполох такой устроим, им враз не до поисков великого князя станет.

— Если еще останется кто-то для поисков! — глаза Шмайсера полыхнули такой лютой и незатухающей ненавистью, что Фомин всей душой содрогнулся. И неожиданно понял — они все мертвецы, все. И погибли там, в сорок третьем, который никогда не наступал. Они сами нежить, что с Поганкиного урочища вылезла... Нежить!

Мара-то, Марена, не просто Нити Жизни серпом острым подрезает, она властвует над Калиновым мостом через Реку Смородину, что Жизнь от Смерти разделяет. Злую шутку она с ними сыграла! Заблудились они на этой дорожке! Навсегда остались между жизнью и смертью. И там умерли, и здесь вместо них другие, «настоящие», есть! А они существуют на этой новой старой земле как мертвые, без жизни, с одной жгучей ненавистью в сердце.

Чтобы вырваться оттуда, им надо со своими долгами, что их задержали лучше добрых якорей, расплатиться. Каждого из них сжигает изнутри лютая ненависть к большевикам, так она заполнила собой души, что и душ-то самих уже не осталось. Забрала их выгоревшие, обуглившиеся останки душ Марена себе на том болоте. Отпустит тогда, когда ей взамен другие, не просто ожесточившиеся от горя и страданий, понастоящему черные души в жертву принесут. С того дня они сами и получают свое искупление, расплатившись со всеми сполна, тогда и «освободятся»...

— Братцы мои! Как жить-то дальше будем? — внезапно произнес подошедший Попович тихим голосом, а Фомин ужаснулся созвучию их мыслей. — Ведь это нам в искупление грехов наших. На своей земле со своими ведь людьми насмерть резались и убийства невинных чинили...

— С каких пор красные своими стали? — прошипел сквозь зубы Шмайсер.

— Не красные, Федя. Там наши дерутся, наши. Русские солдаты. Ибо так драться и умирать могут только за землю свою, потом и кровью политую, за могилы предков, за жен и деток. Не за вождей кремлевских животы свои на алтарь Отечества кладут!

— Так комиссарами обмануты они!

— Нет! Они после победы обмануты будут, когда их разоружат и снова НКВД над ними поставят. А сейчас они все знают, за что дерутся. А вот мы иудами оказались!

— Ты говори, но не заговаривайся!

— Осади, казак. Шмайсер тут прав! И неправ тоже. Правда, что палка о двух концах — каким ни ушиби, все одно больно, — Фомин скрипнул зубами. — То, что мы со своими братьями по крови сцепились, то грех великий, почти иудин, на души ложится клеймом. Но то, что бесов-коммунистов отринули, грех сей объясняет. И будь тогда та Россия, другая, которую от нас отобрали и опаскудили, я бы первым на ее защиту супротив немца встал и до последней капли крови бился бы. Но не эта Россия — там ложь и бесы правят. А народ наш, жизни свои положив, ничего от коммунистов не получит — ни права говорить, ни жить зажиточно. Земли не получит, храма, где помолиться. А где церковь и не прикроют, батюшку осведомителем сделают, стукачом!

Фомин остановился и тяжело вздохнул, разговаривать ему было тяжело. С щемящей тоскою в сердце он посмотрел на поднявшееся довольно высоко солнце. День давно вступил в свои права, и им нужно было поторапливаться. И Семен Федотович решительно закончил разговор:

— Сейчас все свои вольные и невольные грехи мы должны искупить. Да, искупить. И не допустить, чтоб бесовская власть в России утвердилась. Запомните — сейчас восемнадцатый год на дворе стоит, а не сорок третий. Нет того времени и того кошмара, что видели мы, есть страшный сон. Мы должны помнить о главном в своей жизни, даже если эту жизнь отдать

придется во искупление грехов наших.

— Что главное? — Шмайсер резанул взглядом, тонкие губы стали совсем белыми, в его глазах плескалась черная водица безысходности и скорбной отрешенности от жизни.

— Спасти императора!

Лица танкистов ожесточились, и Фомин осознал, что теперь они пойдут до конца, до смерти. И нет такой силы на земле, что сможет их остановить. Убить смогут, но не победить.

— Если спасем царя, то позже спасем и саму Россию! На то есть одно пророчество старое, потаенное. Понятно, братцы?!

— Какое пророчество, Федотыч? — тихо спросил Шмайсер. Остальные молчали, но их лица говорили о живейшем интересе.

— Вам лучше его не знать. Пока. — Последнее слово Фомин добавил после паузы, увидев, что их лица недовольно вытянулись от такого короткого ответа на затронувший души вопрос.

— Теперь о водителе и девушке. Как с ними поступить? Выкладывайте свои соображения.

— Водитель Иван Трофимович Максимов в казнях не участвовал, взят на работу в Чека неволею, — радист прищурил глаза, шутить в таких делах он не умел ни на каплю. Фомин отнесся к сказанному очень серьезно — Шмайсер умел докапываться до истины, обмануть его было крайне сложным делом, почти невозможно. Ибо ложь тот ощущал не разумом своим, нет, а естеством, Душой и сердцем Шмайсер ее чуял, глазами своими... Мертвыми...

— Он единственный в городе водитель и механик, умеющий хорошо чинить технику. И этот тяжелый «Бюссинг», кстати, тоже единственный, и, кроме Максимова, на нем никто ездить не может — постоянно ломали. А такая тяжелая машина чекистам нужна, сами понимаете для чего. Его жена и две малых дочери, по сути, заложники. Я опросил матросню тщательно, с «глиста» всю душонку наизнанку вывернул.

— Хорошо. И Мойзес почти то же самое говорил. — Фомин повернулся к Путту. — Значит, берем с собою?!

— Несомненно. До города ехать надо, и там работенка предстоит. А если эта дура на железных колесах сломается?

— Понятно. Федор, приведи сюда водителя. Потолкуем с ним о будущем. Пусть лучше волею с нами поедет, чем неволею принуждать. Из-под палки человек без души дело ладит.

Шмайсер легко поднялся, пошел к грузовику, рядом с которым на траве сидели девушка и водитель. Первая относилась ко всему безучастно, а второй был немного бледен, догадывался, что сейчас обсуждают его участь. А потому быстро встал и пошел за немцем. Выглянувший из-за грузовика Попович крикнул, что завтрак готов. Радист отмахнулся от него:

— Потом, Леша! Потом! Пойдем лучше, пособишь, если что!

Попович снял с огня котелок с чаем, разворошил угли и поплелся вслед за водителем, на ходу бубня, что используют его на посылках, как золотую рыбку, и вообще не ценят.

Руки Максиму не связывали — он помогал грузить в кузов автомобиля весь их прежний арсенал. Да и зачем связывать, если бежать тому некуда, а пуля всегда быстрее ног.

— Город знаешь? Машину до нужных мест доведешь? Или ты советской власти преданным быть желаешь?

— Рожак я местный, все вокруг знаю. Довезти могу, бензин про запас есть, в кузове две канистры, — голос водителя хоть и был глух, но спокоен, рук не прятал, смотрел открыто.

Фомину понравилось скуластое лицо, чуть тронутые сединой волосы, как будто припорошенные известкой, натруженные ладони, перепачканные въевшимся в кожу маслом.

— А насчет советской власти скажу прямо: боюсь я ее, душегубы они.

— И что делать будешь?

— А что мне сейчас делать, ваше высокоблагородие, прикажете? Мойзеса с чекистами и

матросами вы побили, но меня в живых оставили. Спасибо, конечно, только хана теперь жене и дочуркам. Убьют их чекисты, не пощадят! Как тех несчастных не помиловали, — водитель перевел взгляд на шахту.

— Есть на примете надежное место, куда бы смог семью увезти, спрятать там на какое-то время?

— Есть, ваше высокоблагородие. Вот только вряд ли успею. Дом брошу, но ведь хоть бы повозка была или деньги. Нету...

— И у нас нет. — Фомин в безысходности развел руками, но тут его плечо ухватил крепкими пальцами Путт.

— Федотыч! Тут Шмайсер из матросов кое-что вытряс, — Путт оскалился. — Они прятали в доме под печью. Фридрих?!

На траву был тут же выброшен со звоном небольшой сверток, весьма тяжелый по весу. Путт крепко взялся пальцами за углы, в один взмах вывалил содержимое на траву. И сплюнул от омерзения.

— Мародеры гребаные. Проклятый металл душонками овладел. Чтоб на том свете угли раскаленные им жрать!

Фомин сцепил зубы — перед ним на зеленом покрове желтым пламенем блестели ожерелья, кольца, зубные коронки, браслеты и серьги, причем часть с явными следами подсохшей крови. Отнято матросами у несчастных жертв, а то и просто снято с убитых. Были и монеты, причем исключительно золотые.

Фомин только мазнул по ним взглядом — империалы и полуимпериалы с бородатым профилем императора Николая, много монет. Но встречались в гряде английские гинеи, и крупные, намного больше николаевского рубля, американские двадцатидолларовые, и французские, в сто франков, монеты.

— Бери, Иван Трофимович, сколько тебе нужно! — Фомин кивнул на траву. — Ты будешь с нами, но семью нужно немедленно отослать. Есть с кем?

— С соседом-вдовцом. Сын в Галиции у него погиб, жена с фельдшером сбежала, бобылем живет, горемычный. Лошадок с повозкой нужно только найти. Можно к моему дому подъехать? Я за минуту там уложусь, — водитель сглотнул, с болью посмотрел на Фомина и умоляюще добавил: — Мы ведь все равно мимо дома поедem, дорога-то одна, никак не минуем, ваше высокоблагородие.

— Хорошо. Так и сделаем. Но и ты без глупостей будь. Без всяких там намеков, чтоб в ЧК жена передавать побежала.

— Так я ж понимаю, — он понуро опустил голову. — Поеду я с вами, куда мне деться — одной веревочкой теперь мы связаны. С вами, может быть, я и поживу еще, но вот они меня никогда не помилуют, за товарища Мойзеса на мелкие кусочки крошат.

— Хорошо, Иван Трофимович, верю. — Фомин сложил несколько монет стопкой. — Берите, семье пригодится. И не стесняйтесь, на дело берете.

Максимов даже не посмотрел на драгоценности, взял только русские империалы. Отсчитав двадцать монет, он спрятал их в карман куртки. Фомин покачал головой и взял еще двадцать золотых.

— Берите эти деньги, Иван Трофимович, берите! Хозяйство и имущество потеряете, на новом месте жить начинать затратно. Да и на шее родственников зазорно нахлебниками сидеть.

Водитель чуть дернулся, видимо хотел отказаться, но после короткого раздумья деньги все же взял.

— Теперь идите и машину проверьте хорошо. Посмотрите. Чтоб в дороге не подвела. Водитель кивнул, тут же встал и пошел к своему грузовику. А Фомин повернулся к

танкистам.

— Я с ним в кабине сам поеду. Будем головными. Дорогу и город все же относительно знаю, в отличие от вас. В кузове Шмайсер и девчушка. Леша, ты кабриолет вести сможешь или Путт будет за баранкой?

— Я сам поведу! А что, машина простая, старье. Путт пусть с автоматом будет, он намного с ним полезнее, чем я.

— Хорошо. Мы все оденемся в чекистские кожанки, а ты, Шмайсер, в случае нужды будешь изображать революционного матроса.

— Там на дороге караул стоит, Мойзес же предупредил! — тихо произнес Путт. — Полдесятка солдат и вооруженных рабочих, плюс пара чекистов или милиционеров. У них ручной пулемет есть. Нас наверняка остановят.

Фомин посмотрел на него пристально. У немца опыт подобных дел был намного богаче, чем у него самого, и умения весьма специфические, как раз для таких случаев.

— Я уже продумал все. Попович отстанет на полверсты, с ним девчонка пусть будет. В городе ее высадим. Не хватало, чтобы динамит взорвался или случайной пулей зацепило. Там вот как устроено. — Капитан быстро положил на землю пачку папирос и рядом свой тэтэшник. Прямая ладонью молодую зеленую травку.

— Двое-трое в домике сидят, то ли жрут, то ли спят. Ведут себя беспечно. Остальные на дороге — тут, тут и тут, — палец Путта быстро сделал в земле углубления. — Стоит нам провести машину дальше, тогда им конец — одной очередью ДШК всех положим, стены не спасут. Но если остановят, то и здесь есть положительные моменты. Пока они разговор с Максимовым заведут, мы с тобой, Федотыч, режем в упор с автоматов. А ты, Фридрих, до того из кузова выпрыгиваешь и в окошко «лимонку» кидаешь. Комнатенка там одна, мало им не покажется. Сделаешь?

— Яволь! — коротко ответил Шмайсер и закурил папиросу.

Радисту собратья по танку постоянно завидовали — нервы у мужика что проволока стальная. Ни при какой ситуации немец не терял хладнокровия и никогда не подводил. Что и было главным в их расчетах — положить нужно весь караул, чтоб никого не упустить.

— Извините, пожалуйста! — тусклый девичий голос окликнул их. — Мне можно к вам подойти?

— Конечно, — отозвался Фомин и выразительно посмотрел на Шмайсера. Тот понял его взгляд правильно и тут же выложил все, что успел выпытать у матросов и водителя.

— Зовут Марией, фамилия Ермолаева. Отец офицер, а брат — кадет. Были. Мать умерла три года назад.

— Сиротой круглой осталась, совсем одна! — вздохнул Фомин.

Фомин вспомнил, где он видел и родинку над губой, и вздернутый нос, и ресницы длиннющие, веснушки, завитки русых волос. Вернее, не вспомнил. Когда они с Путтом выгружали Мойзеса из бадьи, он, словно по наитию, еще раз, внимательнее, присмотрелся к телам. К тем, что в сторонке были: один у стены сидел, держа на коленях голову второго.

Такое часто бывает, вроде помнишь что-то, вот вроде уже вспомнил, вот оно уже вертится перед внутренним взором, мельтешит, но ты не можешь ухватиться, не можешь разглядеть. Тот, кто постарше был, у стены — ее отец. Второй — точная копия, только моложе. Из разорванного ворота натальной рубашки торчало веснушчатое плечо. Мальчик, юнец еще, верхняя губа чуть тронута пушком. Близнецы они с Машей, судя по всему. Были.

У девочки, наверное, тоже на плечах веснушки... Хотя откуда у нее? Она же вряд ли загорала! Барышни нынче за белизной кожи гонятся, только крестьянки себя не жалеют: на покосе, на жатве, с коромыслом... У нее тело нежное, кожа молочная, словно бархатная. Мойзес

сразу на нее клюнул. Она ведь бутон, который только-только начал распускаться..

— Почему сирота?

От слов Фомин вздрогнул, зажмурился, словно отгоняя наваждение.

— Почему? — она округлила глаза и попятилась. — Он же мне говорил, что папа и Ваня в тюрьме! Он сказал, что если я... — она опустила глаза. — Если я... — Она вскинула голову, румянец залил все лицо, опускаясь на шею, и выпалила: — Ему отдамся, то он их отпустит!

— Милая! — Фомин с силой притянул девушку к себе. — Послушай меня!

Она встрепыхнулась в руках. Такая маленькая, словно птенец. Острые лопатки, ростом на полторы головы ниже, угловатые плечи. Фомин обнял ее еще сильнее и прижал.

«Господи! Да она же еще совсем ребенок! Господи!» — он зажмурился, представив, что ей довелось бы тут пережить.

— Машенька! Умерли они! Я сам их видел! Там! В шахте!

Она забилась, замотала головой, попыталась высвободиться. Но Фомин сжал ее. Запрокинул голову, сдерживая подкативший к горлу горячий ком. Внезапно девушка обмякла. Фомин чуть отстранился, думая, что Маша потеряла сознание, готовясь подхватить на руки. И тут он встретился с ее глазами. Она смотрела снизу вверх. В огромных голубых глазах не видно было ни слезинки.

— Я хочу их видеть!

— Девочка моя! Ты что, с ума сошла? — Фомин разжал руки, отступил на шаг. — Они там лежат! В шахте!

Она стояла как маленький оловянный солдатик. Попович кинулся к ней, но она вытянула руку, останавливая казака.

— Я хочу их видеть! — она повторила упрямо, опустив голову.

— Ну что ж. Леша! Сходи с ней! — Фомин нерешительно пожал плечами и сделал жест в сторону шахты стоящему за ее спиной Поповичу.

— Нет! — отрезала она. — Я одна пойду!

Она позволила казаку проводить до ворота с бадьей. Молча отстранила его протянутую в помощь руку, запрыгнула внутрь.

Вскоре бадья опустилась вниз во всеобщем молчании. А затем танкисты сели на траву прямо у ворота. Путт молча смолит папиросу. Шмайсер сидел на корточках, опустив голову. Только Попович мерил шагами расстояние от ворота до небольшой сосенки, растущей неподалеку.

— Леша! — Фомин не выдержал первым. — Хватит маячить!

Внезапно веревка задержалась.

— Давай! — Фомин стал выкручивать ворот. — Андрюха, помогай! Леха, беги за водой! Андрей, Шмайсер, давай, принимай ее! Она же сейчас...

Договорить не успел. Маша, сгорбившись, как маленькая старушка, стояла в бадье. Длинные русые волосы спадали на плечи, закрывая лицо. Руки безвольно болтались по сторонам.

— Давай руку! — Фомин протянул ей ладонь.

Она медленно подняла голову. Сквозь пряди волос он увидел серое, без единой кровинки, лицо, ввалившиеся полузакрытые глаза с черными кругами под ними. Она дрожала, как былинка на ветру.

Опершись об руку, девушка тяжело выбралась из бадьи. Попович бежал уже с ведром от озерца. Шмайсер кинулся за фляжкой с неизменным спиртом, заныканной про запас где-то в вещах. Путт лихорадочно рылся в вещмешке в поисках чистого полотенца.

Внезапно налетевший порыв растрепал ее волосы, отбросив их назад. Фомин попятился,

спотыкаясь.

«Марена! Ты!» — подсознание взорвалось неожиданной догадкой.

Голубые когда-то глаза, превратились в прозрачно-ледяные. Девичье лицо словно высечено из мрамора. Зрачки глаз сузились, превратившись в крохотные точки, и она рухнула как подкошенная...

— Маша! Машенька! — Ее трясли, брызгали водой, били по щекам. Она открыла глаза:

— Господа! Оставьте! Мне лучше!

Медленно села, опираясь на их руки разжала кулачок. В маленькой ладошке лежали два локона: русский и с проседью. Она за цепочку вытянула медальон с груди, щелкнув на пружинку, раскрыла. На фотографии улыбалась красивая женщина, частично скрытая под таким же русым завитком.

— Мама...

Маша аккуратно спрятала локоны в медальон, закрыла и прижала его к бескровным губам:

— Это все, что у меня осталось!

Фомин ждал, что она разрыдается, забьется в неизбежной истерике, но Маша молча приняла у Шмайсера фляжку, раскрутила и отхлебнула глоток. Затем еще. Поперхнулась жгучим спиртом, закашлялась, замахала руками. И словно отпустило!

Шмайсер потянулся убирать рассыпанные драгоценности, а Попович засуетился с ведром, не зная, куда его деть, Путт просто топтался на месте.

— Подождите! Откуда это у вас, господа?

Фомин тронул за плечо немца и внимательно посмотрел на девушку:

— Матросы за печью прятали, Маша. Ты что-то узнала?

Девушка быстро выбрала два широких обручальных кольца, перстень, браслет, две пары сережек и большое ожерелье с прозрачными голубовато-синими камнями.

— Эти кольца папа с собой постоянно носил в память о маме. Перстень родовой, его должен был брат взять, а остальное от мамочки перешло мне. Папа говорил, что кольцо снимут с него только мертвого.

— С него и сняли эти твари, с мертвого.

— Там! Там! Такое... — она зажмурилась. — Я видела! Видела... Их там всех убили! И его, и брата...

Голос Маши прервался, но она не заплакала. Наоборот, лицо затвердело, губы превратились в две узкие белые полосы, глаза гневно блеснули.

— У меня никого больше нет! Помогите мне отплатить им за все! За всех несчастных, кого убили и ограбили! — девушка ткнула маленьким ботиночком в грудь драгоценностей.

— Мойзес мертв. Его постигла кара небесная, — Фомин говорил твердым уверенным голосом. — Матросов, что убили вашего отца и брата, настигла расплата, и, надеюсь на милость Господа, они ответили за свои злодеяния.

— Я не о том вас прошу, господа! Вы с ними воюете и убиваете их. Я хочу быть рядом с вами. Отец учил меня стрелять из винтовки, из револьвера. Я умею! В моем роду все мужчины с оружием в руках воевали и умирали за веру, царя и отечество. Ни один не умер в постели, старым и дряхлым. Мужчин теперь не осталось. Но я-то еще жива...

— Путт! — чуть рыкнул на капитана Фомин и пресек отговорку. За эти секунды Семен Федотович понял главное — жизнь для Маши станет смертью, война жизнью. Никак иначе — с такими глазами нет выбора. Он встал с травы, оправил ладонями обмундирование. Еще раз пристально посмотрел на Машу — сомнений не осталось.

— Хорошо. Я подполковник Фомин, Семен Федотович. Федор! — Он повернулся к Шмайсеру. — Немедленно переодень ее в подходящую одежду. Наше чистое возьми, кожанку у

водителя. Маша! Вы станете чекисткой, они фурий революции любят. В Перми бегают, сам видел.

— И я тоже видела!

— Вот и хорошо. Четверть часа на переодевание. Свою одежду уложить бережно, пригодится. Капитан Путт познакомит вас с оружием. Андрей, для нее ТТ, глушителя и ППШ более чем достаточно. Сам понимаешь — как раз для таких случаев. Или наган дай, но у него спуск тугой.

Путт хищно осклабился — это в гражданскую женщины-диверсанты пока нонсенс. Но через четверть века они станут обыденным явлением, и бывший осназовец это хорошо знал. И главное — умел таких готовить. Он выпустил кольцо дыма и загасил папиросу в траве, прикопав в землю.

— Полчаса на подготовку, более времени нет! — отдав приказ, Фомин повернулся к девушке, взял ее за плечи и крепко встряхнул. Затем медленно и тихо заговорил, твердо глядя в глаза: — О смерти забудь накрепко! Тебе на роду написано долго жить. У тебя будут два сына и дочь, в них будут заново жить любящие тебя люди. А сейчас тебя будут учить — и убивать, и выживать на войне. Понятно?!

— Откуда вы это знаете? — с вызовом в голосе спросила девушка, подняв подбородок. Гордячка.

— Знаю, — отрезал Фомин. — Как и то знаю, что вчера ты горевала перед свечой, оплакивая себя, и писала подруге свое предсмертное письмо. Да еще водила пальцем по язычку пламени. Может, тебе сказать, о чем ты думала, когда одежду выбирала?

Фомин бил наугад — воск и чернильное пятно на маленькой ладошке, усталые глаза, крохотный волдырек на подушечке указательного пальца. Но девушка в изумлении раскрыла рот, ее брови удивленно поползли на лоб.

— Вы колдун, как Мойзес? — тихо прошептала Маша.

— Я не колдун, запомни это раз и навсегда!

Он сильно сдвигал пальцами подбородок девушке, так что та невольно ойкнула. Фомин тут же размашисто перекрестился, отойдя на шаг от девушки.

— Я ведун. Разницу улавливаешь, девочка моя?

— Ой ты! — Она удивленно воскликнула и снизила голос до шепота. — Так вы волхв?! Тот самый?

— Почти. Это родовой дар. Я не только волхв, я офицер русской армии. И я буду крестным отцом твоих детей. Обещаешь?

— Да, — еле слышно прошептала девушка.

— Тогда иди, а то капитан Путт очень строг и требователен. И я не хочу краснеть за тебя, девочка. Иди.

Она встала, рукой откинула волосы.

— Маша! — тихо позвал Фомин. — Ты чем локоны срезала?

Она молча потянула вверх юбку. Фомин не поверил глазам, думая, что она сошла с ума там, в штольне. Но вскоре на худенькой ножке, чуть выше колена показались маленькие ножны с изящным тонким стилетом.

Маша вынула его, покрутила в руке и легким движением кисти метнула. Фомин застыл на месте. Стиллет с легким звоном вошел в дверной косяк в паре сантиметров от головы Путта. Вернее, от того места, где она виднелась раньше. Уловив движение ее руки, немец отреагировал молниеносно: тело быстрее мысли преодолело десять метров, разделявших их, и было уже готово к атаке.

— Ты чего это? — Путт грозно навис над девушкой. — Порежешься еще ненароком!

— Современным женщинам нужно уметь себя защищать! — она вскинула голову. — Мужчины нынче гнилые пошли, все сплошь в революцию ударились или в интеллигенцию!

Путт захлопал глазами, не зная, что ответить. Его мужское достоинство, в прямом смысле слова, спас Фомин, переведя огонь на себя:

— И что, уже применяла эту защиту? — Он с усилием выдернул стилет и вернул его Маше.

— Нет! Бог миловал! — потупилась она, без тени стеснения возвращая его на прежнее место. — Я хотела Мойзеса зарезать! Только момент не могла улучшить! Ждала, когда мы одни останемся! Я ведь уже не надеялась отца и Ванюшу живыми увидеть... Как в воду глядела...

Фомин, глядя на Машу, мысленно похвалил себя. Она потеряла в жизни опору, а он теперь попробует заменить ей отца. Странно, но именно сейчас он испытал нечто похожее на отцовское чувство, будто она его дочь. Он не имел никогда ни жены, ни детей, а на женщин смотрел как на... женщин, выбирая себе для удовольствия.

Сейчас, смотря на несчастную девчушку, он чувствовал в своем сердце совершенно иное. Ему захотелось прижать девушку к себе, защитить в этом страшном мире, помочь. И совершенно не было того, что он испытывал раньше, глядя на женщин.

«Стареешь, Федотыч. Жену и детей тебе, видно, никогда не завести, так пусть Маша тебе внуков подарит. Их и пестовать будешь, если живым в этой кутерьме останешься!» — будто со стороны он услышал свой голос, который обращался к нему, как к совершенно иному человеку. Он поймал себя на этой мысли и вздрогнул.

— Леша, — он подозвал к себе Поповича. — Скоро полдень. Мы через полтора часа тронемся. Делайте тут все без меня, я должен хоть час поспать. И Шмайсера уложите на час, это приказ.

— Я сам хотел просить тебя об этом, Семен Федотыч. Мы с Андрюхой выдохлись, а вам двоим поспать надо. Я бушлаты кинул за машину, там тенек и солнце припекать не будет. Поспите час, я разбужу.

Фомин благодарно кивнул заботливому казаку, обошел машину и буквально рухнул на постеленный на траве бушлат. Упал навзничь и сразу уснул, спокойно, без сновидений.

Но даже во сне Фомин вскоре почувствовал, как рядышком разлегся Шмайсер. И почти сразу тот принялся тихонько подхрапывать, как уставший конь, всю ночь возивший тяжеленную повозку с железными болванками...

* * *

— Милый мой! Единственный! — сквозь сон, сквозь закрытые глаза журчал хрустальным ручейком нежный голос.

Мягкие волосы щекотали, ласкали лицо. Фомин запустил руку в локоны и тихонько сжал ладонь: пряди теплым шелком потекли сквозь пальцы.

Одурманивающий запах шел от этих волос: душистое сено, парное молоко, спелые яблоки, янтарный мед, синее небо — они пахли давно забытыми днями молодости...

— Иди ко мне! — Ладонка легла налицо, закрывая глаза. — Я ждала тебя!

— Я тебя узнал! — прошептал он. — Ты снилась уже мне! Как зовут тебя?

— Марьюшка, соколик мой ненаглядный!

— Марьюшка... — Фомин улыбался. — Ладушка моя, я люблю тебя!

— Я знаю! — волнующий голос зашелестел справа. — Ты мой! Навеки теперь мой!

— Да! Я твой! — Он жмурился от захлестнувшего блаженства, словно оказался под лучами солнца, и ополоскало теплыми лучами его лицо. — Я хочу увидеть тебя еще раз!

— Тогда останься со мной! — дыхание коснулось другого уха. — Не просыпайся! Спи! Спи...

Внутри все похолодело, рука, закрывающая глаза, стала ледяной глыбой, не давая поднять голову. Тепло солнечного полудня сменилось студеной моросью. Он дернулся, но неведомая сила сковала его тело.

Волосы опутывали лицо и шею, забиваясь в нос и рот. Они, словно живые, обвивали, затягиваясь удавкой. Из мягких и пушистых они превратились в жесткие, колючие. Они были словно спутанные водоросли, пахли болотной тиной...

На грудь навалилась тяжесть, стало трудно дышать.

—пусти, Мара! — захрипел он. — Изыди...

Прекрасные, просто чудесные места медленно ползли мимо машины. Их тяжело нагруженный «Бюссинг», подвывая мотором, враскачку шел через рытвины широкой грунтовой дороги. Хорошо, что дождя не было несколько дней, а то машина ни за что не прошла бы российскую дорогу, которая через два часа ливня превращается в российское бездорожье, мало проходимое и для гусеничной техники, не то что для их тевтонского «чуда» с железными гремящими колесами.

Фомин не любовался пейзажными красотами окрестностей, пристально глядел на дорогу, ибо за поворотом скрывался поставленный красными караул с приказом осмотра всех въезжающих или выезжающих из города. Таких постов вокруг Перми было много, они перекрывали все дороги и более-менее значимые проселки и тропы, по которым могли пройти телеги или повозки.

Это было обычным явлением — как только в городе устанавливали советскую власть, так сразу же вводилась хлебная монополия. Излишки продовольствия у горожан беспощадно изымались, свободная торговля запрещалась, крестьян обязывали сдавать хлеб государству по твердым ценам, которые были ниже себестоимости выращенного зерна.

Тем самым все население ставилось в полную зависимость от произвола власти, которая, распределяя продовольствие, фактически распределяла право на самую жизнь — кормила своих сторонников, обрекая на лишения и голод тех, кто таковым не являлся. А многочисленные караулы должны были пресечь и действительно пресекали любой подвоз продуктов для «черных» рынков, что расцветали в каждом городе, несмотря на яростное желание властвующих коммунистов уничтожить подобные реалии прежней жизни.

Именно к такому посту подъезжал сейчас их тяжело нагруженный «Бюссинг». Фомин не хотел ненужного боя, но вряд ли удастся проскочить без досмотра. Ведь, за исключением водителя, никого из них не знали стоящие в карауле чекисты, а ссылка на Мойзеса вряд ли бы помогла.

Оставалось только надеяться на свою удачу, внезапность нападения и на то, что не будет посторонних. Ибо оставлять свидетелей Фомин не хотел, дабы раньше времени в Перми не поднялся шум. Потому баюкал на коленях верный ППС, чувствуя препоганый запах от матросского бушлата на своих плечах. Ничего не попишешь — кожанку пришлось отдать Маше, с которой произошла удивительная метаморфоза после переодевания.

Ох уж эти женщины! Меняют облик, как актрисы. Исчезла заплаканная девчушка, зато появилась какая-то фурия в красной косынке со стервозными манерами и прокуренным голосом. Как капитану удалось добиться такого перевоплощения за один час, только ему известно. Видно, талант учителя и ученицы слился в сокрушительную силу, в хвалу системы Станиславского...

Грязный караульный дом появился из-за поворота дороги расплывчатым привидением. Лес кругом был выведен и отступил от этого места на добрую сотню шагов, словно вековые сосны понимали опасность такого соседства. Привычный шлагбаум отсутствовал, но его с успехом заменяло положенное поперек грунтовок ошкуренное бревно. Рядом с домом стояла дощатая будка отхожего места и груженная мешками повозка, в которую была запряжена пара сытых, лоснящихся лошадей.

На бревне сидели двое солдат, куря самокрутки и о чем-то тихо беседуя. Еще двое, в одежде мастеровых, на крыльце, а между ними верной дворнягой высунул свое толстое рыло английский пулемет «Льюис». Рядом с ними лежали два скрюченных тела. Через секунду

Фомин сообразил, что это не мертвецы, а связанные мальчишки, уж больно маленькими были эти фигурки.

И все — людей больше не было. Однако, судя по силуэтам за грязными, сто лет не мытыми окнами, в доме имелись и другие вояки, но, сколько их там засело, пока оставалось неизвестным. Остановка была неизбежной, а значит, и драка. Фомин искоса глянул на водителя — тот уверенно держал руки на рулевом колесе, и лишь капелька пота на виске выдавала его напряжение.

При виде машины постовые проявили ожидаемое от них рвение к службе, тем большее, при виде чекистского кортежа. Сидящие на бревне встали и отошли в сторону, однако винтовки в руки не взяли, а спокойно навесили погонные ремни на плечи. И двое мастеровых поднялись беспечно, не тронув «Льюиса». Да оно и понятно — машины узнаваемые, свои едут, чего напрасно беспокоиться.

На крыльце появился еще один персонаж в знакомой кожаной тужурке, таких же штанах и кепке. Почему чекисты возлюбили так страстно кожаную одежду, Фомин понятия не имел. В жару в такой еще жарче становится, потом обливаешься, в холод еще больше леденит, зуб на зуб не попадает. Видимо, для форса выкормыши Дзержинского одеваются, страх нагоняя.

Так в свое время опричники Ивана Грозного во все черное одевались, да еще метлу с отрубленной собачьей головой прихватывали для пущего страха. И у этих последышей тоже есть любимые атрибуты — через плечо чекиста висела на ремешке большая кобура маузера. Видно, удобно им из такого пистолета по связанным и беспомощным людям стрелять — патронов больше чем в нагане, перезарядка намного проще. Сдвинул затвор назад да вставляй вниз десяток патронов на железной скобке-обойме...

«Бюссинг» рыкнул мотором напоследок и остановился у самого бревна. Максимов тут же высунулся из кабины, а Фомин легко спрыгнул на траву и раскачивающейся матросской походкой подошел к солдатам, которые завели оживленный разговор с водителем.

— Привет, Трофимыч! Управились с мертвяками? — прыщеватый солдат чуть гоготнул сквозь выщербленный рот.

— А что, помочь хочешь? — с таким же нехорошим смешком отозвался Максимов. — Так сзади товарищ Мойзес едет, напросись.

— Нет уж, сам с товарищем Мойзесом работай! — второй солдат был чуть постарше, но не менее развязанный и расхристаный, напроць подзабывший за год революционного лихолетья военную дисциплину. Он поинтересовался первым, обращаясь уже к Фомину: — Кто вы, товарищ?

— С Уральского губчека, с заданием. Машина сломалась, вот товарищ Мойзес и посодействовал, — с ленцой ответил Фомин и сплюнул на траву.

— Он сзади едет, чуток отстал, заняты братишки сильно, — тут же вставил свое слово и Максимов. Хорошо себя вел, уверенно, без волнения — водитель нравился все больше и больше.

— А-а, — понимающе сказал подошедший чекист и тут же протянул руку Фомину для рукопожатия. — Петр Игнатьев. Как доехали, товарищ?

— Семен Фомин. Нормально доехали, правда, контра везде зашевелилась, головы свои змеиные распустила по сторонам. — Семен Федотович испытывал жгучее желание вытереть ладонь о штанину, больно брезгливость его одолела от прикосновения потной ладони.

— Ожили, падлы. На чехов молятся, выродки. Но ничего, — голос чекиста стал угрожающим, — мы им тут кровь хорошенько выпустили.

— Энто что за сволота лежит? — Фомин кивнул на связанных мальчишек. Именно мальчишек, лет 15–16, что с нескрываемой ненавистью и презрением смотрели на них.

— Волчата. Кадеты! — с жесткой ухмылкой произнес чекист.

— Из города сбежать хотели с офицериком хромоногим.

— Где эта контра? В Могилевскую губернию отправили? В штаб генерала Духонина?

— В доме, его товарищ Розенфельд допрашивает. Пока молчит сука, муть несет, своих не хочет выдавать. Но ничего, мы не таким язык развязывали. Как товарищ Мойзес сюда подъедет, этих тварей ему враз передадим. В шахте со своими дружками скоро встретятся.

Фомин кивнул, сцепив зубы, и выразительно посмотрел на вышедшего из-за кузова грузовика Путта. Первый план ломался, бросать гранату в дом нельзя. Но в запасе имелся второй план, и капитан понимающе улыбнулся в ответ. Затем, насвистывая, немец направился к дому.

— Я к товарищу Розенфельду, — стоящие на крыльце мастеровые тут же расступились перед одетым в кожаную куртку «чекистом», и Путт уверенно шагнул в дом, как лиса в курятник, когда хозяева уехали в гости, прихватив с собой дворового песика. А к вооруженным работягам сразу подошли еще два самозванца — расхристаный матрос с безмятежным видом и юная чекистка в красной революционной косынке.

— А что это у вас в руках за оружие такое интересное, товарищ Фомин? Первый раз такое вижу.

— Пистолет-пулемет, — с нехорошей улыбкой отозвался Фомин, мысленно отсчитывая до десяти. — Хорошая штука, полезная.

В мозгу отщелкало «десять», и он, не теряя ни секунды, пнул чекиста по коленной чашечке носком ботинка. Кость только хрустнула, а завопить чекист не успел — огромный кулак Ивана Трофимовича с размаху впечатался ему в губы. Затем водитель схватил чекиста своими лапищами за глотку и с ревом наслаждения принялся ее рвать крепкими пальцами.

Удивляться времени не было — и ствол автомата по крутой траектории прошелся по фигурам солдат, а указательный палец при этом нажимал на спусковой крючок ППС изрыгнул из себя смертельный свинцовый град, и солдатские фигурки сломались. Удивление на лицах не успело смениться выражением ужаса. Не смогли они осознать своей смерти, так и попадали на траву с широко открытыми глазами, со строчками кровавых пятен на груди.

Оба мастеровых скрючились рядышком у крыльца. Один еще хрипел, судорожно пытаясь зажать распоротый живот окровавленными ладонями. А второй уже выгибался предсмертной дугой — из раскромсанного наискосок горла вылетали алые струйки крови. Шмайсер уже врывался в дверь, оставив свои острые ножи в телах зарезанных им красногвардейцев.

— А! — девичий крик резанул воздух, Фомин стремительно развернулся.

Что-то рвануло рукав его бушлата, и только сейчас в его уши ворвался звук выстрела. Дверь туалета была распахнута настежь, стоящий внутри солдат в гимнастерке целился в него из нагана.

В воздухе прогремело еще два выстрела, только ни солдат, ни Фомин, который уже вскидывал автомат, сделать их не могли. Стреляла Маша, крепко сжав рукоять ТТ двумя руками. Солдата отбросило в будочное нутро, усадило на толчок, вывернув в сторону голову. Из его ладони выпал наган.

Фомин рванулся к будке, но достреливать затаившегося не было смысла — на гимнастерке, прямо у сердца, расплылись два кровавых пятнышка. Он удивленно покачал головой — с двадцати шагов неопытная девчонка сумела не промахнуться и всадить пули рядышком. А это о многом говорило.

— Отец учил стрелять, — спокойный девичий голос раздался за спиной, и Фомин повернулся. Он ожидал от нее истерики или плача, трудно женщине пересилить свое естество. Она зарождает в себе новую жизнь, и в силу того убийство противоречит самой ее природе. Девушки же была неестественно спокойна, только место привычной бледности стал занимать выступающий на щеках лихорадочный румянец.

— Спасибо, дочка. Вовремя ты стрелять начала. Спасла меня, — только и сказал Фомин.

— Не благодари, не надо. Я и так на всю жизнь у тебя в долгу, — просто ответила девушка, внимательно посмотрела на убитого ею солдата. И только сейчас лицо судорожно перекосилось. Маша зажала рот ладонью и побежала за машину, всхлипывая на бегу.

Фомин обернулся — везде успевавший радист оттаскивал разъяренного водителя от чекиста, превратившегося в окровавленную и измочаленную тряпичную куклу. Как всегда в таких ситуациях, немец зачастую переходил на свою смешанную речь.

— Генуг. Довольно, Трофимыч, да хальт же. Хенде убери, ты ж ему и так шею свернул. Да стой же! Нам его кожанка нужна, ферфлюхте. Дурень, ты всю одежду попортишь. Думкопф!

Объединенными усилиями они успокоили Максимова. Фомин сглотнул — морда чекиста была превращена в окровавленное месиво, а шея вывернута так, что затылок на ключице устроился.

— За что ты его так разделал? — осторожно осведомился Шмайсер, с уважением поглядывая на водителя.

— Давно добирался. Каждый день мечтал, — угрюмо буркнул Максимов, пришедший в нормальное состояние, словно спустивший пар локомотив. — Эта сволочь мою крестницу снасиловал, а потом матросне отдал. Девчонка от позора в Каму бросилась и утопла. Так и не нашли ее, страдалицу. А мать от горя с ума сошла.

— Так, понятно, — медленно произнес Шмайсер. — Это ты погорячился, дурень, а месть должна быть холодным блюдом.

Немец замолчал и поглядел на мертвого чекиста взглядом голодного волка. Потом с нескрываемым сожалением в голосе произнес:

— Не успел я, а ты слишком тороплив. А мы бы ему окаянный орган на ленточки распустили, и он сжевал бы его как миленький. Добавки попросил. Не торопись никогда в таких делах. Спешка только при ловле блох нужна.

— Или когда от чужой жены убегаешь, а за тобой муж ее с топором поспешает, — Максимов посмотрел на Шмайсера, и неожиданно для Фомина эта быстро спевшаяся, несмотря на разницу в возрасте и положении, парочка зашлась в нервном смехе.

— Тебя как кличут, ваше благородие? — чуть осторожно поинтересовался отсмеявшийся водитель.

Шмайсер открыл рот, но, увидев резкий жест Фомина, тут же закрыл его. Он давно убедился, что тот зазря ничего не делает, и в таких делах его стоит слушать. А потому не ответил на вопрос, сделав вид, будто толком не расслышал, а быстро подошел к мальчишкам и освободил их от пут. Затем склонился над мертвыми мастеровыми, забрал свои ножи и тщательно вытер лезвия об одежду, стирая кровь.

Фомин достал из кармана папиросную коробку, открыл и щедро угостил водителя. Завзятые курильщики дружно задымили, отдыхая от насыщенных событий суматошного дня.

— «Казбек»?! Никогда не приходилось слышать такого названия, ваше высокоблагородие. Откуда эти папиросы?

— Это редкие папиросы, их не продавали, — Фомин не стал развивать эту тему, опасную для них. — Меня зовут Семен Федотович, вам меня так лучше называть, Иван Трофимович. Вы, кстати, стрелять умеете?

— Ружьишком баловался, — степенно ответил водитель. — Я кадровую не служил, единственным кормильцем в семье был. А на эту войну по возрасту не вышел, старым стал.

— Вы пока, Иван Трофимович, трупы начинайте отволакивать в лесок, их спрятать надо.

— Там яма за кустами. Туда покидать их можно и хворостом завалить. А еще дальше, за просекой, овраг тянется — на расстрел крестьян уводили, что в город продукты везли.

— Вот и займитесь, Иван Трофимович. Да, Попович подъехал. Алексей, подойди к нам.

Казак подбежал, чуть кося глазами на побоище. Видно, что вид убитых произвел на него определенное впечатление.

— Леша, займись с Трофимычем сбором оружия. И хорошо спрячьте трупы. Припряги к делу мальчишек, я Шмайсера на помощь выделяю. Давай, действуй. — И Фомин пошел к дому.

На крыльцо с довольным видом вышел Путт, поддерживая хромящего человека в штатской, порядком потрепанной одежде, с окровавленным лицом. А вот кадеты уже стояли на ногах, потирая затекшие от веревок запястья.

— Вы уж простите, Семен Федотович, но я их всех того. Порешил троих в спешке, чекиста тоже. За наган «товарищ» схватился, — Путт виновато пожал плечами. Так, мол, получилось.

— Хорошо сработали, капитан, — Фомин одобрительно улыбнулся немцу и повернулся к офицеру. Тот понравился с первого взгляда. Окровавленное, но гордое лицо, внимательный, с достоинством взгляд. Попытался встать в стойку «смирно», сразу показав хорошую выправку, которую вбивают только в военных училищах за годы обучения. Кадровый офицер, довольно молодой, и, судя по всему, правильный, не тыловая сволочь.

— Подполковник Фомин. С кем имею честь? — Семен Федотович чуть прикоснулся ладонью к лихо заломленной бескозырке. Он прекрасно понимал некоторую нелепость своего костюма и смог обозначить свое отношение к происходящему маскараду улыбкой.

— Штабс-капитан Сухинов. Илья Антонович, — офицер попытался щелкнуть каблуками несуществующих на нем сапог и тоже чуть сконфузился.

— «Царский выпуск»?

— Никак нет, господин подполковник. На год раньше, в тринадцатом, выпущен из Иркутского военного училища.

— Сибиряк?! В каком полку служили?

— В 25-м Сибирском генерала Кондратенко полку, Седьмой Сибирской стрелковой дивизии. Был помощником командира пулеметной роты.

— Как в Перми оказались?

— По ранению. В городе родители жены живут, а я здесь отпуск после лечения проходил.

— Понятно. Осколками ногу наспиговало?

— Никак нет! «Чемодан» рядом с блиндажом упал, и мне балкой колено сломало. Разрешите спросить, господин подполковник?

— Спросить завсегда можно, капитан, но вот только ответа может и не быть, смотря по обстоятельствам.

— С вами здесь находятся два германских офицера. Кто они, господин подполковник?! И что здесь делают?

— Хм, с чего вы взяли, что они германские офицеры? — вопрос несколько ошарашил Фомина, он лихорадочно просчитывал ситуацию, стараясь выбрать наилучший вариант.

— Я слышал немецкую речь, ваше высокоблагородие, — Сухинов тонко улыбнулся, видя замешательство Семена Федотовича, — тем более мне знаком парабеллум 08. Хотя на нем странное приспособление, которое нейтрализует звук выстрела. О таком я никогда не слышал, потому могу считать его особым секретом германской армии.

— А разве мало в русской армии служит природных немцев, — Семен Федотович все еще не пришел к определенному мнению, потому старался выиграть время. Ради этого он даже закурил очередную папиросу, хотя ему уже не хотелось дымить.

— У вас оружие в руках странное, господин подполковник. Я слышал об автоматических ружьях под пистолетный патрон, которыми вооружаются штурмовые подразделения германской армии на Западном фронте. К тому же сейчас раздавались звуки очередей, похожих на

пулеметные, хоть и не такие громкие, как от «Максима» или «Льюиса». И гильзы на траве лежат знакомые, 7,63, маузеровские. Германцы ими широко пользуются, хорошо узнаваемая бутылочная форма, — штабс-капитан пристально посмотрел в глаза Фомина.

— Ну и какие выводы вы можете сделать, используя дедуктивный метод небезызвестного мистера Шерлока Холмса? — Фомин еще снисходительно улыбался, но под ложечкой неприятно заныло.

— Группа русских и немецких офицеров, с новым германским оружием, едет в Пермь, убивая встречающихся красных. А в городе находится великий князь Михаил Александрович. Вы хотите его выволить из неволи? Так ведь?

Фомин бросил предостерегающий взгляд на «немцев», которых явно не устраивала чрезмерная, по их мнению, догадливость русского офицера. Тогда он решился на риск:

— Вы правы, капитан. Позвольте представить вам доверенных офицеров кронпринца Вильгельма-Фридриха, направленных в Россию для спасения его императорского величества Михаила Александровича, — Фомин специально выделил императорский титул и бросил обжигающий взгляд на своих. Те сразу подтянулись, что-то сообразив. — Ваш спаситель и вызволитель Германского Генерального штаба гауптман Андреас фон Путт. Извольте уважать этого смелого офицера и не помышляйте о продолжении войны. У нас один враг в это время, враг, одинаково опасный и для России, и для Германии. Ибо он несет крушение прежней жизни. К сожалению, в Германии немногие осознали, насколько опасен большевизм, и слишком поздно стали предпринимать меры, стараясь исправить положение. Ведь именно Германия выпустила год назад этого смертоносного джинна, который начал разлагать и ее армию, и народ.

— Данке шен, герр гауптман, — Сухинов четко наклонил голову, — я отдаю вам должное. Когда многие русские забыли о своем долге и присяге, вы стараетесь спасти русского императора. И я очень признателен вам за свое собственное спасение.

— Пустое, коллега. Не стоит благодарности. Я только выполнял свой нравственный долг. И скажу вам прямо — у меня есть веские причины воевать против большевиков.

Фомин испытал острое желание протереть глаза. За какие-то доли секунды прежний Путт исчез напрочь, и вместо него стоял аристократичный прусский офицер, с которыми он общался в двадцатых годах в Казанской танковой школе. И даже наклон головы гауптмана был такой же — чуточку снисходительный, с определенной долей превосходства. Одеть на него сейчас германскую форму вместо кожанки, вставить в глаз монокль и дать в руки стек — не отличит даже опытный контрразведчик.

И неожиданно Фомин понял — это раньше Путт лицедействовал. Теперь он предстал в настоящей, подлинной шкуре, из которой так и лезла спесь и голубая кровь длинного поколения предков, начиная от рыцарей-крестоносцев Тевтонского ордена братства Святой Марии и кончая лучшими офицерами германской армии времен Садовой и Седана.

«А ведь его отец служил в военной разведке Рейхсвера. А туда брали исключительно офицеров генерального штаба, элиту армии, — запоздало подумал Фомин и покачал головой. — Аристократ гребаный, но каков лицедей, театр по нему давно плачет!»

Только мысли пришлось сразу же отринуть, наступила очередь представлять Шмайсера, и Фомин решил несколько откорректировать его судьбу.

— Оберлейтенант Фридрих Шмайсер. К великому нашему сожалению, из-за морганатических обстоятельств сей доблестный офицер не может носить баронский титул, который мог принадлежать ему по полному праву. Но в своем дружеском кругу мы уже привыкли называть его бароном.

— Большое спасибо вам, барон, — Сухинов искренне, с неожиданной теплотой пожал руку Шмайсеру, даже хотел его обнять, но остановился.

Почему-то Шмайсер всегда притягивал к себе людей, относившихся к нему с искренней симпатией. Понятное дело, что враги не в счет, они имели совершенно иное мнение. Радист же принял новый для себя чин невозмутимо, с уверенностью трудяги-немца, что знает свое дело до мельчайших деталей, но совершенно невежественен в других областях.

Фомину даже показалось, что Шмайсер с нескрываемым облегчением отнесся к своему новому статусу «рыцаря, лишённого наследства». Судя по всему, аристократическая приставка «фон» с баронским титулом, которой щедро по любому случаю в «прошлой» жизни награждал его Путт, сильно тяготила его даже в шутейных разговорах.

— Господа, вы воевали на Восточном фронте или на Западном? — Не успел Сухинов задать этот вопрос, а Шмайсер открыл рот для ответа, как Фомин тут же вмешался.

— Господа офицеры провели всю войну в одной из африканских колоний. И лишь месяц назад прибыли оттуда.

Фомин улыбнулся несколько ошарашенным «немцам», а штабс-капитан, как ему показалось, вздохнул с нескрываемым облегчением. Да оно и понятно — психологически трудно дружить с человеком, который раньше мог воевать против тебя и твоей страны. А так — Африка, она большая, и почти все русские офицеры, за исключением очень немногих, которых можно пересчитать по пальцам, не имели абсолютно никакого представления о том, что же там всю войну происходило. Слишком далек от России Черный континент, да и боев там практически не было, так, гонялись друг за другом по джунглям немцы с англичанами. Какая уж тут война...

— А-а. Вот почему вы такие загорелые. А я-то думал... — Однако капитан не стал излагать свои соображения, пробормотал тихонько, как бы про себя: — Понятно теперь.

Что ему стало понятным, Фомин благоразумно уточнять не стал. Он отправил Шмайсера на переноску трупов, в помощь казаку, Максимову и мальчишкам-кадетам, а сам отошел с Путтом в сторону, за высокий кузов «Бюссинга».

— Не смотри на меня так, Андрей. Вы о жизни в этом времени ни хрена не знаете. Вот и пришлось вас легализовать. Мало того, что германцами стали, так из Африки прибыли, где провели долгое время, а соответственно, отстали от жизни и не в курсе происходящего. И то, что неизбежно вызвало бы подозрения окружающих, сейчас вам сойдет с рук. И еще одно — на гильзах и оружии советская маркировка, а потому отвечайте, если допекут расспросами, что все делается в Германии специально для поддержки большевиков в Москве. Оттого и звезды собачат, клеймо победившего большевизма. Но сие есть тайна, никому не известная. Об остальном молчок.

Фомин сплюнул и настороженно посмотрел кругом. Нет, все занимались делом — здоровые таскали мертвяков в кусты, а штабс-капитан складировал трофейное вооружение и патроны.

— И еще одно. Пусть Шмайсер немедленно займется с офицером — нам нужен опытный пулеметчик к ДШК. С его хромой ногой можно из кузова стрелять, мешать не будет. А ты мальчишками займись — четверть часа дам, не больше. Иди, позови ко мне, дело к ним есть. На повозку усадить надобно, в город отогнать сейчас же. Да, будь построже. Но вначале трупы спрячьте, а я здесь чуток посижу, сердечко колотится, да маленько подумаю — кое в чем приготовиться надо. Меня еще встреча с самим собой ждет.

— Вы хотите их всех взять?

— Да. Императору нужна охрана. Да и «Бюссингу» тоже. Забыл, что нас Чека давно дожидается?

— Не забыл. Запомню, — Путт отмахнулся. — Слушай, Федотыч, что-то ты какой-то смурной? Как будто и не спал сегодня? Все нормально?

— Да! — Фомин наигранно весело улыбнулся. — Все нормально, Андрей! Я в порядке! Иди! Потом поговорим!

— Ладно, пошел я.

Оставшись один, Фомин живо присел на корточки, опершись спиной об железное колесо.

«В гробу я видал такие сновидения! Тьфу ты! — Он потер шею и незаметно поплевал через левое плечо. — Прости Господи! До сих пор кажется, что рот полный волос! Приснится же такая гадость!»

Он быстро скользнул еще раз глазами по сторонам и, убедившись, что за ним никто не смотрит, присел за колесом. Достав из-за пазухи небольшой сверточек, Фомин развернул его и извлек золотой медальон.

— Вот ведь! — он грустно вздохнул. — Кто бы знал, что он мне когда-нибудь пригодится!

Фомин нажал на пружинку и достал из тайника пожелтевший от времени листок. В который раз перечитал, аккуратно сложил назад и бережно убрал в нагрудный карман танкового комбинезона, поддетого под флотский бушлат. Застегнув клапан, Фомин тихонько пробормотал себе под нос:

— Главное — ничего не перепутать...

Часть четвертая
Зов Марены

Глава первая

Пермь, 12–13 июня 1918 года

«Бюссинг» трясся по пыльной дороге, проезжая мимо столь же пыльных домов предместья. В этой части Перми Фомин никогда не был, а потому с любопытством рассматривал окрестности.

Типичный провинциальный город, каких великое множество на бескрайних российских просторах, начиная от Твери и Луганска и заканчивая Иркутском и Хабаровском. Длинные ряды двухэтажных бревенчатых и каменных зданий были чем-то похожи друг на друга, но в то же время имели множество отличий. Затейливая резьба на наличниках, разноцветье входных дверей и добротных калиток в тесаных заборах. Бросались в глаза и остатки той, еще не советской жизни.

Люди, хоть и косились и были боязливы, тем не менее, пока одевались хорошо, без привычной, доводящей до оскотины коммунистической серости и однообразности. Не взяла еще советская власть под свою «опеку» население, не привила им своей новой «моды». Но то ведь люди, а вот множество лавок, кухмистерских и магазинов, режущих глаза до революции своими яркими вывесками и предложениями — типа «Обед как у мамы» или «Покупай бритвы „Жилет“, им износа нет», — выходили на улицу задвинутыми ставнями или насмерть заколоченными досками окнами. Вернейшая примета победившей и устоявшей на ногах советской власти — монополия всей торговли.

И еще одна особенность большевистского режима сразу бросилась в глаза по пути следования — длинный хвост очереди у хлебного лабаза. Стояло больше сотни людей, в основном женщин, подростков и стариков, испуганно прижимавшихся к заборам, когда мимо них пропылили знакомые по всему городу автомобили пермской Губчека.

Глаза ловили нескрываемый страх во взглядах обывателей при виде проезжающих мимо кожаных курток и черных флотских бушлатов. Но порой Фомина обжигали людские взгляды, переполненные яростной ненавистью. Но вот таких противников совдепии, к его глубокому сожалению, было мало. Уж больно редко встречались. Террор коммунистов уже успел сломить горожан...

— Мой дом, Семен Федотович. А вон и повозка с мальчишками. Во двор только въезжает. Догнали мы их, успели, — Иван Трофимович, хоть несколько подрастерял в дороге угрюмость, был не улыбочив.

Подъехав к двухэтажному кирпичному дому с запыленными окнами, он остановил грузовик, но глушить двигатель не стал. И тут же вышел из машины. Фомин пристально посмотрел ему в спину, следом за Максимовым пошел выпрыгнувший из кузова Шмайсер, сменивший флотский бушлат на кожанку. Он выглядел вальяжно и грозно. Да еще с кобурой маузера через плечо. Водитель хоть и не внушал ему больше опасений, но предосторожность была не лишней.

Но все обошлось как нельзя лучше. Выскочившая во двор женщина в наспех наброшенном платке выслушала мужа молча, только кивала, глядя на увесистый кулак супруга. Максимов показал ей на повозку, потом сунул в руки заранее приготовленный сверток, на секунду прижал женщину к себе и тут же пошел обратно к машине.

Следом за ним поспешили спрыгнувшие из повозки кадеты, последним чинно вышагивал Шмайсер, показав Фомину отогнутый большой палец — «все в полном порядке, водитель ничего лишнего жене не говорил».

Фомин облегченно вздохнул — одной проблемой стало меньше. Он сделал все, что мог. В свертке позвякивало четыреста золотых рублей, но не это было главным. В портфеле Мойзеса оказались незаполненные мандаты чрезвычайной ценности — московской ВЧК и пермской Губчека, со штампами и печатями. Видимо, покойный Мойзес, не к ночи будь помянут, имел немалый вес в ведомстве Дзержинского, раз ему выдали подобный карт-бланш в полном комплекте.

А потому на капоте автомобиля Максимов собственноручно выправил своей семье подорожную с требованием ко всем советским и военным властям оказывать содействие семье сотрудника ЧК. И своему соседу также выписал мандат принадлежности к этой зловещей организации.

Подпись покойного Мойзеса великолепно скопировал Попович с одного имеющегося у них образца требования. И так казак это ловко сделал, что Фомин от настоящей отличить не мог. И пришел к весьма обоснованному выводу, что с урками станичник не только общался, но и различные стороны их преступного ремесла осваивал.

Кроме того, семья водителя получила полную повозку всякого добра, что рискованные крестьяне обменяли в городе на продукты. Однако радости им коммерция не доставила — в овраге Попович нашел три трупа незадачливых селян, раздетых до исподнего и расстрелянных караульными без суда, как спекулянты и контрреволюционеры. Хлебная монополия советской власти страшная штука, и коммунисты шутить не любили...

«Бюссинг» взревел мотором и тронулся, гремя железными ободьями. Фомин оглянулся, отодвинув рукой тент, и тут же встретился с большими глазами Маши, что прижалась к доскам кузова. Девочка держалась хорошо, почти как старый солдат. С одной стороны, это было здорово: не хватало еще сейчас с ней возиться! И оставить ее не было возможности, и няньку выделять желания не имелось.

С другой стороны, такая реакция несколько настораживала Фомина. Нормальная психика в такой ситуации должна была вести себя иначе: либо протрация, либо истерика, сопли, вопли. Маша сидела молчком, отрешенно смотрела, только пальчики до побеления костяшек сжимали пистолет.

«Ладно! Дальше видно будет! — Фомин ободряюще улыбнулся, тронул пальцами теплую девичью ладошку. — Главное, чтобы ее не отпустило в самый неподходящий момент! Надо будет Путту сказать, чтобы за ней приглядывал. Но он и так все понимает».

Маленький отряд за эти часы вырос вдвое. Как Фомин и предполагал, и штабс-капитан, и кадеты напросились к ним, и он принял их, хотя Шмайсер уговаривал не губить мальчишек, ведь мало ли что в бою бывает. Но отказать не смог, каждый желающий бороться с оружием в руках против большевиков должен иметь право на это, невзирая на пол или возраст. А смерти никому не миновать. И если на роду написано — ведь сегодня чекисты могли спокойно расстрелять всю эту троицу, схваченную на посту.

Лишь одно обстоятельство несколько успокаивало Семена Федотовича — парни умели стрелять из винтовок и наганов, отбыв в прошлом году краткие военные сборы в летнем полевом лагере. Все же кадеты, знакомые с военным делом и воинской дисциплиной, не какие-то гимназисты слюнявые.

Мальчишек переодели в солдатское обмундирование, нацепив красные банты милиционеров — одурманенной революцией молодежи было достаточно много на службе у чекистов. Такова молодость с ее революционным угаром и страстным желанием разрушить старый и отживший, по их мнению, мир.

Ломать — не строить, крушить всегда легко. Но вот созидать молодежи трудно, тут терпение и умение надобно, а этого юность почти не имеет. Вот потому-то подалась в

революцию часть молодежи, что не училась приносить реальную пользу — будущие юристы и разного рода гуманитарии, что ценили способность чесать языками, но отнюдь не работать руками.

Однако значительная масса студентов, гимназистов и реалистов встала в ряды белых бойцов, отстаивая свое право на свободу и честь, на защиту семьи, отринув коммунистическую демагогию и террор.

На кадетов красная агитация практически не действовала — воспитанные в идеалах служения и жертвенности, они поголовно встретили советскую власть резко отрицательно и при первой возможности боролись против нее с оружием в руках. А потому он в Сергее и Дмитриии, которые уже выполнили его первое поручение, не сомневался. Однако Фомин не запомнил, к великому стыду своему, их фамилии, а также название кадетского корпуса, где парни учились. И тут же дал себе зарок, что, как только все окажутся в надежном месте, он немедленно исправит это досадное упущение...

Здание лучшей в Перми гостиницы Фомин узнал с первого взгляда — «Королевские номера» выделялись помпезностью. Вообще-то они изначально назывались «Королёвскими», по фамилии купца, что построил эту гостиницу.

Но о купце как-то сразу подзабыли, хотя он и сейчас был жив и здоров, а в названии буква «ё» потихоньку превратилась в «е». По крайней мере, так ему объяснили в свое время местные обыватели.

Фомин сжал ладонью плечо водителя, и тот не подвел — затормозил, не доезжая до поворота дороги десятка саженей и не загородив при этом проезд. Красивое здание «Королевских номеров» располагалось почти напротив, наискосок за перекрестком.

С «Бюссинга» были прекрасно видны шикарные парадные двери гостиницы и весь фасад здания. Но вот сам грузовик выставлял для обозрения только скуластый лоб с мотором, кабину да часть кузова под серым брезентовым тентом. Все остальное было надежно скрыто от случайных взоров постояльцев кирпичной стеной.

Фомин лихо выскочил из кабины и, скрипя новой кожаной курткой, снятой с убитого Игнатьева и тщательно отмытой от следов крови, пошел по тротуару целеустремленной походкой. Да и никак иначе чекисты просто ходить не могли — были заняты вечным поиском врагов революции. Но его целью сейчас была не гостиница, где проживал император, а каменный дом напротив, хозяин которого сдавал в наем комнаты жильцам. И если ничего не изменилось, то на втором этаже он сейчас встретится с отцом и с самим собой. Последнее обстоятельство изрядно напрягало, больно выглядело невероятным и неправдоподобным. Просто в голове никак не укладывалось, что он будет говорить сам с собой.

А потому Фомин испытывал сильнейший дискомфорт и в глубине души ожидал неприятностей. Ведь могло случиться так, что в момент его перехода из 1943 года в 1918 год он сам, но девятнадцатилетний, мог умереть...

Прежде чем свернуть за угол, Фомин оглянулся. Попович притулил кабриолет за тяжелым грузовиком, надвинул на лоб кепку с прицепленными автомобильными очками и весьма правдоподобно стал изображать ленивого шофера, терпеливо ожидающего своего припозднившегося начальника.

Заветной мечтой шоферюги в любые времена и при любой власти в таких случаях был перекур с дремотой минуток на двести. Примерно так же вел себя и Максимов, да и чего им было опасаться — кожаные куртки чекистов вкупе с авто всесильной Губчека сами по себе были нешуточной угрозой.

А вот остальных сотоварищей не было видно за плотно натянутым брезентом, но Фомин знал, что в данную минуту шесть человек наблюдают за обстановкой через многочисленные

цели и прорехи, и особенно надзирают за гостиницей. И не просто смотрят — в любую секунду могут пустить в ход для его защиты оружие.

Хоть до злополучных одиннадцати вечера еще оставалось чуть больше двух часов, а именно в это относительно позднее время и увезли Михаила Александровича, но нужно бдить и бдить — мало ли что может в ущербную голову царевубийцам ударить.

Время сегодня подозрительно долго тянулось. Сумасшедший день, начавшийся, по сути, еще далеко до рассвета, никак не мог закончиться.

До полудня возились с Мойзесом и его бандой. Затем Маша настояла на том, чтобы они похоронили ее брата и отца. Фомин даже не стал ей перечить, глядя, как она, упрямо поджав губы, вытребовала лопату и сама направилась в лесок. Считай, еще пара часов прошла, а то и больше. Еще пара ушла на то, чтобы отмыться после шахты и пообедать на скорую руку.

Он рассчитывал выставиться к гостинице пораньше, отведя достаточное время для разговора с отцом. В принципе, из графика они пока не выбивались: командирские натакали аккурат девять вечера. Пока все шло по плану. Одна только мысль тревожными молоточками звенела в мозгу: покойный Мойзес (как великолепно звучит это слово применительно к чекисту) мог обговорить точные сроки своего возвращения. Потому внешняя молчаливость их машин была обманчива — в любую секунду тишина могла взорваться смертоносным грохотом трех пулеметов, не считая автоматов и пистолетов. Да и Путт был из тех офицеров, что примут все меры, какие будут считать нужными. Тут можно доверять полностью его боевому опыту, особенно столь специфическому.

Вроде клялся Мойзес усердно, как пионеры у Вечного огня, и Фомин стращал его мыслимыми и немыслимыми карами, но оставалось гадостливое ощущение того, что что-то он упустил, как в глупой загадке про А и Б.

«А упало, Б пропало... — Фомин как можно незаметнее поправил ремень ППС. — В чем же он меня кинул, гад? Не может все так гладко идти!»

Автомат со сложенным прикладом и отстегнутым магазином привычно устроился на боку и давил на плечо чувствительной тяжестью, но зато был надежно прикрыт от чужих глаз длинной поллой куртки. Фомин вздохнул и решительно пошел к входной двери памятного по той жизни дома.

Теперь нужно было делать морду тяпкой и живо проследовать на второй этаж. Препятствий Фомин не видел — дурака нет, чтоб чекиста останавливать. Впереди его ждала встреча, та, которой просто не могло быть и отстрочить которую было невозможно.

Язычок замка не устоял под нежным прикосновением стального лезвия. Раздался щелчок, дверь приоткрылась. Он ухмыльнулся — в таких снимаемых квартирах следует опасаться не воров, а прислуги, которая может обчистить постояльцев почище любых урок.

Однако, как он знал по прошлому опыту, эта комната была для всех табу, прислуга стерегла ее, подобно недремлющим церберам. Ими был усвоен наглядный урок — троих любопытствующих чекисты загребли, и бедолаги с концами канули в подвалах семинарии. Остальных строго предупредили, что в случае чего разбираться не станут, а расстреляют всех чохом.

А потому Фомин не спеша поднялся на второй этаж при полной пустоте — при виде угрюмого чекиста боязливая прислуга попряталась, только зырякая ему взглядами в спину.

Случайно вышедший из номера постоялец, с ходу уткнувшись животом в холодное железо оружия, появившееся из-под полы куртки, испарился быстрее кусочка льда, брошенного на раскаленную плиту. Стоило постоять в коридоре пару минут, как вокруг наступила мертвящая тишина.

Разбухшую дверь он открыл привычным способом: чуть поддел вверх и толкнул — руки

сами вспомнили опыт четвертьвековой давности.

В ноздри сразу ударил непередаваемый запах отхожего места, насмерть прокуренного заведения и помойных нечистот. Темная прихожая, площадью едва в четыре аршина. Справа настежь открытая дверь ватерклозета, именно оттуда шел аромат амбре и журчание воды из прохудившейся медной трубы.

Однако это был самый лучший двухкомнатный номер во всем заведении, оборудованный собственным туалетом и не приносящий хозяину никакой прибыли, а сплошные убытки. Хотя это не совсем так, вернее, совсем не так. ЧК великодушно оставило ему жизнь и право вести коммерцию остальными номерами, а это перевешивало любые траты. И чекисты не были внакладе — напротив временного пристанища последнего императора они разместили в комфортных условиях товарища Ольрихт, комиссара особого отдела ВРК, прибывшего из Москвы.

Но хоть высокая должность была связана с именем мужского рода, комиссаром была женщина — лишенная не только намек на женскую красоту, но и на женские морально-нравственные принципы, с вечно зажатой во рту папиросой, алкогольным запахом и черными кариозными зубами. К этой прыщавой дылде с сальными волосенками и грязными обкусанными ногтями они с отцом и были приставлены в качестве адъютантов и телохранителей.

Понятие «телохранитель» слишком фривольно понималось бабой в кожанке. Единственный вывод, который она сделала, лицезрев обоих Фоминых, заключался в том, что они прилагались не только к ее высокой должности, но и к ненасытному телу. Эту уродину они с отцом ежедневно «окучивали», работая «стахановским», как позже было принято говорить, темпом. Жутко противно, стыдно до сей поры, до ломоты зубов, но зато Фомины получили возможность постоянно наблюдать за «Королевскими номерами», следить за Михаилом Александровичем.

Именно сегодня вечером они «тогда» и прошляпили императора. За полчаса до приезда чекистов комиссар утащила их на пристань, где грузились на пароходы латышские стрелки, матросы и красногвардейцы. Эти отряды направлялись под Уфу, где красные войска с трудом отбивали атаки отрядов белогвардейцев и чехов. Она захотела посмотреть, видите ли, а они не могли отказаться. Зато теперь у них есть еще один шанс успеть спасти, есть...

Он тихо подошел ко второй двери, что напротив входа. И бесшумно открыл ее, зная секрет — чуть надавить тонкую филенку вниз. Комната была небольшой, почти без мебели. Шкафчик, продавленный диванчик и креслице. Центральное место занимал кухонный стол с разложенным, невыносимым не только в эти да и в более поздние времена, пиршеством.

Вся столешница была заставлена без остатка консервными банками, целыми и вскрытыми, стаканами, множеством тарелок с различной снедью, надкусанными кусками хрустящего, с подгоревшей корочкой, хлеба. Бутылки стояли в изрядном количестве, с яркими этикетками — вино и французский коньяк, а не какой-нибудь мутный самогон.

Комиссар жаловала только благородные алкогольные напитки, которые употребляла в невыносимых и для нормального мужика количествах, при этом оставаясь практически трезвой, как малосольный огурчик. К тому же закуска была соответствующей по качеству и количеству.

Эта пуританствующая особа с моральным обликом портовой девки имела всего две слабости — первая располагалась на столе, а вторая происходила в соседней комнате, откуда доносилась недвусмысленная возня, слышимая даже через плотно закрытую дубовую дверь. Скрип и стоны продолжались еще с минуту, и после особенно отчаянного женского крика установилась полная тишина. Потом раздался голос, но не размягченный любовными играми, а строгий донельзя, с командирской интонацией:

— Товарищ Федот, идите и подкрепитесь, через четверть часа мы будем собираться. Нам надо ехать на пристань, посмотреть отправку латышей и моряков. Автомобиль прибудет за нами

через тридцать минут. А вы, товарищ Семен, ваша очередь! Будем применять на практике методы французских товарищей! Вы Коминтерн разве не уважаете?

— Зачем, товарищ Ольрихт?! — изумленный юношеский голос заставил его сердце быстро забиться в груди.

Это был он сам, только молодой. И Фомин тяжело вздохнул — это был его мир, а не другая реальность, о которой ему когда-то толковал полупьяный философ в прокуренной комнате.

— Разве так можно? Это противоестественно! — недоуменный юношеский голос заставил вздрогнуть.

— В революции все естественно, товарищ Семен! Ложитесь на спину немедленно! — После этих слов он мучительно покраснел.

Помимо воли Фомин вспомнил, что она с ним тогда сделала, вернее, еще только сделает. Подарит ему блаженство со жгучим стыдом и лютой ненавистью, что будет терзать всю дальнейшую жизнь.

Послышались шаги, и он вжался в стену рядом со шкафом, прикрываясь им. Дверь закрипела и отворилась, в комнату вошел почти голый мужик, из одежды на котором были потрепанные, многократно стиранные подштанники. Но вот заметный шрам на спине был знаком с детства — отец истово перекрестился и негромко сказал:

— Господи, Отец Небесный! Прости мне это прелюбодеяние, отвратное для души и тела.

И тут Фомин шагнул из-за шкафа, правой рукой прижал отца к себе, левой зажал рот и негромко сказал на ухо:

— Тихо, Федоня, не пужайся. Свой я, братка твой старший. Живой я, не пужайся. Да тихо ты!

Даже напрягшиеся мышцы не удержали стремительно рванувшегося к окну отца. Слава Богу, хоть не заорал, сдержал крик. Отец развернулся и, судя по переливающимся под кожей мышцам, был готов к любой неприятности.

Прошла пара секунд, и отец смертельно побледнел. Потом стал яростно налагать на себя крестное знамение, выпучив глаза.

— Господи, помилуй мя грешного! — чуть слышно взвыл отец. — Сгинь, сгинь, морок братки моего усопшего!

— Да не сгорел я, брат! — Фомин размашисто перекрестился, расстегнул ворот, достал крестик и поцеловал его. Затем тихо сказал:

— Живой я, только не мог дать о себе весточку все эти долгие годы! На то завет было положено!

Все еще бледный, отец сделал несколько шагов и приблизился к нему. Постоял рядом, цепко осмотрел с головы до ног, только после минутного замешательства решился и медленно коснулся ладонью щеки.

— Теплый! — еле слышно произнес старший Фомин и уже громче, с нескрываемой радостью в голосе сказал: — Живой ты, братка. Живой! Я так ждал тебя...

Он крепко обнял, прижался щекой к щеке. Фомин испытывал странные чувства — встретить отца заново было для него сильной радостью. Но в то же время он не мог назвать себя сыном, ибо там, за стеной, еще один Сенька лежал на кровати, только совсем еще юный.

Да и сейчас он, сын своего отца, был старше бати по возрасту — такое не могло прийти ему в голову даже в самом лихорадочном бреду.

— Ты в окошко-то глянь, братка. А то о деле своем забыл! Ты зачем в Пермь приехал? — голос Фомина потерял теплоту и стал строгим.

Но он знал, что делает, и считал это наилучшим вариантом. Отец сразу разжал объятия, посмотрел на Семена Федотовича очень странным взглядом и, подпернув руками сползающие

подштанники, подошел к окну.

— Если бы ты амурами не занимался, а смотрел в окно, как всегда, с кресла и с папирсой в левой руке, то увидел бы, как я подошел сюда.

— Ты чекист?!

Отец словно сейчас увидел кожаную куртку, незнакомое оружие в руке. Все его тело тут же подобралось, глаза метнули взгляд к одежде, сваленной в груды на диване, к двум винтовкам, что стояли за его спинкой, как в пирамиде. И тихо добавил:

— И откуда тебе известно про мои мысли?

— Это маскарад, — тихо произнес Фомин, — за углом стоят автомобили, а в них сидят мои офицеры. Такой черный «Бюссинг», знаешь? А что касается мыслей, так тебя на свете еще не было, когда я многое понимать начал, там, на болоте. Или тебе дед с отцом не рассказывали, у кого я в обучении долгие годы был?!

— А где Мойзес со своими матросами?

— Перебиты моим отрядом на старом Ермаковском руднике, где скидывали трупы убитых в Губчека.

— Значит, там. А я думал... — отец не договорил и помрачнел. По его щекам заходили желваки.

— Некая птица тоже думала, только в суп попала. Если еще будешь думать, братка, то царя сегодня прошляпишь. А ведь именно сегодня вечером чекисты хотят вывезти Михаила Александровича в Мотовилиху и там сжечь в печи. Понял?

— Понял. А кто ты сейчас, братка, ежели твои офицеры в авто сидят?

— Подполковник. А ты, старший унтер-офицер Фомин, забыл о долге и присяге, раз перед штаб-офицером в грязных подштанниках стоишь. В них и пойдешь государя нашего вызволять или хочешь с этой прыщавой шлюхой здесь остаться? Встать, как положено!

Суровый приказной тон словно хлестнул отца по ягодицам — пятки старого служивого тут же сошлись вместе, руки застыли, вытянувшись вдоль тела, подбородок вскинулся вверх.

— Товарищ Федот! Вы с кем там говорите? Один пить вино не можете? — Визгливый женский голос в сочетании со шлепаньем босых ступней об пол заставил Фомина отшатнуться за шкаф. Комиссар явно хотела выйти из комнаты, и не дай Боже с наганом в руке. Потому что выстрелы могли спутать все его планы.

Но Ольрихт, распахнув дверь настежь, ворвалась в комнату нагая, кипя недовольством. Однако слово «нагая» не всегда означает «прекрасная». Ее дряблое прыщавое тело было безо всякого намека на природные женские округлости — костлявые ягодицы, словно обглоданные голодной собакой мослы, выпирающие ключицы и впалые, чахоточные ребра, дурно пахнущие подмышки, заросшие почти мужской растительностью и отвисшая, дряблая грудь, напоминавшая собачьи соски, вытянутые многочисленными щенками.

— Ой... — крик захлебнулся под ладонью Фомина.

Дальнейшее произошло произвольно. Накопившаяся с годами ненависть к ней выплеснулась с хрустом ее шейных позвонков. Руки сами, без приказа, свернули комиссару голову набок.

Обмякшей тряпичной куклой женщина рухнула на пол, уставив в потолок выпученные глаза. Фомин медленно достал из кармана белый платок, тщательно и брезгливо отер им свои руки. Затем бросил его на пол, словно грязную ветошь.

Именно это убийство, совершенное без всяких слов и проявления ненависти, полностью привело отца в нормальное состояние, и его глаза приобрели привычное выражение. Покойный брат оказался не мороком или чекистом, а вполне нормальным человеком, пусть и волхвом, и штаб-офицером к тому же — только их настоящее благородие могло так поступить с платком.

Тем более исполнившим его заветную мысль — свернуть этому комиссару из ЧК шею. И это не мистификация — раз она мертвее мертвого, а на покойников старый служака насмотрелся, то воскресший брат тот, за кого себя выдает. Ибо за эту тварь вся пермская Чека на дыбки завтра встанет и начнет землю рыть носом, лишь бы ее убийцу поскорее отыскать.

— Забери одежду и оружие. Оденьтесь там, но помойтесь обязательно — от вас запахом шабаша разит. Ее в ватерклозет положите — пусть думают, что поскользнулась пьяная и голая, шею себе свернула. И племяшу все объясни. Ясно?

— Так точно!

— Тогда выполнять!

— Есть!

Четкие команды полностью привели бывшего унтер-офицера в себя — отец схватил одежду, сапоги и оружие в одну охапку и бросился в спальню. И оттуда послышался неразборчивый шепот — батя коротко и емко рассказывал сыну о случившемся.

Фомин подошел к окну и рванул на себя створку с грязноватым стеклом. Пыльный нагретый воздух хлынул в прохладную комнату, и он поморщился. Но лучше пусть будет воздух улицы, чем вонь этого комиссарского борделя.

Раскуренная папироса несколько улучшила его настроение. Фомин с улыбкой посмотрел на стоящую напротив дома гостиницу. Заветная цель была близка, очень близка, и машины с его людьми были наготове совсем рядом. И времени на подготовку было не меньше часа, чтобы достойно встретить цареубийц и вывезти на дальнюю заимку императора. Они успели вовремя, и в этом он видел Вышний промысел...

Но стоило ему вспомнить про это, как послышался дружный цокот копыт и стук колес по камням мостовой. У парадных дверей в «Королевские номера» встали друг за другом две пароконные повозки, вид которых очень не понравился Фомину.

Первая была обычной пролеткой, зато вторая являлась добротной артиллерийской повозкой, под тентом, и лошади были ей под стать — крепкие и сытые. У него защемило сердце — такая повозка могла прибыть только с Мотовилихи, где дымил трубами орудийный завод. И где сжигали в печах замученных и убитых в Чека...

Пятеро военных сразу ему не понравились — хоть они и были только в гимнастерках, но уверенные жесты и хозяйский вид прямо-таки вопили об их чекистской сущности, несмотря на отсутствие привычных кожаных курток и маузеровских кобур. Двое приехавших шустро прыгнули с повозок и быстро зашли в гостиницу, по-хозяйски хлопнув дверью. Двое других чекистов остались сидеть на козлах, держа в руках вожжи, а пятый отошел в сторону, бросая по сторонам настороженные взгляды. Очень нехорошо смотрел, как бандит, что в темном переулке подкарауливает свою жертву.

— Прошлый раз этого не было, — чуть слышно пробормотал Фомин. — А сейчас они приехали на час раньше. Или сменили планы из-за длительного отсутствия Мойзеса?!

Глава вторая

Подъехавшие к «Королевским номерам» пароконные повозки Шмайсера не то чтобы насторожили — шерсть что называется встала дыбом на загривке. В них сидели четверо уверенных в себе людей, да еще пятый подошел к ним и подал какой-то знак рукой.

Двое одетых в гимнастерки, с кобурами наганов на ремнях, пошли в гостиницу без промедления. Пара других осталась сидеть на козлах, держа вожжи в руках и бросая по сторонам настороженные взгляды.

Пятый, по всей видимости, руководитель прибывшей группы, отошел за вторую повозку, и от глаз Шмайсера его сразу скрыл брезентовый тент. Это особенно пришлось не по нраву. У него сразу возникло стойкое ощущение, что из гостиницы хотят вывести кого-то неузнанным, для того и тент натянут над повозкой.

— Они хотят увезти императора! — шепот Путта обжег ухо.

Капитан отодвинул брезент и тихонько спросил Максимова, который продолжал делать вид, что старательно чинит мотор.

— Трофимыч, кто эти люди? Знаешь их?!

— А как же, — в голосе водителя звучала ненависть. — Их чуть ли не вся Пермь знает. За повозку ушел товарищ Мясников, видный большевистский работник. Еще в первую революцию здесь всем заправлял, от террора до эксов. На козлах сидит Марков, тоже большевик немалый, вроде из ВРК. Из Мотовилихи он, и повозка тоже. Артиллерийский фургон, заводской. А на первой повозке Иванченков, помощник начальника пермской губмилиции.

— А в гостиницу кто зашел?

— Заправила из Мотовилихинской милиции, товарищ Жужгов, а с ним чекист Колпащиков. Правда, зачем-то куртку с себя сегодня он снял, а ведь всегда ее носил, новую, скрипящую.

— Федюня, а ведь крупные вороны не зря слетелись! — тихо прошипел Путт. — Чует сердце, за кем. Надо действовать, ведь Фомин и опоздать может. Мало ли что у него там произойдет, а эти раньше срока пожаловали.

— Зачем говоришь? И так все ясно. Надо за теми в гостиницу идти, упускать их никак нельзя. Они могут в любую минуту по телефону отряд на подкрепление сюда вызвать.

Путт на минуту задумался, старательно морща лоб. Потом тихо сказал, чуть протягивая слова:

— Риск большой. Без рекогносцировки, не зная числа противников, их дислокацию, возможные действия? Авантюра чистой воды, наши маскарадные кожанки здесь не помогут.

— Пьяными матросами туда зайдем и фактор отвлечения задействуем, — Шмайсер кивнул на притихшую в углу Машу.

— А это дело! — оживился гауптман и обратился к кадетам: — Ребятки, быстро перепоясали гимнастерки ремнями да кепки нахлобучьте. В карманы патроны сыпьте, в кобуры револьверы засуньте. И кепки на лоб сдвиньте, уж больно у вас лица не пролетарские и года молодые. Но как только мы за угол выедем и этих тихо пристрелим — тела в кузов закидывайте, а сами на козлы вместо них устраивайтесь. Ясно, господа кадеты?!

— Так точно, господин капитан! — в один голос отозвались мальчишки, глядя восторженными глазами на Путта.

— Хорошо. А вы, Илья Антонович, берите «Льюис» с дисками и сейчас усаживайтесь в кабриолет Поповича. По нашему сигналу трогайтесь первыми, за последней повозкой остановитесь. Там большевик притаился. Пристрелите его из «глушителя» и в фургон закиньте. Но лучше живым его взять, язык нужен, мужик явно трусоват, если по походке судить. И

помните — Попович для вас старший, вы выполняете его приказы, пока господин подполковник не подойдет, — Путт дернул плечом и повернулся к мальчишкам.

— Господа кадеты, вы готовы? Тогда прыгивайте и за углом вставайте. Как наша машина тронется и повернет, за ее корпус прячьтесь, пока мы этих не уберем. Действуйте!

— Есть, господин капитан, — мальчишки уже надели ремни, сложенные на ящики, сунули в карманы несколько десятков патронов, перепоясались кобурами, схватили по паре револьверов и выпрыгнули из кузова.

— Вы, Илья Антонович, чуть что — прикройте нас огнем «Льюиса» с кабриолета. А если жарко тут станет, то перебирайтесь на «Бюссинг» обратно и с ДШК лупите. Лента уже вставлена. Освоили технику?

— Так точно, герр гауптман! Хотелось поскорее опробовать его в деле! — штабс-капитан посмотрел чуть ли не умоляюще.

Он оказался под стать Шмайсеру — полчаса отдыха эти двое провели за изучением крупнокалиберного пулемета. Причем Федор, обоснованно считавшийся специалистом, вскоре признал, что русский офицер освоил ДШК более чем успешно, вот только пробных стрельб провести не могли по понятным причинам. Грохота от него слишком много, все окрестности на уши поднять можно.

— Опробуете! Но сейчас берите «Льюис» и идите к Поповичу. Там ваше место. На вас надеюсь, не подведите. Царя ведь для России спасаем.

— Не подведу, господин капитан! — Сухинов четко козырнул, прижав ладонь к кепке, взял пулемет и, отодвинув полог, спрыгнул с машины.

— Маша, вы можете нам помочь? Дело о жизни или смерти Российского императора Михаила Александровича! — Путт был несколько смущен, но губы решительно сжаты.

— Конечно, для того я с вами и поехала, — тихим голосом ответила ему девушка. — Что мне надо сделать?

— Мы пойдем вместе в гостиницу под видом пьяных матросов и... И не менее пьяной, полураздетой шлюхи. Если будут препятствовать, то разыграем спектакль. Якобы желаем посмотреть на императора, коего будем называть Мишкой, а вы хотите вступить с ним в соитие...

— Вы что? Это как понимать? Вы в своем уме? — даже в сумрачном кузове было видно, как багровый румянец запылал на щеках девушки и стал охватывать ее шею.

— Видите ли, барышня, но вид обнаженной женской груди или бедер действует на любого мужчину отвлекающе, — голос Путта был холоден и деловит, без малейшей эмоциональной окраски.

— А чекисты тоже люди, и, пока они будут пялиться на ваши прелести, мы со Шмайсером сможем бесшумно их перебить. Они не должны начать стрельбу, ведь другие сразу поймут что к чему и застрелят его величество. Но я не могу настаивать или приказывать вам. А потому мы пойдем с Фридрихом вдвоем. Барон, я сейчас переоденусь, и вы приведите свою флотскую форму в надлежащий вид. Бескозырку себе по имечку подберу, а ты уж другую возьми, «императором» побудешь у нас.

— Господа! — голос девушки чуть дрогнул, и румянец сменился на щеках бледностью. Но закончила Маша уже решительным тоном: — Я пойду с вами. Скажите только, что надо мне делать?

— Надеть свое платье на голое тело — тогда ваши прелести будут видны яснее. Оно чуть помято, но так еще лучше. Голос должен быть чуточку развязан, взгляд похотлив. Руками иной раз хватай барона за интимные места, целуй его — вы ведь любовники. Ладно. Давайте переодеваться, а там прорепетируем разок и пойдем.

Путт быстро скинул с себя чекистскую униформу, натянул тельняшку на голый торс, затем надел брюки и форменку. Присев на ящик, зашнуровал на ногах грязные ботинки, просунул руки в рукава бушлата и нахлобучил на голову бескозырку.

Шмайсер тоже переоделся, но зачем-то разорвал на груди форменку и тельняшку чуть не до пупа, выставив на всеобщее обозрение татуированную синей вязью грудь. Оба засунули за ремни парабеллумы и прикрыли их полами бушлатов. На плечо каждый повесил по кобуре с маузером, а в рукава и за голенища пристроили ножи.

Переодевались быстро, привычно, то и дело натываясь в тесноте друг на друга, иногда касаясь нагой девушки. А та, без стыдливости, с нескрываемым удовольствием скинула с себя всю чекистскую одежду и, молочно белея тугим красивым телом, спешно надела помятое платье. Поправила его на себе и провела ладонями по бедрам.

— Молодцом! — кратко констатировал Путт и уверенными движениями порвал на ней платье, сделав глубокое декольте и длинный разрез на бедре. Девушка от неожиданности вскрикнула, попыталась прикрыть обнажившуюся грудь ладонями. Щеки снова запылали багровым румянцем, но вот только гауптман был деловит, прямо не мужчина, а живой механизм. Путт набросил ей на плечи бушлат и закрепил его английскими булавками.

— Тут подкладка разрезана, я за нее маленький браунинг, чисто дамское оружие, поставлю, вот так, — капитан закрепил пистолет, спокойно касаясь локтем ее груди. — А потому, Маша, руку сильно не отводи в сторону, а то пистолет видно будет. И так его на сторонку перекосило, но то в глаза не бросится, ибо тогда твоя грудь лучше обнажается и взгляд притягивает. Но ты будешь стрелять только тогда, когда наши дела швахом пойдут, никак не раньше. Маленький пистолетик как раз есть оружие революционной барышни в это нелегкое время, так что никто не удивится.

Путт шагнул назад, с видом художника посмотрел на преображенную девушку. И сделал последний мазок на свою картину — зачерпнул ладонью с пола несколько соломинок и перепутал их с русыми распущенными волосами.

— Я для тебя Андрюха, или Дрюня. Барона зови Федькой, Федюней, кобельком и прочими именами. Ну а мы тебя будем кликать Машенькой, красавицей и прочее. И импровизируйте, импровизируйте! Не забывайте, что вы пьяные. Да, кстати, где тут матросское добро, что Мойзес им привез на обмывание, мать их, твоей, Маша, невинности?

Путт порывлся немного, затем открыл коробку и вскоре достал из нее бутылку темного стекла. Весело, но тихо засвистел, глядя на яркую этикетку с французским текстом.

— Коньяк! Старый, выдержанный! Для скотов, что самогон от водки не отличат. Глотнем по разочку и обрызгаем наши одеяния для адекватного запаха и вящей правдоподобности. И пару-тройку бутылок с собой возьмем для антуража.

Они сноровисто раскупорили бутылки, и три авантюриста приложились к горлышкам, причем поперхнулся и закашлялся только Шмайсер, а отнюдь не Маша, которая быстро сделала два больших глотка, а потом побрызгала на себя из бутылки.

— Так, а теперь изобразите любовные ласкания. Гладьте там друг друга, целуйтесь, что ли, — Путт принял позу завязанного режиссера, сверля взглядом «влюбленную» парочку. Неожиданно для него за какую-то секунду Маша совершенно преобразилась — невинная девушка куда-то исчезла, зато вместо нее появилась прожженная шлюха привокзальных кварталов.

И взгляд стал соответствующим — похотливым и стервозным. Девушка провела кончиком розового языка по губам, крепко прижалась к опешившему Шмайсеру, положив левую ладонь на ширинку и глядя правой ладошкой по небритой щеке.

— А корешок у тебя ничего, матросик. Загонишь свой блудень мне под маленькие

булки? — Голос был с такой завлекающей хрипотцой, что выдавший виды Путт ошалело раззявил пасть, а радист просто остолбенел.

Маша взяла руку Федора, положила на тугую грудь, сдавив ладонью его пальцы. Другой рукой она обвила шею Шмайсера и впилась в губы поцелуем, крепко, взасос, с причмокиванием. И так была горяча, что тот помимо воли принялся отвечать на ее ласки...

— Все! Все, все, достаточно! А то увлеклись. Генуг, — Путт прошипел восторженным голосом. — Ученого учить — только портить. Смотри, Федя, не подведи. Актер из тебя хреновый, а вот любая женщина актриса от рождения, было бы у нее желание. Маша, веди партию ты, отвлекай на себя внимание. Ты у нас молодец. Слушай, а откуда ты это знаешь? Ведь ты же...

— Да, я девственница, это верно. А откуда знаю... У нас, Андрюша, в гимназии такая шутка ходила. Однажды три подружки гимназистки собрались на девичник, о сокровенном поболтать, девичьими тайнами меж собой поделиться. А утром сторож обнаружил в шкафу тело гусарского поручика, который спрятался, чтоб девушек подслушать. И умер там, бедолага, от разрыва сердца, сгорел от стыда. Пошли уж, любовнички...

* * *

— Анисим Кузьмич, кто это? Чекисты?! — женщина лет сорока, с большими серыми глазами испуганной насмерть газели, тихим голосом спросила у старика-швейцара, что стоял у парадной двери.

Выразительный вид был у деда, одетого в потрепанную ливрею с остатками былой роскоши — на черной ткани кое-где еще виднелись желтые нитки от споротых золотых позументов. Расчесанная надвое седая борода начальственно спускалась на широкую, отнюдь не стариковскую грудь, а плечи были привычно развернуты, словно старик всю свою долгую жизнь служил в лейб-гренадерах. Выправка воинская на всю жизнь остается, если долгими годами службы вбита. Даже блеклые глаза швейцара отсвечивали былой властью строгого и властного фельдфебеля, что держал в своем мозолистом кулаке всю роту.

Дрожащий женский голос вывел отставного служивого из размышлений. Швейцар бросил осторожный взгляд на насупившегося милиционера, что стоял вместо коридорного и со скукой на прыщеватой роже непринужденно сплевывал на ковровую дорожку.

Лицо Анисима Кузьмича на секунду скривилось в презрительной гримасе. Служака, мать его за ногу, в винтовке грязь сплошную развел, о чистке оружия понятия не имеет. И держит ее как дубину. Ох, попал бы он в его роту лет тридцать назад, да на своей шкуре живо бы узнал, что есть настоящая служба солдатская.

Но только секунду презрение отчетливо читалось в блеклых глазах и сразу погасло, разгладилось на морщинистом лице — старик вспомнил, чья сейчас власть в городе.

— Оттуда, видать, Ольга Потаповна. Наш постовой на них внимания не обратил, в сторону рожу отвел, — тихо буркнул швейцар консьержке. Времена такие наступили — сболтнешь что не так, живо в Чека окажешься. Тем злыдням старика запросто умучить, сколько на рода-то уже произвели.

— За ним приехали...

— Тихо ты, услышит! — швейцар отвернулся от окна.

Лицо у него потемнело, на сердце заскребло от боли, предчувствуя недоброе. Так всегда было — коли заболела у него душа, так отыщут пули свою жертву. Сердце-то — оно завсегда кровушку чувствует, коли ее проливать задумали. И помочь государю-императору нечем — года уже

не те, да и оружия у нет. А сам Михаил Александрович от убийц не отобьется, хоть и генералом был, и люди его не подмога. Толку от них никакого, в солдатах не служили, а потому ущербны. Камердинер и шофер трусоваты, всегда пугливо озираются. Секретарь хоть не трус, но англичанин, а эта нация всегда пакости строила.

— Барышня, дайте Губчека, срочно! — из коридора донесся взволнованный голос. Анисим Кузьмич еле разобрал слова, но понял, что это чуть ли не кричит царский камердинер. — Товарища Малкова?! Как нет? А где он?!

Швейцар вздохнул — вчера набрался смелости и, улучив момент, когда государь вернулся с прогулки, негромко попросил Михаила Александровича бежать подальше из города. Вот только царь не внял просьбе, лишь дернулась щека. Но ответил старику, уважил года и заботу о его жизни.

— Куда бежать-то? С моим ростом враз отыщут! — тихо ответил бывший император и, достав из кармана плаща серебряный рубль, насильно вложил в старческую заскорузлую руку.

А оно так и есть — высок государь, в отца своего пошел, что настоящим богатырем был. Покойного отца-императора Александра Александровича отставной фельдфебель видел множество раз, все ж в самой лейб-гвардии служил. Да и на войне с турками иной раз его видел, тогда еще молодого наследника-цесаревича. О силе покойного императора легенды складывали, да и случай один был — царский вагон однажды с насыпи свалился, так покойный государь крышу целый час на себе держал, пока жена-императрица с детьми малыми из вагона не выбралась.

Вот только не было в сыне отцовской силы — худющий, костюмы как на палке висят, в глазах не воля сталью отливает, а настороженность запрятана. Оттого и от престола отрекся, ибо немощен как государь — этот вывод старый фельдфебель сделал для себя после первой недели пребывания царя в «Королевских номерах». И жалко его, человек ведь хороший — убьют, в живых он для большевиков все время угрозой будет...

— У, сучья мать, щас мы тебя! — с грязной руганью и явственной угрозой прошипел голос. По вестибюлю затопали сапоги — чекист отпихнул плечом швейцара в сторону, пинком открыл парадную дверь. И крикнул сидящему в пролетке возникшему:

— Упирается, сволочь!

Между приехавшими чекистами была какая-то тайная договоренность на этот случай, ибо ездовой сразу прыгнул с облучка и немедленно побежал к дверям. Старика снова отпихнули в сторону, и оба чекиста метнулись по коридору, громко топоча сапогами. Анисим Кузьмич заскрипел зубами — второй чекист сжимал в правой руке револьвер, а в левой держал что-то, похожее на самодельную бомбу. И настроен был зело решительно — в его прищуренных глазах старик уловил безумную жажду убийства.

— Господи помилуй! — перекрестилась консьержка. — Никак убивать будут?! У него же бомба в шуйце!

— Бомба, — машинально поправил отставной служака, и голос его заметно построжал. — Цыц! Ежели что, прячься под стойку. Твою мать...

Последние слова старика не относились к насмерть испуганной бабе — мимо окна проехал легковой автомобиль, а за ним загромыхал дисками колес черный грузовик с тентом, известный чуть ли не каждому пермскому обывателю.

«Черный ворон», а так втихомолку называли горожане этот тяжелый «Бюссинг», принадлежал местной Губчека. Именно на нем, как шепотом говорили знающие люди, и вывозили по ночам трупы из здания бывшей семинарии, где сейчас обосновалась эта зловещая организация.

— Господи, спаси и сохрани! — прошептали губы старика, и швейцар отшатнулся от окна.

В кабине он увидел матроса с маузером в руке, а эта публика уже приучила пермяков шарахаться от них в крайней опасности — иной раз пьяная матросня стреляла по любопытствующим. Так что связываться с ними себе дороже...

Молитва не помогла — страшный грузовик остановился почти у парадных дверей гостиницы, рядом с фургоном, полностью перегородив дорогу. И зазвучали голоса — пьяные, хриплые, с угрожающей матерщиной. Не пронесло — по их души прибыл этот страшный грузовик.

Дверь отлетела в сторону от сильного удара, и в вестибюль ввалились два расхристанных матроса в обнимку с пьяной и ободранной девкой, похожей на дешевую проститутку. И, скорее всего, она ею и была, несмотря на молодость и белую барскую кожу — в светлых волосах запутались соломинки, из разорванного платья бесстыже торчала молочная грудь с вишневым соском. А подол с таким разрезом, что Анисим Кузьмич хотел сплюнуть от омерзения. В прореху заметил женское естество с рыжеватыми волосиками — пьяная девка исподнее забыла там, где его с нее и сняли мужики. Но не сплюнул старик, наоборот, побледнел и отпрянул — от матросов шел стойкий, явственно осязаемый запах тлена и смерти. Так могут пахнуть те, кто загубил не один десяток людей или дневал и ночевал на погосте пару недель, не меняя одежды.

Анисим Кузьмич непроизвольно сглотнул — скорее всего, оба его предположения были верны. Это явились палачи и могильщики в одном лице, неумолимые и страшные, как все адово племя.

— Не стой кнехтом, папашка, швартуйся к стойке, водоросль, — первый матрос легонько толкнул старика в бок и приложился губами к горлышку бутылки, дернул щетинистым кадыком. Рубиновая жидкость текла по давно не бритому подбородку, капала на пол.

— Ты че, не вразумел?!

От ленивой угрозы матроса отставной фельдфебель словно очнулся и покорно отошел к Ольге Потаповне, встал рядышком с испуганной женщиной, которая тут же попыталась спрятаться за его спиной.

Приехавшие чекисты были сущими младенцами в сравнении с этой парочкой флотских. Пить беспробудно, о чем говорил стойкий запах спиртного от их лиц и одежды, но не пьянеть при этом, оставаясь с абсолютно трезвыми и беспощадными глазами, могут только люди, вернее, нелюди, что погрязли в убийствах. Ибо водка уже не в силах выбить из их глаз весь ужас чудовищных преступлений. Не берет их спиртное, хотя и пытаются такие вот залить им свою память.

— Ты, дедок, лучше поласкай бабенку! Сдобная! — второй матрос, чуточку вертлявый, пакостливо засмеялся. — Али не стоит на старости лет?! Ну, тогда хоть посмотри! Манька, давай пожалеем старика!

Девка гнусливо засмеялась, повернулась к моряку и впилась своими губами в его слюнявый рот. В то же время рука девчонки нахально стала шарить в штанах флотского, будто что-то там искала. И не выдержал Анисим Кузьмич, сплюнул от омерзения под ноги.

— Тощ-но! Не может уже папашка! — первый моряк заржал, как перекармлившая лошадь, показав белые крепкие зубы.

На ленте, сдвинутой на затылок бескозырки, золотились буквы — «Андрей Первозванный». Лихой морячок, смешливый. Вот только глаза отнюдь не смеялись при этом, они жили совершенно другой жизнью, цепко и внимательно обшаривая вестибюль, И вскоре остановились на милиционере, что, разинув рот, глядел на прибывшую троицу.

— А энто хто таков? Никак «круп» на вахте стоит?!

— Какая «круп», Андрюха?! Не обижай пехтуру сиволапую. Это ж деревня, манерам не обучена, кобылами дрючена, пальцами подтирается.

— Точно подмечено! Так ведь, фельдфебель?!

От этого до боли знакомого скрипучего голоса матроса, будто несмазанной оси телеги, Анисим Кузьмич вздрогнул. Ему на секунду показалось, будто с ним опять заговорил его ротный командир, капитан фон Граббе, и потому старик непроизвольно ответил, разом вспомнив долгие годы службы:

— Так точно, ваш бродь!

— Старик! Ты эти старорежимные ухватки бросай! Революция сейчас, — милиционер попытался заговорить начальственным баском, вот только плохо у него выходило, мальчишеский голосок дал петуха.

— Не шторми, деревня, зачем деда обижать, — первый матрос, чуть раскачиваясь, будто он опять на палубе корабля, подошел к милиционеру и нахально уставился на него, отхлебнув из бутылки приличный глоток.

— Сюда нельзя, товарищи! — чуть слышно сказал постовой, и голос его заметно дрогнул. Матросов он явно боялся.

— Да ну?! — удивленно протянул матрос. — Товарищи Колпащиков и Жужгов прошли, за ними щас товарищ Марков прошел, а нам, значит, от ворот поворот? Сопля ты зеленая! Грузовичок в окне видишь? Хочешь на нем прокатиться? Так махом погрузим!

Милиционер побледнел, потом позеленел и непроизвольно икнул. Резко замотал головой по сторонам, будто конь, отгоняющий назойливых слепней.

— Не жаждешь с нами покататься? А придется! — от приторно ласкового голоса матроса у Анисима Кузьмича потек холодный пот по спине.

Старик непроизвольно сделал шаг назад и уперся спиной в женщину, которую прижал к стенке. А потому сразу не понял, что произошло.

Постовой неожиданно сомлел, став бледным, как поганка, и выронил винтовку из ослабевших пальцев. Он рухнул бы на пол, но был заботливо подхвачен матросом.

— Ничаво, — равнодушно бросил флотский, — полежит на диванчике, очухается. Какой пужливый товарищ оказался.

Матрос подволок милиционера к лавке, которая пришла на смену стоявшему до революции шикарному дивану для приезжающих, и небрежно уложил на нее парня, будто мешок с углем бросил.

— Пошли, Манька, милиция флот завсегда пропускает, — гыкнул второй матрос, сдвинул на затылок бескозырку и приобнял девчонку за талию. Но неожиданно остановился и, недобро ухмыльнувшись желтыми прокуренными зубами, будто волком оскалившись, обратился к консьержке:

— Ты куды звонить собралась?!

— Ни-ни-куда! — Ольга Потаповна кое-как ответила, нервно выстукивая зубами чечетку, и даже отодвинулась от телефона.

— Тогда сиди молча, а то вымя отрежу!

Сластолюбие из глаз этого матроса вымело напрочь — по своей остроте взгляд не уступал стальному клинку. Не пьян матрос был — придурился, Анисим Кузьмич только сейчас понял это. Но промолчал, чувствуя, как в низу живота собирается ледяной ком.

В окне он увидел, как к гостиничным дверям подходят еще трое — один в чекистской кожанке и кепке, а двое в гимнастерках и с винтовками в руках. И еще старый фельдфебель сразу отметил, что на козлах первой пролетки уже сидит новый возница, непонятно откуда взявшийся, в таком же солдатском обмундировании и с красным бантом милиционера на груди...

Глава третья

— Вот наш мандат, гражданин Романов. Чем он вас не устраивает?! — начальник Мотовилихинской милиции наседа на великого князя, брал горлом, чувствуя, что еще немного, и тот даст слабинку.

— Подпись начальника Малькова здесь чуть иная, гражданин Жужгов, прошу извинить меня, — высокий худощавый мужчина лет сорока, одетый в английский твидовый костюм говорил с еле ощутимым акцентом, смягчая букву «л» в фамилии начальника пермской Губчека.

— Это мандат Губчека, здесь штамп и печать. Просто товарищ Малков торопился и подписался впопыхах!

Жужгов ожег взглядом Михаила Александровича, мысленно сплюнул — мандат сей подписывал сам Малков, но специально сделал свою подпись неразборчивой. Дело не в том, что Малков торопился, было необходимо, чтоб он мог легко отречься от этого мандата, объявив фальшивкой, состряпанной контрреволюционерами.

— Извольте немедленно собираться и ехать с нами. С вами сам товарищ Малков говорить желает!

— Но почему в Губчека говорят, что их начальника нет?

Великий князь спросил спокойно, почти не реагируя на громкий голос Жужгова, хотя капли пота на широком, с большими залысинами лбу свидетельствовали о его волнении. Кроме того, Михаилу Александровичу сейчас нездоровилось — застарелая язва желудка сейчас дала о себе знать жгучей болью.

— А потому что товарищ Малков ждет вас в другом месте! — милиционер снова повысил голос.

Ему сильно не нравилось упорство великого князя — жертва не желала ехать в заготовленную для нее западню. У телефона в ЧК сидел сейчас введенный в курс дела Дрокин — он должен был саботировать любые звонки.

Слишком секретно все было обставлено, чтобы привлекать к этому делу других чекистов, пусть и проверенных. Информация имеет меньше шансов уйти на сторону, чем уже круг привлеченных к «делу».

— В каком, разрешите вас спросить?

— Это служебная тайна, гражданин Романов. На месте увидите. А пока извольте немедленно одеться или мы применим силу! — остроносое лицо Жужгова с рыжими торчащими усами оскалилось злобной гримасой.

И, словно в подтверждение угрозы, по коридору громко затопали сапоги, и в большую гостиную двухкомнатного номера ворвались Колпащиков и Марков, причем последний немедленно наставил на великого князя вороненый ствол нагана.

— Собирайтесь! — Марков рывкнул на весь номер и вплотную подошел к Михаилу Александровичу, ожег его ненавидящим взглядом. — Или я тут же пристрелю вас за неподчинение сотрудникам Губчека.

В подкрепление своей угрозы чекист больно ткнул великого князя под подбородок стволом. Он испытывал острое желание нажать на спусковой крючок, но понимал, что сделать это сейчас никак не может. Хотя ему и хотелось бы. Слишком велико число свидетелей — секретарь, камердинер и шофер — вся эта немногочисленная свита великого князя напряженно смотрела на происходящее.

Но из них только секретарь Джонсон не праздновал труса — англичанин угрюмо смотрел на чекистов, чуть слышно ругаясь сквозь крепко стиснутые зубы. Зато двое других испытывали

жгучее желание убежать из номера подальше, спрятаться от угрожающих взглядов чекистов.

— Я не могу с вами ехать, мне очень больно. Нужно прилечь. — Михаил Александрович достал из кармана платок и вытер капли пота со лба.

— Одевайтесь! — рявкнул во всю глотку Жужгов и, схватив висящий на крючке плащ, накинул его на плечи великого князя. А Марков для вящего убеждения ткнул великого князя в бок стволом нагана. И что-то сломалось в глазах Михаила — он стал просовывать руки в рукава.

— Дозвольте поехать со мной секретарю, — тихо попросил великий князь, посмотрев на англичанина. Тот сразу же снял с вешалки серый плащ и стал одеваться.

— Дозволяем, — нехотя буркнул Марков, сумев спрятать вспыхнувшую в душе радость. Как было раньше обговорено, секретарь должен был разделить участь великого князя, теперь англичанин дуриком лезет в приготовленную западню. Холуи гребаные, вместе с господином до конца предпочитают идти. Или думает, что их на очередной допрос везут?

Марков тут же нехотя дернул плечом — все понимает этот англичанин, ибо побледнел, в отличие от гражданина Романова. Умен, паскуда, а потому в него первого стрелять нужно, а то рассказывают, что эти британцы любят спорт, особенно мордобитие, боксом именуемое. Надо за ним пристальнее смотреть — тут же сделал себе зарубку на память...

— Мань, глянь, а чаво народ толпится? Хде тут царек наш недорезанный? Надо на него глянуть! Али прирежем опосля?

За спиной гыкнул пьяный и наглый голос, и трое прибывших палачей тут же обернулись.

— Вы куда, товарищ? Туда нельзя! — Из соседнего номера вышел чекист Попов, что нес постоянный надзор за бывшим российским императором. Он попытался загородить коридор, но получил тычок локтем в живот.

— Нишкни и флоту фарватер не загораживай! — матрос пьяно загоготал, сдвинул на лоб бескозырку с лентой «Император Павел». Бушлат на нем распахнулся, и через порванную форменку и тельняшку стало хорошо видно татуированную грудь.

Именно этот синий замысловатый рисунок какой-то птицы успокоил Маркова, который уже хотел нажать на спуск, направив ствол нагана в матроса. Заготовленный ими план не предусматривал появление каких-либо ненужных свидетелей, тем более таких.

— Вы кто такие? — с угрозой в голосе спросил Жужгов татуированного матроса, и сморщился от жуткой вони, что девятым валом шла от флотских. Это была омерзительная смесь крепкого алкоголя, трупного запаха и крови, что насквозь пропитала одежду.

— Мы с самоходного парома товарища Харона! Знаешь о таком? — рявкнул во всю луженую глотку моряк и оскалил зубы. — А ты хто таков? Может, ты контра недобитая?! Так добьем!

— Мы из Губчека, товарищи, — тихим голосом, почти примиряющее сказал Колпащиков и, повернувшись назад, скривил лицо в гримасе.

Марков и Жужгов переглянулись — черт бы побрал эту матросню товарища Мойзеса. Его хароновцев чекисты хорошо знали, и нрав их паскудный тоже. Хотя и менялась матросня, как грязные портянки.

Мало кто из них больше недели в подвалах Губчека выдерживал — либо «крыша» у моряков съезжала напрочь, либо от водки в мертвецкую «играли». Но были и такие, в ком рассудок нормальный сохранялся, хоть в малости. Вот те обратно на пароходы перебирались, подальше от залитых кровью застенков. И опять выползали, когда маленечко отпускало или совсем уже башню сносило, с пьяных глаз своих.

Кто их просит лезть во все дела — их дело с маузеров стрелять, буржуев резать в подвале дадохляков потом в шахты скидывать. То-то трупными миазмами насквозь пропитались, стоять

рядом невозможно.

Марков заскрипел зубами, мозг лихорадочно просчитывал варианты. А ведь это их «Бюссинг» стоял у гостиницы, ему не показалось. Может, Мойзес имеет от Дзержинского тайный приказ самому ликвидировать великого князя, то-то он поспешил сегодня все шахты рвануть, куда трупы скидывали. И с этого дня приказал только в печах Мотовилихи тела жечь.

— Идите отсюда...

— Да пошел ты, через шипы на вонючих булках, и с осьминогом пьяным в заднице, мурена скарлатинная! — моряк надвинулся на попытавшегося вмешаться Жужгова, дыша тому в лицо коньяком. — Ты мне еще угрожать будешь? Там, в грузовике, братва ерзает. Свистну полундру — мы вас тут всех на шнурочки раздергаем! И хату заодно сожжем!

— Федюня, а где царек-то? Пусть мне писульку свою даст. А, Федь? Нас братва ждет, ехать надо, кобелек ты мой ласковый.

Странная просьба полупьяной ободранной девки, судя по всему из вчерашних барышень, ошарашила всех собравшихся, и Марков снова испытал странное облегчение — связываться с палачами Мойзеса ему очень не хотелось. Начнись стрельба — и все, хана! Не посмотрят на мандаты Губчека — положат всех скопом с пьяных глаз как контриков и лишь потом будут разбираться. А потому он спросил почти мирным голосом:

— Вы-то зачем приехали, барышня?

— Маньке сегодня обещали, что царь ей свой ав... аф... — моряк даже закашлялся, стараясь произнести незнакомое слово. — Ну, это, как его, чтоб имя свое черкнул, что ли.

— Нас товарищ Мойзес отправил, сказал без писульки не возвращаться, — в разговор вмешался второй моряк, до того молчавший, но расстегнувший кобуру и державший руку на рукояти маузера. — Сказал, чтоб нашу Маньку уважили. Дел сегодня до хрена было, замаялись все до озверения. Мы же там полную шахту труп...

— Так вам нужен только автограф? — удивленно перебил матроса Марков.

И так в городе слухов до черта ходит о расстрелах в здании Губчека. Не хватало, чтобы еще пьяная матросня о том во все горло в гостинице орала.

Только сейчас Марков внимательно рассмотрел замысловатую татуировку на груди «Императора Павла», так он мысленно назвал моряка по надписи на бескозырке. Это был не двуглавый орел, кои накалывали на флоте до революции нестойкие идейно матросы, это было...

О флотской похабщине ходило много разговоров, но сейчас Марков воочию увидел собственными глазами. Под крыльями весьма странной птицы, похожей на императорского орла, были не лапы, а бесстыже повисли по сторонам уродливые в своей округлости некие органы, в народе именуемые муди. А вот то, что чекист принял за длинные шеи, оказалось тщательно изображенными фаллосами. На которых сидели задницами две уродливых фигурки мужиков, с четко прорисованными лицами.

Один был чернявый, с остреньким носом и косой челкой, с квадратными усиками под губой. Второй имел горбатый нос и чем-то напоминал личного телохранителя Мойзеса, со смешной грузинской фамилией, которую Марков так и не смог запомнить.

Внизу рисунка шла не менее похабная надпись — «Адольфику и Иосику сунем в...» — затем написаны такие три слова, причем в рифму, что Марков непроизвольно закашлялся.

Да уж, весьма своеобразные ругательства имеют в обиходе русские моряки, тут они явные затейники. Рядом дружно закхекали Жужгов и Колпащиков — несмотря на ситуацию, они не смогли удержаться от смешков, хорошо рассмотрев на матросской груди затейливый рисунок и похабную надпись. И это настолько разрядило сгустившуюся в воздухе напряженность, что чекисты расслабились — матросы были своими, а то, что они сюда явились не вовремя, не более чем их пьяное желание.

Маша воспользовалась сложившейся ситуацией и быстро протиснулась между Жужговым и Марковым, зацепившись платьем за наган последнего.

Ткань тут же поползла с плеча, чуть приоткрыв тугую округлую грудь девушки с красным пятном засоса на молочной коже. Она была настолько привлекательна и обольстительна в своем неглиже, что Жужгов, помимо воли, завистливо вздохнул. Везет флотским — аппетитных барышень завсегда пользуют, причем не с принуждением, а с полным и обоюдным согласием.

— Напишите мне что-нибудь здесь, ваше величество. — Маша присела перед Михаилом Александровичем и полностью обнажила правую грудь с нахально торчащим соском.

— Что... вы... позволяете? — от лица «гражданина» Романова можно было прикуривать, оно напоминало раскалившийся самовар.

Это сама девушка должна была бы стыдиться своего вида и поведения, но, тем не менее, Михаил Александрович не знал, куда спрятать глаза. А ведь он был отнюдь не пуританином, а его «Дикая дивизия» на фронте не отличалась целомудренностью и благонравием. Само название этого скопища безжалостных горцев о многом говорило. И наводило на врагов и обывателей жуткий страх.

— Как вы стеснительны, ваше величество!

Девушка ожгла великого князя таким похотливым взором, что тот содрогнулся. Будь она в другом виде, в ином месте и в раннее время, лет двадцать назад, вряд ли бы Михаил Александрович удержался бы от соблазна. Но сейчас...

— Я хочу вас! — жутким безумным голосом сказала девушка и, облизав пересохшие губы кончиком розового язычка, закончила грудным волнующим душу и тело голосом: — И возьму вас. Сейчас, немедленно!

За секунду девушка скинула с себя разорванное платье и, прекрасная в своей наготе, не замечая всеобщего ошолобления, кинулась на опешившего и потерявшего дар речи великого князя.

Ненасытной менадой она бросилась на грудь Михаила Александровича, крепко обхватив руками за шею, а ногами за бедра. И настолько был стремителен бросок, что даже ее легкого тела хватило, чтобы великий князь рухнул на диван.

От растерянности он даже не сопротивлялся, а Маша плотно прижалась к нему, полностью прикрыв своим горячим телом. Похотливо заерзала на мужчине, прижалась к нему голодным клопом, жутким голосом оголодавшего вурдалака радостно заушала.

Именно этот ее рев и пригвоздил чекистов с прислугой на месте, привел в состояние полного обалдения. Они уставились на невиданное зрелище и словно окаменели...

А потому Марков не расслышал негромкого хлопка в коридоре, и лишь знакомый запах пороха вызвал тревогу в мозгу. Не понимая, что происходит, не сводя глаз с нагой девчонки, что пыталась изнасиловать великого князя, он чуть повернул голову и на секунду встретился с глазами матроса. И возопила его душа в лютом, внезапно накотившемся ужасе.

В номере царила смерть, ее страшный запах полностью захлестнул помещение. Секунды растянулись в минуты, Марков ничего не мог сделать, тело стало ватным, а ноги начали сгибаться под его тяжестью.

Жужгов выгибался на полу — из разрезанного наискосок горла хлестала кровь. Начальник Мотовилихинской милиции предсмертно хрипел, уставив стекленеющие глаза в потолок. Рядом с ним лежал лицом вниз и Колпащиков, безвольно раскинувшись на ковре. Ниже левой лопатки торчала рукоять ножа, и Марков понял, что чекист умер почти мгновенно от точного удара прямо в сердце. А еще краем глаза он заметил, как в коридоре торчат желтые сапоги — такие носил дежуривший в номере чекист Попов, минуту назад живой, сейчас уже мертвой куклой вытянувшийся на полу.

И глаза, эти глаза матроса — уже не наглые и пьяные, а пронзительно синие, с плавающими льдинками беспощадной жестокости матерого убийцы. И истина только сейчас дошла до Маркова.

— Измена...

Договорить чекист не смог — ослепительная вспышка боли пронзила его живот, внезапно ослабевшая рука не могла поднять наган, а отказавший палец не нажал на спуск. Жуткая боль нарастала, парализовала все его молодое и сильное тело. Марков захрипел, выплевывая кровь, и попытался из последних сил закричать, поднять тревогу, призвать на помощь. На помощь...

— Не балуй! Подыхай молча, сволочь!

Крепкая ладонь матроса плотно зажала несостоявшемуся цареубийце рот, а другая не менее сильная рука ухватила за затылок. И почти сразу Марков услышал противный хруст своей собственной шеи. И вспыхнувшее в мозгу яркое солнце полностью захлестнуло сознание, но тут же стремительно бросило душу чекиста в зловещую пустоту небытия...

* * *

Чьи-то руки бережно подняли ее с жесткого костлявого тела императора, и Маша сразу же опомнилась. Неожиданно ей стало очень холодно, и девушку буквально заколотило нервной дрожью. Она не могла вымолвить ни единого слова и только слышала, как стучали ее зубы.

— Все хорошо, Маша, все хорошо. Ты у нас молодец, — крепкие надежные руки «ее» Феди, а так она мысленно называла его, на секунду приобняли.

Затем Шмайсер буквально вырвал из рук продолжавшего стоять столбом англичанина серый мягкий плащ и бережно укутал им девушку, тщательно запахнув полы и затянув пояс.

— Вы... это... зачем? — чуть заикаясь и медленно выговаривая слова, обратился к девушке Михаил Александрович, красный как вареный рак. Великий князь словно не понимал, что произошло в номере, и будто не видел трупов, лежащих на полу. Его глаза были прикованы к Маше.

— Она защитила вас собой, — тихо прозвучал голос Путта. — Иного выбора у нас не было. Этот чекист...

Гауптман остановился, наклонился и поднял самодельную бомбу. Затем слегка пнул мертвое тело Маркова под бок, усмехнулся и злым торжественным голосом закончил:

— Мог выстрелить в вас в любую секунду! Или взорвать бомбу. А потому Мария Александровна и бросилась на вас. Пули или осколки достались бы ей, а вы бы остались целы. А что касается наших костюмов, кх, гм... То это специально сделано, для натурализации образов, отвлечения внимания и обеспечения внезапности нападения. И как видите...

— У вас это хорошо получилось, капитан!

Из-за спины Путта в номер зашел Фомин в чекисткой кожанке. Рядом с ним стоял солдат с винтовкой, и у Маши в удивлении расширились глаза. Солдат жутко походил на него лицом, будто близнец, ну, может быть, самую малость помоложе.

Фомин подошел прямо к ней, и Маша ощутила его сухие губы на щеке. И он зашептал ей на ухо, крепко обняв за плечи:

— Я горжусь тобой, доченька. Ты настоящий русский солдат!

Затем Фомин еще раз поцеловал ее и отстранился, повернувшись к замолчавшему капитану.

— Трупы унести в номер, где был постовой чекист. Там складировать, нечего им в коридоре лежать. Я подполковник Фомин, Семен Федотович. А это старший унтер-офицер Фомин с

сыном. Они в вашем распоряжении, государь. Федот Федотович мой младший брат, старый черниговский гусар.

Маше теперь стало понятным их удивительное сходство, и она украдкой бросила взгляд на Михаила Александровича. Великий князь явно опешил от слов старшего Фомина и мучительно морщил лоб, пытаясь что-то припомнить. Затем он вплотную подошел к Фоминым.

— Простите, господа, но ведь мы с вами уже встречались. Я припоминаю вас, но, к сожалению, не могу вспомнить, где мы виделись.

— Почти восемнадцать лет тому назад вы, государь, — со странной улыбкой на губах ответил подполковник, — стали крестным моего племянника, его сына. Это было, когда вы первый раз приехали...

— В Локоть, — перебил офицера великий князь, — я принимал имение Брасово в наследство от покойного брата Георгия.

Произнеся имя, Михаил Александрович чуть-чуть потемнел лицом, и Маша осознала, насколько тяжелы для великого князя воспоминания о рано умершем от туберкулеза брате. И сама горестно вздохнула — потеря отца и брата, их жестокое убийство разодрало ей всю душу в одну болящую и незаживающую рану.

— А ведь я вас вспомнил, — улыбнулся Михаил Александрович. — Вы Фомины, и ваш отец лечил меня травами. Большая ему благодарность — боли в желудке меня несколько лет не беспокоили.

Великий князь неожиданно побледнел и схватился за живот — острый приступ боли буквально согнул его.

— Вы зря сделали, ваше величество, что больше не приезжали. Избавились бы полностью от своей язвы, — Фомин бережно уложил императора на диван. — Я сейчас же займусь вами, и через четверть часа вам, государь, станет намного лучше. Мне лекарство дал мой...

Тут он, к удивлению всех замялся, будто хотел сказать то, что говорить ему не следовало. Затем он расстегнул воротник и достал мешочек, похожий на ладанку.

— Прошу всех выйти. Людей его величества поместить в их старый номер, чекистов скинуть напротив. Выполнять! — резкий приказ Фомина хлестанул по присутствующим, все сразу зашевелились, будто вышли из ступора. Машу тут же приобнял Шмайсер и бережно повел из номера, и девушка, уже идя по коридору, снова услышала повелительный голос.

— Я сказал всем, включая и вас, Джонсон. А потому немедленно выйти, оставьте нас наедине, вы только мешать будете!

И такая стальная властность прорезалась в его голосе, что англичанин не стал перечить, а, подхватив тело мертвого чекиста, при помощи камердинера выволок его в коридор. Второй труп подняли отец и сын Фомины.

Девушка не стала мешать мужчинам, быстро зашла в номер и замерла в углу, стянув полы плаща дрожащими пальцами. Словно со стороны, не осязая мозгом, она смотрела, как со стуком ложатся на паркет мертвые тела, которые еще минуту назад стояли перед ее глазами живыми и довольными жизнью. Еще как довольными — они буквально жгли похотливыми взорами ее тело. Жгли, и она это ощущала. Вот только стыда не испытывала ни капельки. Ибо не она была — умерла та добрая Маша, которую так любили отец и брат, умерла вместе с ними в зловещей штольне...

— Что с тобой?! Тебя всю колотит!

Крепкая рука Шмайсера обняла девушку за плечи. Его голос звучал глухо, встревоженно и нежно. Да, нежно — Маша чувствовала это и внезапно поняла, что он полюбил ее. Этот жестокий и суровый человек, что только на ее глазах убил за день добрую полудюжину нелюдей, на самом деле очень, очень хороший...

— Сядь на диван и не смотри в угол!

Он бережно усадил девушку, наклонился и сдернул с пола ковровую дорожку. Подошел к складированным у окна трупам и накинул ее на убитых, машинально расправив ткань. Искоса посмотрел на бледную как мел дрожащую девушку, скрипнул зубами. Кремень — а не изнеженная барышня. Нервы были как проволока в деле, а сейчас откат начинается. Лишь бы не сломалась, ведь такое за последнее время пережила, что любого мужика запросто скрутить может.

— Машенька, ты выпей, легче станет, — Шмайсер протянул девушке початую бутылку коньяка. — Тут твою одежду Путт занес, переоденься!

Он потоптался — не зная, что ему сейчас сказать этой девушке, которая на самом деле годилась ему в матери, милой барышне не из его времени. Не знал, что сказать, чем утешить. А потому лишь тяжело вздохнул и направился из номера.

— Пстой, Феденька!

Тихий голос Маши буквально пригвоздил Шмайсера к полу. Танкист стремительно обернулся. Девушка поднялась с дивана, ее щеки за доли секунды покрылись багровым румянцем, глаза лихорадочно заблестели. Она будто пришла к какой-то мысли или приняла какое-то важное для себя решение.

— Ты меня любишь, Федя?! — тихо то ли спросила, то ли сказала Маша и ожгла его взглядом. — Кругом смерть и смерть одна! — тихий девичий голосок бил кувалдой по сердцу Шмайсера, он даже боялся вздохнуть. — А ведь я хочу любить и быть любимой, хочу познать своего единственного мужчину, которого полюбила своим сердечком. Тебя, мой Феденька...

— Маша! — во рту пересохло, язык превратился в колючий рашпиль, и Шмайсер кое-как прохрипел ее имя. С ним такое было впервые, и он словно впал в ступор.

— Не говори ничего, молчи!

Движением плеч девушка скинула плащ на пол и шагнула к Шмайсеру. Тот продолжал пребывать в столбняке, даже когда теплые и нежные руки обвили его за шею, а горячие губы прижались к губам. Но поцелуй вскоре вернул Федора к жизни — то была не игра в любовь, а сама любовь...

— Надо же, но желудок больше не болит, совсем! Семен Федотович, как вы это сделали?! — На впалых щеках великого князя стал наливаться здоровый румянец. — Меня пытались лечить самые знающие врачи, долго лечили! Но чтобы так?! Колдовство какое-то!

— А я вас и не лечил, государь! Просто заговорил боль. Можете считать мое действие колдовством, хотя это не совсем так. Вернее, совсем не так. Это как прием сильного обезболивающего — болезнь есть, а вот ее проявления в виде боли временно заглушены. Примерно на сутки-другие. А там вам нужно лечение, одними заговорами не обойтись. А пока, ваше величество, выпейте еще и свое лекарство!

— Я пил его сегодня! — великий князь поморщился. — Такое впечатление, что оно мне уже не помогает! К тому же это пойло такое горькое...

— Выпейте, государь. Одно другому не помешает! Хотя неприятно такое пить, но нужно. Нам целые сутки придется добираться до надежного места, и вы должны быть в силах!

Михаил Александрович налил в мензурку бурую жидкость из стоящего на тумбочке аптечного флакона, поморщившись, выпил. Фомин тут же подал ему в дрожащие руки стакан сладкого холодного чая — запить. Тот хлопыстнул емкость одним глотком, как заправский извозчик, а не императорская особа, потом сделал судорожный выдох, словно плюнул, и захекал.

— Уф! Кх... Думал, наизнанку меня всего опять вывернет! Что за гадость мне привез Джонсон? Из чего они ее там наварили? Из жаб или из сушеных летучих мышей?

Михаил Александрович криво улыбнулся, вздохнул и облегченно откинулся на спинку дивана. Потянулся рукой к папиросной коробке, но Фомин предупредил его намерение закурить.

— Дымить не рекомендую. Курение с вашей болезнью противопоказано категорически. Вот когда язва зарубцуется, тогда и курите, ваше величество, но не сейчас! — говорил Фомин строгим, внушительным голосом, но после секундного размышления мягко добавил: — Хотя три-четыре папиросы в день вашему здоровью, я так думаю, сильно не повредят...

— Ну и хорошо! — облегченно выпалил великий князь и тут же закурил. С нескрываемым удовольствием записного курильщика затянулся и выпустил из ноздрей клубы сизого дыма. Показал на коробку:

— Прошу закурить, Семен Федотович, не отказывайтесь, сделайте приятное. Вы ведь тоже любите покурить, по пальцам вижу!

Тот чиниться не стал, взял тонкую папиросу с длинным мундштуком. Закурил, уселся в кресле удобнее. Искоса глянул на императора, сидящего напротив с закрытыми глазами. Михаил Александрович расслабиться Фомину не дал, спросил негромко:

— Надеюсь, вы мне объясните, что происходит? Кто эти люди, девушка, наконец? И что вы задумали делать?!

— Конечно, ваше величество. Эти люди, что ворвались к вам номер и которых мы убили здесь, ваши несостоявшиеся палачи, государь!

— Михаил Александрович! Зовите меня так...

— Хорошо, ваше величество. Они должны были увезти вас в сторону Мотовилихи и застрелить у кладбища. Вместе с секретарем. Ваши тела потом сжечь в печах. Внизу у них две повозки, пролетка и артиллерийский фургон. Здесь, в номере, мы убили трех мерзавцев плюс постового милиционера и чекиста, что вас постоянно караулил. На улице еще двоих, с самим «товарищем» Мясниковым во главе. Вам он знаком? Известный в этих краях большевик. К

сожалению, взять живым не удалось, как и второго. Пришлось застрелить...

— По чьему приказу они действовали? — голос у Михаила Александровича был на удивление ровным, будто великий князь не понимал, что именно его собирались сегодня убивать.

— По тайному приказу Ленина и Свердлова. Но совдепами официально было бы объявлено в газетах, что вас похитили сообщники и вы с ними бежали в неизвестном направлении.

— Но для чего им нужна такая таинственность? Они не могут меня публично осудить и расстрелять?!

— А за какие грехи?! За то, что вы главный претендент на российский престол? Жидковато объяснение перед теми покровителями, на чьи деньги устроен большевистский переворот. А так все чисто и оправданно — великий князь Михаил Александрович «бежал», а потому надежные «товарищи» в Алапаевске и Екатеринбурге, стремясь не допустить подобного, перебили всех членов императорской фамилии, включая детей. Всех без исключения! А их ВЦИК и Совет народных комиссаров тут вроде бы ни при чем, никаким боком — все убийства произошли исключительно по самоуправству и беззаконию местных большевиков.

— Откуда вы знаете?! Как прикажете понимать, господин полковник?! — напускное спокойствие покинуло императора, он даже чуть не вскинулся с дивана. — Вы будто говорите об этом как о свершившемся...

— Убьют всех, и жестоко, Михаил Александрович, — Фомин игнорировал вопросы. — В Екатеринбурге в подвале Ипатьевского дома расстреляют всю царскую семью с прислугой. Девочек добьют штыками. Тела вывезут за город, обольют кислотой, чтоб останки не опознали, и закопают. В Алапаевске всех узников, мужчин и женщин, живыми скинут в шахту. Не все из них погибнут при падении, и два дня будет слышно, как молится Елизавета Федоровна. Тогда сверху сбросят несколько вагонеток, а потом взорвут штольню. Здесь же, в Перми, расстреляют, как сообщников, всю вашу прислугу и всех тех, кто поехал сюда вслед за вами! Всех!

— Нет!!! Ты все врешь, колдун! — чопорная английская невозмутимость разом слетела с Михаила Александровича. Великий князь вскочил с дивана и крепко схватил Фомина за воротник. — Мне тогда еще говорили, что вы та еще колдовская семейка, а потому и живете у того Поганого Камня. Изыди с моих глаз, колдун. Мне не надо знать твоей лжи...

— А медальон свой хочешь обратно получить?!

Фомин тоже перешел на «ты» и, даром что ниже наголову, сдал руки великого князя так сильно, что тот ойкнул и был усажен на диван обратно.

Затем Семен Федотович достал небольшой золотой медальон на цепочке и сунул его в руки императора. И только потом, с нарочитым спокойствием, уселся в кресле.

— Не может быть! Откуда она у тебя?!

Император потрясенно уставился на вещицу. Дрожащими руками взял ее и нажал на края. Щелкнула крышка — внутри было изображение жены императора, и, как понимал Фомин, этот медальон был ее подарком мужу.

Но не это являлось здесь главным — новый щелчок, и из тайничка Михаил Александрович извлек свернутый бумажный листок, пожелтевший от времени. Лихорадочно развернул его и тут же громко вскрикнул, смертельно побледнев.

— Этого не может быть! — мертвым голосом произнес великий князь, уронив и листок, и медальон на пол. Затем медленно, словно неподъемную тяжесть, вынул из внутреннего кармана абсолютно точно такой же медальон, открыл его и достал свернутый листок бумаги.

— Когда подъехали повозки, я только закончил писать жене эту записку. И потому никто не мог знать ее содержания. Ни один человек в мире! Обычный человек...

Великий князь бросил взгляд. В глазах плескалась нечеловеческая мука, безысходность и

страх, от которых даже он, выдавший виды, содрогнулся.

— Откуда это у тебя, и кто ты такой? Ты колдун или демон?! Отвечай, не молчи, иначе я с ума сойду!

— Я говорил вам правду! — негромко произнес в ответ Фомин. — Просто я хорошо знаю будущее. Все, что произойдет за ближайшие четверть века. На том могу крест поцеловать.

Он достал нательный крест на обычном гайтане и поцеловал теплое золото.

— Даже так? — в голосе великого князя сквозило одно понятное ему понимание. — Ты не демон и не колдун?! Тебе хорошо ведомо будущее?! Так?! А это что такое, откуда оно у тебя?! Ведь этого просто быть не может! Этого письма и медальона!

Михаил Александрович положил свой листок на столик, придавил его медальоном. Затем наклонился, взял с пола пожелтевшую бумажку и медальон, протянул руку с ними к столику.

— Не делай этого, государь!

Выкрик запоздал. Яркая вспышка ослепила глаза, но Фомин успел машинально зажмуриться. Через секунду он открыл глаза и поразился — над столиком вился серый дымок, и все. Не стало ни его медальона, ни листка пожелтевшей от времени бумаги. Они исчезли, растворились в этой яркой вспышке. Но удивительным было то, что медальон великого князя и написанный им листок сохранились, как ни в чем не бывало, вспышка им нисколько не повредила.

— Что это было?! — с безмерным удивлением в голосе спросил Михаил Александрович. Он пребывал в полной растерянности. — Магия?! Куда девался ваш медальон и эта записка?

— Одна и та же вещь может существовать одновременно в прошлом и будущем. Но они не могут существовать обе одновременно в настоящем, — в глубокой задумчивости произнес Фомин и после паузы как бы для себя тихо добавил: — Кто-то должен уйти. Понятно, кто был лишний в это время. Это хорошо, что я сам себя не обнял полчаса назад, а то был бы номер. Словно чувствовал, что надо держаться с опаской...

— Да что происходит? Объясни же!

— Этот медальон я забрал у одного из твоих убийц, государь, в двадцать пятом году. Я говорю правду, Михаил Александрович. Все дело в том, что волею судьбы нас, четверых, закинуло из будущего. Из 1943 года в 1918 год. Вот так-то, государь. И дай же мне теперь все спокойно рассказать. Нам и так очень мало времени отпущено. Особенно для меня...

Он затянулся папиросой, откинувшись на спинку кресла. Сильно болела голова, усталость этих суматошных дней разлилась по всему телу свинцовой тяжестью. Но более всего его здоровье и нервы подкосил недавний разговор с великим князем. Тяжелая вышла беседа, неприятная во всех ипостасях.

Фомин покосился на последнего российского императора, царствование которого длилось всего один день, а потому и называли его современники не только «вашим величеством», но чаще «вашим высочеством» или великим князем.

Михаил Александрович тоже курил молча, задумчиво хмурил брови, исподволь рассматривая на столике весьма нехилый арсенал из автоматов и пистолетов, а также живо принесенных Путтом из «Бюссинга» СВТ и ручного «дегтяря».

«Экспозиция» была разбавлена патронами с советской маркировкой, золотым червонцем и серебряными полтинниками советской чеканки, что были временно «экспроприированы» у Поповича, орденскими книжками самого Фомина, вкуче с орденскими знаками.

Именно последние, с выбитыми на них номерами, оказались теми соломинками, что надломили хребет упрямого верблюда. Вернее, развеяли в дым последние остатки недоверия великого князя.

Фомин даже беспокоиться стал, не тронется ли с ума царственная особа. Сам он в такой

ситуации повредился бы рассудком. Но великий князь не сошел с катушек. Наоборот, постарался за несколько минут вытряхнуть всю информацию о том, что было. Вернее, о том, что произойдет в будущем. И с ним, и со страной. Расспрашивал жадно, напоминая ему ребенка, увлеченного необычной сказкой.

Успокоился великий князь лишь после того, как Фомин его клятвенно заверил, что он может опросить всех их четверых тщательно, но лишь тогда, когда они все окажутся в безопасном месте. И тут же вкратце поведал о том, что случилось с ними на заброшенном руднике, что стараниями местных чекистов превратился в жуткий погост, и по дороге в Пермь. Детальный рассказ полностью утихомирил высочайшее любопытство, сейчас они молча курили, стараясь привести нервы в порядок.

— Разрешите?! — Дверь со скрипом несмазанных петель отворилась, и в номер зашел Путт в привычном матросском облачении. — Прошу простить, ваше императорское величество. Господин подполковник, все подготовлено, можно выступать. И в Чека визит сделать необходимо, пока в этом клоповнике суетиться не начали.

— Что ты хочешь сделать, Семен Федотович?! — удивленно вскинулся великий князь, забыв о договоренности, что все вопросы и проблемы будет решать только Фомин. Обращение на ты звучало непринужденно — они, не сговариваясь, перешли на него, молчаливо отбросив все условности. Причем инициатором был император, буквально вынудив его перейти на такое почти доверительное общение. И Фомин понял, что тем самым великий князь дает ему понять, что верит и надеется...

— Мы в легкий автомобиль загрузили десять пудов взрывчатки, Михаил Александрович. Рванем здание местной Губчека к такой-то матери. С их Малковым и прочей сволочью. Затем переполох со стрельбой устроим, латышей с матросней на пристани погоняем из пулеметов. Патронов жалеть не будем. Пусть большевикам страшно станет. Пусть знают, что безнаказанно терроризировать город им не позволят. Бояться нас будут, гады...

— Это же безумие...

— Нет, государь! Это отвлекающий маневр. В поднятом переполохе вам всем будет нетрудно выехать из города на повозках. Возьмете с собой своих людей, кадетов со штабс-капитаном как возниц и охранников. Вас, государь, будет лично сопровождать капитан Путт. Повозки пойдут налегке, оружие в них грузить не станем. Из пулеметов будет «Льюис» и ДП — этого более чем достаточно. Ну и парочка автоматов с гранатами, конечно.

— Федотыч, ведь нельзя яйца в одну корзину складывать...

— Можно, Андрей, можно. И нужно. В особых случаях, как сейчас. Перегрузка займет много времени, которого у нас нет. Да и люди у тебя в отряде неумехи, им наше оружие пользы не принесет. Вы, Михаил Александрович, с «Льюиса» стрелять умеете?

— Один раз стрелял, на пробу, когда дивизионным был. Стрелком себя не считаю, к сожалению...

Фомин улыбнулся и пристально посмотрел на капитана. Тот правильно понял взгляд и развел руки, сигнализируя — «все понял, у нас времени нет, чтоб их всех хоть чему-то научить».

— А потому со мною пойдут только люди опытные и проверенные. Вы за нас не беспокойтесь, ваше величество, справимся. Встретимся у поста, который мы удачно ликвидировали, так что дорога будет свободна. Там разгрузим наш «Бюссинг» на повозки, и ходу. Вот и вся диспозиция. А потому, государь, ваши люди должны срочно собрать все необходимое. На все про все есть четверть часа. Мы должны немедленно выступать!

Он поднялся с кресла, чуть наклонил голову, жестом предложил Путту последовать за собой и вышел из номера. И тут сильная боль в груди и животе, неизвестно откуда появившаяся,

за секунду скрутила Фомина. Нечеловеческая мука мощнейшим насосом, а именно так показалось ему, высосала из него силы. И моментально отпустило.

От облегчения он крикнул и выпрямился. Все это длилось считанные секунды, а потому никто ничего не заметил. Фомин осторожно огляделся. В коридоре стоял его отец, за ним он сам, Семен Федотович, вернее, пока еще Семен, еще молодой, вся жизнь впереди.

— Федот и ты, племянш, давайте живо, помогайте его величеству. Все нужные вещи отнести в фургон. И глаз не спускать, чтоб в коридорах никого не было. Внизу кто из наших? И телефоны нужно отключить, капитан, а то звякнут кому не надо, потом отмываться будем...

— Уже, герр оберст, все отключено! — ухмылка в голосе Путта стала явственной. — А вниз наш барон с Машей только спустились, бдить будут. Уж очень они счастливые, аж завидки берут...

— Не завидуй чужому счастью...

Договорить он не смог из-за грохота за спиной. Фомин стремительно обернулся — «племянник» застыл посреди коридора столбом, уронив «дегтярь» на пол. Смертельно бледное лицо его исказилось, с прокушенной губы выступили капельки крови, неподвижные глаза уставились на него, и такая в них была боль, что Фомин содрогнулся. Он все понял, а потому нашел в себе силы улыбнуться самому себе, молодому, и стал тяжеловато опускаться по лестнице.

— Что с парнем, Федотыч? — голос Путта был встревожен донельзя.

— Ничего, помстилось ему... Вернее, мне...

«На ком же он *тень* увидел? Неужели на мне? Да! Скорее всего, так и есть! Ну что ж! Чему быть, того не миновать! И, самое главное, он понял, кто я! — Фомин глядел вслед Семену. — Зато теперь я со стороны увидел, что чувствует человек, когда Маренин зов до его души доходит. Будто свинцовая усталость наваливается, а потом разом тяжелый мешок с плеч падает. Молодой я сейчас, первый раз *дар* проклянулся, на год раньше, чем было в той жизни. Вот и растерялся немного, пулемет из рук выронил. И понятно с чего! Одно неясно — почему на год раньше?»

— Путт! У меня в нагрудном кармане листок бумаги. Если что со мной случится, то действуй так, как там написано. Понял?!

— Так точно!

Голос капитана был нарочито спокоен, и Фомин осознал — Путт прекрасно понял, что произошло сейчас в коридоре, и потому не стал задавать никаких вопросов или лезть с наигранной бодростью.

— Береги императора, Андрей. Отсидитесь у лесника, мой отец знает дорогу. С ними беды не будет, «тень» их не коснулась! Дождитесь прихода белых и уходите тайком в Забайкалье. Там атаман Семенов, он монархист, и этим все сказано, — Семен Федотович повернулся к капитану.

— Я понял! — Путт смотрел серьезно, и такое понимание было в его глазах, что Фомин благодарно коснулся его плеча.

— Только ты, Андрей, сможешь! Сам понимаешь, что в твоих руках. История может пойти другим путем, все зависит от тебя. И от императора, конечно. Но до двадцатого года вы уж не высовывайтесь, будет рано. Народ сам должен созреть до монархии. Вспомни Дитерихса, который в двадцать втором году провел земской собор в Приморье. Там, если знаешь, почти единогласно решили нового царя призвать. Михаил — последний император, самый законный. И среди его титулов есть один — царь Сибирский...

Фомин остановился и достал папиросу. Пальцы не дрожали, и он улыбнулся — страх перед неминуемой смертью отступил перед пониманием долга. Его долга перед Россией, ведь спасти

императора для него означало спасти будущее. Да и мысль о смерти была размытой, он прекрасно понимал, что от судьбы не уйдешь и умирать надо красиво и гордо, с человеческим достоинством. И с пользой для дела.

— Но тогда уже было слишком поздно, Андрей. Постарайся сделать то же самое, но намного раньше, в двадцатом году. Пусть Дальневосточная Республика станет не красным «буфером», а белым. Только там можно будет удержаться белому движению. Только так сможет возродиться настоящая русская государственность. У красных в этом регионе возможности крайне ограничены, слишком далеко от Москвы... И слишком близка там Япония, учти это.

— Я понял! — Путт был немногословен, а это о многом говорило Фомину. — Я сделаю все, что в моих силах.

— Ты сделаешь больше, Андрей, ты знаешь будущее. Постарайся связать в узелок то, о чем говорили. А Гитлеру проломи голову! Да и Сталину — он до середины двадцатых без охраны ходить будет, сам видел.

— Сделаю, будь надежен... И... Спасибо тебе за все, Федотыч. Я сделаю все, что смогу, и даже больше.

— Хорошо!

Они дошли чуть ли не до парадных дверей. Здесь было почти пустынно, старика-швейцара с консьержкой за стойкой уже не было, как и постового на лавке. Зато наличествовал улыбающийся Шмайсер, а рядом с ним стояла светящаяся от счастья Маша. Они уже успели переодеться и теперь щеголяли в почти новенькой чекистской форме.

Его буквально пригвоздили к месту произошедшие с Машей изменения: она стала другой. Где та хрупкая пичужка-подросток, которую он, в прямом смысле слова, держал в руках возле шахты?

Внешне, казалось бы, ничего не изменилось, но на него сейчас смотрела взрослая женщина, не девочка, старательно играющая роль женщины, а именно женщина. И движения уже не угловатые — уверенные, с кошачьей грацией... Словно ее подменили...

«Это не она... Кто же ты теперь? Машенька? Нет! Уже Мария».

Ее глаза буквально полыхали огнем, и Фомин сразу все понял. Маша как бы кричала всем: «Завидуйте мне, ведь я стала женщиной и женой, я люблю и любима!» И столько было в ней брызжущей по сторонам жизненной силы, будто второе солнышко в окошко заглянуло.

— Марьюшка! — Шмайсер, улыбаясь, погладил ее по голове. — Идем?

— Марьюшка? — она залилась хрустальным смехом. — Мне нравится! — она прильнула к нему. — Идем же со мной, родненький!

Фомин застыл:

«Марьюшка... Этого не может быть! Куда ж ты нас всех приведешь, девонька? Этого не может быть...»

— Вот уж молодежь! И когда вы только успели?! — прямо по-стариковски заворчал Фомин.

— Да... — замялся Шмайсер.

— Семен Федотович! — Маша вихрем подлетела к нему и крепко обняла. — Я так вам всем благодарна! Вы в меня буквально новую жизнь вдохнули! Что бы я без вас всех делала...

«Жила бы ты сейчас без нас, если бы решила идти своей дорогой! Был у тебя выбор, и ты его сделала! И теперь твоя ниточка судьбы сплетена навсегда с нашими... Я и боюсь подумать, чью ты жизнь уже выбрала из этого клубка, Марья-Марена! И время давно каждому отмеряла... Самое страшное, что ты, Машенька, тут ничего уже не можешь поделать! И не справишься ты с ней, не одолеешь! Она сильнее тебя! И тебя, крохотную яркую искорку, безжалостно задует она, когда придет срок! Что ж, девочка, раз уж ты сумела у нее в этом кровавом безумии вырывать

хоть немного счастья, то наслаждайся каждой минутой...»

— Семен Федотович! — тихо позвала его Маша. — Я вас обидела?

— Иди сюда, дочка! — Фомин взъерошил ее макушку, запустив руку в пушистые локоны.

На мгновение, чуть сильнее сжав пряди, он зажмурился и содрогнулся, наяву ощутив в ладони спутанные, липкие и холодные клочья. Ладонь отпустила волосы сама, и между пальцами снова потек теплый шелк.

— Хм... Кгм... — Фомин закашлялся. — Ну! Ну все!

Маша прижалась к нему еще сильнее. Смешно хлюпнула носом.

— Дочка! — Она положила его ладони на свои щеки, прижала их своими и уткнулась ему в грудь. — Я так счастлива! Это словно сон!

«А ты и так спишь, Машенька! Наяву ты уже лежишь, растерзанный сломанный цветочек, там, в штольне! Ты теперь такая же, как и мы... Ты теперь только свой призрак...»

— Так! — Фомин грозно нахмурился. — Солдат Ермолаева! Отставить телячьи нежности!

Маша вытянулась стрункой, сморщила носик:

— Есть отставить нежности, господин подполковник!

— Обер-лейтенант Шмайсер! — Фомин перевел взгляд поверх Машиной головы. — Делаю замечание за неуставное поведение вашего бойца! Проведите с ним индивидуальное занятие и примите зачеты на знание уставов!

— Есть провести индивидуальное занятие и принять зачеты! — Шмайсер козырнул. — Разрешите идти, господин подполковник?

— Идите!

Маша и Шмайсер с чересчур серьезными лицами, почти что строевым шагом продефилировали мимо Фомина. За спиной Маша повернулась и состроила рожицу. Встретившись взглядом с Путтом, показала ему язык.

— Ну совсем детский сад! — Путт проворчал вполголоса. — Наш волчара скоро совсем в болонку превратится!

— Ревнуешь? — Фомин заговорщицки шепнул ему на ухо и пристально заглянул в глаза.

— Завидую! — Путт печально улыбнулся. — Семен! Она же погубит его... Он ведь, кроме нее, ничего уже не видит!

— Ты чего раскаркался! Скажи еще, баба на корабле — к несчастью! — Фомин посерьезнел. — Эта девочка для него теперь ангел-хранитель! Посмотри, он же не идет — летит за ней!

— Ну, как знаешь... — капитан пожал плечами.

— Займись делом! Мы теряем время! — Фомин похлопал его по плечу. — Руководи тут всем. Сам понимаешь! Шмайсер! — он окликнул уходящих. — Куда людей дел? И где милиционер?

— В каморке сидят, нечего им здесь мельтешить. А постовой за стойкой лежит, помер, сердечный. Тех упырей в фургон запихали, не сюда же трупы волочь. По дороге в ближайшую канаву скинем.

— Очень хорошо! К телефону никто не рвался?

— Никто! По номерам сидят, как мыши в норках. Я кадетов снаружи по углам поставил, ежели кто попытается через окна вылезти — шлепнут немедленно. Пока тихо. Но чую, Федотыч, убираться отсюда надо, а то до греха недалеко! Мало ли что...

Фомин криво улыбнулся:

— Иди уже! Еще один чуятьель на нашу голову!

Мысль Шмайсера полностью отвечала его собственным предчувствиям. А потому он решил действовать немедленно, не дожидаясь окончания сборов императора и его маленькой свиты.

Пора было взрывать здание ЧК и уносить из города ноги.

— Садись в авто с «начинкой», Машу с собой рядышком. Я в кабине «Бюссинга» буду, мы первыми пойдем. Все строго по плану, только ты вместо Путта действуешь. Сможешь?

— Загнать туда машину и рвануть?! — с бесшабашной веселостью в голосе спросил Шмайсер и даже зажмурился от предвкушения. — Запросто сварганю. Ты, главное, постовых покончай и ворота мне открой. Попович страховать будет?

— Да. Думаю, справится казак.

— Конечно, сможет! Да и Маша поддержит, если что. Так, лада?

— Да, Феденька, да, ладушка. Семен Федотович, — девушка умоляюще прижала кулачки к груди, — я все сделаю! Правда-правда...

— Да верю тебе, верю, Валькирия ты наша! Ты только меня подстрахуй, внимание отвлеки. Мы их вдвоем с тобой живо «приголубим», — Фомин улыбнулся. — Только ты, Федор, Маше еще раз объясни, как ей надлежит действовать. А Попович ворота тебе откроет, если те... Ну, ты понял?

— Ага! Жаль, ДШК поддержки не окажет...

— Моих в кузов сажай — номерами. Федот пулеметчик опытный, ДП махом осилит, да и с «крупняком» справится. Семен пусть ему ленту подает. Ты уж только поясни им, как стрелять и, главное, когда. Идите, время дорого. Я тут за вас цербером немного побуду.

Шмайсер и Маша улыбнулись и тут же вышли за дверь. А Фомин закурил папиросу, медленно выпуская клубки сизого дыма. Услышав шаги, он с улыбкой подумал об отце и себе, таком еще молодом.

Наверное, они и идут сейчас, легки на помине, с лестницы уже спускаются. Фомин живо повернулся и поманил к себе рукой отца, что нес в руках отобранный у сына «дегтярь» и какой-то саквояж.

— Федя! Шмайсер объяснит тебе, как из той дуры железной, что в кузове за щитком стоит, стрелять. А этот пулемет сможешь освоить? — заметив усмешку в глазах молчавшего отца, он живо продолжил: — Да уж, вопрос глупый. Ты и сам уже понял, по глазам вижу. Сейчас поедешь со мной, только в кузове грузовика. А ты, Сеня, дуй туда же. Там под тентом барон пребывает, он вам объяснит, что к чему. Будешь у отца вторым номером — чтоб ленту к пулемету подавать, большого ума и навыков не требуется. Давайте живенько, мужики, времени мало!

Выпроводив отца и сына за дверь, Семен Федотович достал из кармана карандаш и листок бумаги. Развернув последний, девственно чистый, он на секунду задумался и принялся быстро писать. Строчка за строчкой ложились слова. Фомин торопился — он не только излагал ранее изложенный Путту план, это был своего рода краткий курс истории Гражданской войны и становления СССР. Это было то будущее, которого уже может и не быть, знать про которое императору нужно, крайне необходимо в этом, настоящем времени...

Железные колеса «Бюссинга» жутко гремели, поднимая клубы пыли. Еще было довольно светло, но город словно вымер. Да оно и понятно — жители попрятались по домам, на улицу носа не высывали. Большевики крепко научили пермяков, как комендантский час соблюдать.

Фомин был им даже как-то благодарен в глубине души за эту жесткость. Потому что намного меньше ненужных жертв среди обывателей будет, если им не удастся легковушку во внутренний двор загнать.

Ведь тогда им придется прямо у фасада здания своего «троянского коня» взрывать. Все же десять пудов тротила и динамита штука более чем серьезная. Здание бывшей семинарии устоит — постройка крепкая, стены толстые. А случайным прохожим крупно не повезет — их кишки не только на крыши закинет, но по мостовой на сотни метров раскидает в стороны...

«Словно косой идет война по людям! — перед его глазами стояло счастливое лицо Маши. — Грех я взял на душу, великий грех! Нужно было гнать эту девчонку, погибнет ведь! Не сейчас, так потом! Нам просто не суждено выжить! Надо же... Как все сложно и одновременно просто... За минуту она получила то, чего могла не получить за всю жизнь! Может, зря я так? Она-то сейчас счастлива, и Федор счастлив! За эти мгновения пьянящего блаженства и жизнь не жалко отдать! Нет! — он тряхнул головой, уверенный в собственной правоте. — Не могут они умереть! Дело даже не в том, что я не вижу *тени* на их лицах... Не может такое счастье оборваться! Это против самих законов природы! Жизнь-то, она завсегда побеждает смерть! Может, действительно Маша её одолела? Одолела своим диким, сметающим все преграды на пути счастьем и желанием жить... Жизнь всегда, и они с Федором пример этому, побеждает смерть! Зима кончается, и наступает весна! Из крохотной искорки разгорается пожарище! Солнце садится, но оно же и всходит! Не бойся, девочка! Потерпи немного, пока это все не кончится, и живи! Ты это заслужила...»

— Добрались! — Максимов крепко сжал руль.

— Сигналь громче, свои же приехали. — Фомин пихнул локтем водителя, придерживая в ладони пулеметный ствол ДТ. На этот раз он вооружился основательней и боеприпасами изрядно запаса — круглые патронные диски были набросаны даже на полу кабины. Да и униформу в очередной раз поменял, став красой и гордостью Балтийского флота.

— Тормози здесь, Иван Трофимович, не доезжай до ворот. Тогда Шмайсер на своем авто мимо нас туда заехать сможет.

Грузовик выпустил густую струю вонючего дыма, дернулся и остановился. Максимов тут же высунулся из кабины и помахал рукой постовому, что стоял у наглухо закрытых ворот.

— Открывай, Ваня, свои! Приехали!

Постовой, молодой парень в нахлобученной не по-летнему времени солдатской папахе, медленно снял винтовку с плеча и трижды, с секундными интервалами, громыхнул по обитой железом воротине.

— Петро, открывай засов — товарищ Мойзес прибыли!

Фомин прыгнул из кабины и вразвалку, с чисто морской расхлябанностью, двинулся к часовому.

— Твою мать, с осьминогом пьяным в клюзе! Все колени затекли. Пойду пройдусь немного!

Между тем створки ворот стали медленно расходиться в стороны, открывая темное зевот. Проезд во двор самого жуткого здания Перми был свободен, и у Фомина учащенно забилося сердце.

Немыслимая беспечность охраны его несколько удивила, но Семен Федотович тут же нашел этому объяснение — Мойзес не лгал, у него действительно была страшненькая репутация даже в среде этих упырей. А потому тормозить его машины и тем более проверять документы постовые не стали. Их было всего двое — наружный и внутренний часовые, но сейчас они оба придерживали тяжеленные створки распахнутых настежь ворот. И это обрадовало Фомина — так их ему с Поповичем убивать будет удобнее.

И не успел он подумать, как с другой стороны «Бюссинга» появился казак в такой же матросской форме — тоже ноги «размять» решил.

— Товарищ! — парень вперился взглядом в подошедшего к нему Фомина. — А ты кто? Из новеньких?

— Ага! — безмятежно отозвался Фомин и подошел вплотную, уже держа за спиной выдернутый из ножен кинжал. На долю секунды ему стало жалко этого паренька — с прыщеватым лицом и милым вологодским оканьем в голосе. Молодой еще — даже не

почувствовал приближение смерти.

Он мгновенно изгнал вспыхнувшую жалость из сердца — был бы нормальным парнем этот часовой, трудился бы в родном селе, деток бы растил, а не при Чека подвязался бы.

— Ты это чего? — голос часового дрогнул.

Видно, в лице его промелькнула жестокость, и паренек это заметил. Он хотел еще что-то спросить, но Фомин тут же нанес удар кинжалом прямо в сердце, зажав ладонью открывшийся от нестерпимой боли рот.

И в который раз увидел, как стекленеют в смертельном ужасе глаза. И с хрипом покидает душа мертвое тело с последним его судорожным выдохом. Будь проклята на веки вечные война. За то, что она заставляет человека убивать себе подобных...

Негромкие хлопки «парабеллума» с навинченным глушителем Фомин еле расслышал — Шмайсер газанул, и его автомобиль прошел впритирку рядом с «Бюссингом».

— Маша, поддержи ворота, я отволоку тело!

Фомин взмахнул клинком, стряхнув с него капли крови. Шмайсер притормозил, а Маша тут же привстала с сиденья, открыла дверцу...

Бах! Бах! Бах!

Три громких выстрела взорвали вечерние сумерки. Эхо отразилось от стен и обрушилось на мостовую. Девушка глухо вскрикнула, и какая-то непонятная сила откинула ее обратно на сиденье. Изломанно повисла на дверце маленькая рука.

И разом будто приостановилось время, секунды не побежали, а потекли густой патокой. На застегнутой кожаной куртке девушки, почти напротив сердца, он разглядел два фонтанчика, тихо брызжащих темной, почти черной кровью. Третий фонтанчик брызнул на виске, и разлетевшиеся светлые волосы густая кровь превращала в спутанные, липкие, темные...

«Этого просто не может быть! — до разума только сейчас дошло чудовищное понимание случившегося. — Не может быть!!!»

И словно ледяная безжалостная рука сдавила сердце Фомина, обдала его лютым холодом, от которого даже бывалые мужики каменеют. Слишком большой у него был опыт, чтобы сразу понять — так вскрикивают и падают безвольной куклой только тогда, когда приходит смерть.

Звенящую тишину разорвал полный жуткой тоски нечеловеческий стон, переходящий в вой. Стон, который издает последним смертельно раненное животное:

— Маша!!!

Разум еще осмысливал случившиеся, а рука уже выхватила ТТ из кармана. Фомин увидел в темноте, чуть в глубине за распахнутыми воротами, фигуру человека. И тут же последовал очередной грохот револьверного выстрела, затем еще один, а яркие вспышки осветили проезд.

В ответ прогремела длинная очередь ППШ, привычная слуху, пронзившая сгустившуюся от каменных зданий темноту. Шмайсер стрелял метко — фигурку третьего часового словно смело, ее отбросило к стене, и тело тут же упало на дорогу.

Время внезапно убыстрило свой ход, и только сейчас Фомин опомнился. Весь план полетел к чертям, тихо не вышло. Хуже того — Маша, Машенька, доченька... Кто ж знал, что там таится третий. Или Мойзес обманул, или произошла накладка, и пост в самую последнюю минуту был усилен. А может быть, и дикая случайность, просто кто-то из начальничков решил проверить караульных. Скорее всего, последнее — стреляли в Машу из офицерского нагана-самовзвода...

— Ты что делаешь?! Тебе не хватит времени вернуться!!!

Фомин обернулся на выкрик Поповича и обомлел. Шмайсер, постаревший за какие-то секунды, с искаженным черным лицом, по которому текли слезы, сильно рванул чеку замедлителя. Раздался легкий хлопок, и тут же над его рукой поползла струйка дыма.

— Прощайте, братцы! Я уже потерял одну любовь, и ни за что не покину другую! Она моя!

Батя! Держи, мне он уже больше не потребуется! Марьюшка, я иду к тебе!!! Я уже иду...

Чисто машинально Фомин поймал автомат, брошенный ему сильной рукой Шмайсера. И тут же на громкой визгливой ноте взревел мотор, автомобиль дернулся и бешено рванулся в открытые ворота.

— Леша! Все, уходим! Уходим! Трофимыч, газуй, милый! — он дико заорал, не боялся нарушить тишину.

Да какая там тишина — внутри двора слышались выстрелы, там уже подняли тревогу. Фомин вспрыгнул на подножку «Бюссинга» и завалился на сиденье. Попович стремглав рванулся и запрыгнул в кузов, подхваченный руками отца с сыном. Грузовик взревел мотором и дернулся. И тут же в голове защелкал секундомер — замедлитель был настроен Путтом ровно на двадцать секунд.

«Марена! Когда же ты насытишься? — Фомин до боли сжал автомат, по щекам текли обжигающие слезы. — Будь ты проклята!»

— Простите меня! — застонал он, сцепив зубы.

Дрогнувшей рукой он еще успел перекрестить поворачивавшую за угол машину Шмайсера.

— Простите нас... И прощайте!

Это был его выбор, его и ее... И Фомин сейчас понимал его, понимал всем сердцем — жить без Маши тот уже не смог бы, не такой он человек.

— Прощайте, дети мои, царствие вам небесное! — Фомину на миг показалось, что это он шепчет сквозь стиснутые зубы, но, повернувшись к водителю, сразу же понял, что ошибается. По морщинистому лицу Ивана Трофимовича текли слезы — это была и его боль...

Машина прогрохотала мимо центрального входа, и Семен Федотович поднял автомат.словно по заказу высокие двери распахнулись, и на тротуар вывалилось уймище солдатских гимнастеров и кожаных курток.

Грохнул винтовочный выстрел, и Фомин тут же резанул по толпе чекистов одной длинной очередью, полностью опустошив магазин. Патроны он не экономил, но стрелял недолго, из неудобного положения, ухитрившись извернуться в обратную сторону.

Груженую машину словно хлестанули, как призового рысака плетью — она сильно затряслась и забренчала, рискуя на полном ходу рассыпаться на части. Чекистов буквально смело свинцовым ураганом, разбросав изрезанные и искромсанные тела.

Стекла в здании лопались с чудовищным перезвоном, от каменной стены густой пылью полетела кирпичная крошка. Крупнокалиберный пулемет захлебывался смертоносным ревом, куда там слабеньким «дегтярям» или автоматам. И тут сиденье под Фоминым ушло куда-то в сторону, а тяжелый «Бюссинг» подбросило на мостовой, как пушинку. И уши тут же заложило грохотом чудовищного взрыва...

Все было как в прошлый раз, и он испытал своеобразное дежавю. Знакомая пристань, маленькая площадь перед ней, полукружье каменных и деревянных домов.

И два парохода, большой с бортовыми колесами и маленький буксир, что лениво дымили трубами, качаясь на медленно текущей темной воде широкой Камы. И три баржи, две из которых были под завязку набиты служивым людом: латышами в длиннополых шинелях и помятых фуражках, красногвардейцами в картузах и кепках да матросами в коротких черных бушлатах и бескозырках. На третьей посудине высился утыканный заклепками броневик с двумя пулеметными башенками, типа «Остин» — это Фомин определил сразу, довелось ему в свое время на таких машинках поездить. Рядом с бронеавтомобилем стояло трехдьюмовое орудие с зарядными ящиками, еще парочка каких-то повозок и мотоцикл неизвестной конструкции. Изрядная мощь для одного батальона в три сотни штыков. Это был отряд, направляемый местным ВРК для борьбы с белыми под Уфой.

Погрузка на суда еще не закончилась — с десятка два разношерстных начальников продолжали толпиться на пристани, суетились потихоньку да оживленно галдели, как грачи на свежевспаханном поле. И немудрено. Красные были ошарашены мощным взрывом и неожиданно начавшейся и быстро замолкнувшей пулеметной стрельбой и еще пребывали в полном замешательстве. Их командиры, собравшиеся кучкой на пристани, никак не могли решить, что делать. То ли погрузку заканчивать и отправляться по назначению, то ли всем собравшимся людом к зданию Губчека бежать...

— Вовремя мы прибыли, Трофимыч! Разворачивайся к ним кормой и тормози! — Фомин криво улыбнулся и, высунувшись из кабины, оглянулся.

Вдали над домами ярчайшим куполом стояли багровые сполохи пожарища, темное вечернее небо быстро застилала черная дымовая туча. Фомин мстительно сжал зубы до хруста — не напрасно погиб Шмайсер, устроил местным чекистам апокалипсис.

— Во дворе бочки с бензином стояли, да в дощатнике ящики с патронами штабелировали. Вот потому и полыхает знатно! Быстро разгорелось — и пяти минут не прошло, — водитель сплюнул, выругался и завертел баранку, разворачивая «Бюссинг» задней частью к пристани. Затормозил, но мотор глушить не стал, тот вхолостую дымил.

— Однако все, ваше высокоблагородие! Я сделал свою работу, теперь вы свою делайте!

— Сделаем!

Фомин выпрыгнул из кабины, зажав в руках тяжелый ДТ, и быстро огляделся по сторонам. На их грузовик не обратили никакого внимания — ну приехал «черный ворон», ну и черт с ним. У команды Мойзеса могут быть тут свои заботы!

А это было как раз на руку, ведь сзади каких-либо служивых не было, а потому нападения с тыла ожидать не приходилось. Ладненько вышло, как по заказу. Причалы, пристань, речные лоханки — все было перед ними как на ладони. Сотня метров — даже для ручных пулеметов кинжальная дистанция, а крупнокалиберный пулемет на таком расстоянии любой легкий танк или броневик навывлет прошивал. И заняли они позицию для фланкирующей стрельбы, самой выгодной для пулеметов.

Рядом с грузовиком стояла широкая крепкая лавка со спинкой, и Фомин быстро установил на ней пулемет. С ДТ невозможно стрелять с рук, необходим упор — тяжеловат пулемет, с сильной отдачей. В глаза сразу бросилась свежая надпись, выскобленная ножом на сиденье. Судя по французским словам, писал кто-то из образованных. Но вот если исходить из содержимого текста, то автор явно из гимназистов, причем не из числа отличников по учебе и

поведению.

Надпись поминала большевиков крайне нехорошими словами — «мерде» и «бугр». И, несмотря на ситуацию, Фомин хмыкнул — с «дерьмом» он был согласен, но вот как быть с термином «педерасты»? Если брать моральный аспект, то возражений у него не имелось, А если физический, в прикладном ракурсе? Но филологию офицер тут же выкинул из головы, не время было с ней морочиться.

Сейчас они большевиков познакомят с другими словами — чисто русскими, матерными. Фомин принялся командовать, выигрывая драгоценные секунды. Внезапность огневого налета должна быть полной.

— Трофимыч! Тащи мне все диски! — Он присел на одно колено и прижал приклад к плечу.

Позиция была удобная — люди на барже были как на ладони. Но стрелять офицер не стал, требовалось еще раз оглядеться да распределить цели. Рядом, у поваленного набок заборчика, старший Фомин ставил на сошки ДП и по извечной крестьянской бережливости выложил рядышком стопкой три диска, похожих на очень толстые блины.

— Ба... Э... Братка! Эй, Попович?! Готовы?

— Всегда готов! — браво отозвался из кузова казак, вспомнив свое пионерское детство.

— К открытию стрельбы готов, ваше высокоблагородие! — несколько старорежимно, чисто по-уставному негромко отозвался отец.

Старый служака не мог просто иначе, хоть и брат приказывает, но сейчас он подполковник, а потому приказания следует выполнять беспрекословно.

— Сперва режим тех, кто кучкой на пристани стоит. Там начальство с комиссарами. Попович! Потом сразу обстреляй броневик и пройдишь по пароходам. Выведи их из строя. Ясно?

— Так точно, господин подполковник!

— Ты... Федя! Стреляй по второй барже, я по первой! Бей короткими, пулемет при длинных очередях на сошках ходит, точность падает. Трофимыч! Ты диски нам подноси!

Фомин прижал пулемет и поймал в прицел людские фигурки. Те стояли относительно спокойно, только оживленно переговаривались да размахивали руками. На грузовик они не обратили ни малейшего внимания — ноль эмоций, фунт презрения. А такая беспечность сейчас была на руку.

— Ну, с Богом, мужики! Покажем им, где раки зимуют!

Оглушительное и свирепое рыканье крупнокалиберного пулемета полностью заглушило слаженную трескотню двух «дегтярей». Свинцовые струи за считанные секунды начисто выкосили собравшихся на пристани, как острая литовка с одного взмаха подрезает пучок осота. Вот только скошенная трава ровно ложится, а сейчас человеческие тела мгновенно изломало и расшвыряло по всей пристани.

Боекомплект ДШК составляли пули БЗТ — бронебойно-зажигательно-трассирующие, предназначенные для обстрела самолетов, легкой бронетехники, автотранспорта, деревоземляных укрытий. А потому любое попадание такой тяжелой пули, да еще с фосфорной начинкой, калибра в 12,7 мм, для гомо сапиенса заканчивалось фатально — конечности отрывало напрочь, головы лопались как переспевшие арбузы, туловища кромсало на куски, только ошметки во все стороны летели.

Раненых почти не было. Повезло, если применимо такое слово, лишь тем, кто заполучил обычные винтовочные пули калибра 7,62 мм. Если не убивало, был шанс выжить, оправиться от ранений. Дохлый шанс, учитывая невысокий уровень медицины, но все же имелся...

Он лихорадочно перезаряжал пулемет, стараясь не прикасаться к горячему стволу — 63 патрона, имевшихся в диске, ДТ выплюнул за считанные секунды. Смотреть по сторонам было

некогда — в прицеле мельтешили люди на барже.

Несколько человек, самые понимающие и ушлые, сразу, при первых выстрелах, попрыгали в реку. Однако большинство красных пребывало в растерянности, а потому бестолково суеилось.

Именно в эту копошившуюся массу вонзилась пулеметная струя — крики, полные животной боли, вопли, хриплая ругань на секунду заглушили треск ручных пулеметов.

Затем снова заговорил ДШК, и у Фомина окончательно заложило уши, но он продолжал стрелять, суежливо поменяв и выпустив тремя очередями еще один диск. И только после того как впустую щелкнул затвор перегревшегося пулемета, а на палубе изрешеченной баржи горами лежали расстрелянные в упор красногвардейцы, он поднял голову и осмотрелся.

Натворили дел их три пулемета, да оно и не могло быть иначе. Стреляли практически в упор, внезапно, по беспечному противнику.

Маленький буксир заметно кренился, на нем весело плясали яркие языки пламени. На третьей барже чадил «Остин» — был хорошо виден истыканный наподобие дуршлага броневой борт. Повозки ДШК искромсал, а мотоциклетку превратил в грудку искореженного металла.

Но на большом пароходе команда быстро сообразила, что их ожидает. Буксирный конец на баржи был отрублен, и судно, отчаянно шлепая по воде гребными колесами, испуская клубы черного дыма, довольно резво пыталось выйти из-под обстрела.

ДШК яростно лупил по уходящему пароходу. Разъяренными пчелами полетел целый рой красно-зеленых трассеров, впивавшихся в палубные надстройки.

«На, Марена! На! Подавись! Ты же этого хотела! — Фомин в злобе сжал зубы. — Принимай свою жертву! Это все — теперь твое капище! Вся страна теперь твое черное, залитое кровью капище...»

Двух лент, по полсотни патронов каждая, хватило за глаза. На корме понемногу разгорался небольшой пожар. Кое-кто из робких матросов попрыгал за борт — вода теплая, до берега близко. А вот ответной стрельбы команда не вела — Фомин не видел коротких вспышек. Слышать он уже не мог — временно оглох от непрерывной стрельбы.

Повернувшись правее, Фомин понял, что избиение младенцев для них окончилось и начинается бой. На второй барже были не обычные красногвардейцы, ничего не умеющие и необстрелянные — типичное пушечное мясо. Нет, туда погрузились матерые волки, хорошо дравшиеся еще в Первую мировую даже под напором вышколенных германских зольдатен.

Ландскнехты революции, как они себя называли, мать их до седьмого колена. Наемники, жестоко дравшиеся в кровавой русской междоусобице, причем за щедро выплачиваемое им большевиками русское золото.

Правда, потом для них придумали такой хитрый термин, как «пролетарский интернационализм». Большевики по отношению к себе, горячо любимым, не особо приветствовали, когда называли подобные вещи своими именами...

Латыши пришли в себя и начали отстреливаться из винтовок. На палубе баржи часто-часто замелькали вспышки, похожие на огненные цветки. И стреляли хорошо — борт и тент «Бюссинга» густо усыпала целая россыпь пулевых отверстий. Да и скамейке досталось, спинка которой украсилась дырками и выбитой щепой, что дикобраз иголками.

Между тем, латыши от обороны перешли в наступление. Добрых два десятка солдат смело бросились в воду, намериваясь добраться до близкого берега. Оно понятно — желание подавить пулеметы и отомстить разгорячило латышей. Зря говорят, что прибалты флегматичны — просто их надо хорошо разозлить и расшевелить, вот тогда мало не покажется.

От реки доносилась хриплая ругань на непонятном языке. Большинство солдат барахталось в воде, но некоторые уже шли по грудь, держа винтовки над головами. Хорошо, что ранее баржу

отвел от берега буксир и она стояла в полусотне метров — Фомин облегченно вздохнул. У него было полминуты, а этого более чем достаточно. Теперь он мог помочь отцу, пулемет которого не справлялся в одиночку.

Фомин переместился, сел поудобнее, поймал в прицел медленно бредущих по воде латышей. Злорадно ухмыльнулся.

— В Чапая играть будем, ребятки? Кто не доплывет, я не виноват!

Длинная очередь секанула по воде шеренгой всплесков. Двое солдат исчезли под темной гладью, но остальные с упорством, достойным лучшего применения, продолжали рваться вперед.

Фомин дал еще очередь, кого сразил, не увидел, потому что затвор предательски лязгнул — патроны кончились.

— Твою мать! — что-то сильно кольнуло щеку, он машинально коснулся ладонью раны.

Нет, повезло — кто-то из латышей опять попал в лавку, и отколовшаяся щепка прошла мякоть навывлет, уткнувшись в десну. Рот наполнился кровью.

— Тьфу! Сопак, васу мать!

Фомин выплюнул солоноватую кровь, резко выдернул длинную щепку из щеки. И принялся лихорадочно перезаряжать пулемет, отчетливо понимая, что не успеть ему, никак не успеть. Рядом взрыкнул и осекся ДП — у отца тоже закончились патроны, и требовалось время на перезарядку.

— Усе, трензеля мне в задницу! И чумбур на шею! Щас они нас возьмут за шкворку! Вдарят под бочину шенкелями. Ну, су...

В бою многие солдаты бранятся, крепкое слово и душу облегчает, и позволяет несколько абстрагироваться от происходящего. Иначе человеческая психика просто бы не вынесла того чудовищного кошмара, замешанного на людской крови и боли, который является неизбежным спутником войны.

Ругаются все — от фельдмаршала до рядового, кто реже, кто чаще. Но брань повсеместна, и относятся к ней легче, чем в мирное время, исходя из житейской мудрости, что ругань на воротнике не виснет. Не был исключением и Федот Федотович Фомин, старый солдат.

Тем паче гусары, что всегда вычурно выражались, чисто по-кавалерийски. Да и поведение у них было отнюдь не монашеское, достаточно знаменитого Дениса Давыдова вспомнить...

Дослушать ругань отца он не успел, как снова потерял чудом появившийся слух. ДШК извергнул из себя длинную очередь — и по воде резво пошли фонтанчики. И этого нового ужаса латыши перенести уже не смогли. Они дружно побросали винтовки из рук и в страхе принялись нырять, надеясь под водой найти спасение от неминуемой смерти.

Фомин облегченно, будто десятипудовый груз с души упал, вздохнул — Попович пришел на выручку вовремя. И стрелял казак сейчас не хуже Шмайсера.

Десанта можно было больше не бояться — без винтарей они не вояки. И только сейчас ощутил, какой благостным бывает мир без пулеметной трескотни. Хотя до спокойствия и тишины было еще далеко — кругом раздавались хриплые стоны раненых, ругань, веселый треск пожара на буксире глушил крики о помощи. Дым, гарь, все забивающий пороховой запах.

Фомин машинально глянул на свои наручные часы, хмыкнул. Прошло всего пять минут, хотя показалось, что намного больше. Снова посмотрел на реку, и в этот момент на водной глади мощно ухнуло. Яркая вспышка вдали осветила небо и черный корпус разломленного взрывом парохода.

— Как же я забыл, сам же видел, тогда еще, как на него ящики со снарядами грузили. Видать, огонек к ним сейчас и добрался, — пробормотал про себя Семен Федотович и громко крикнул: — Все, мужики! Уходим!

Он вскочил на ноги и быстро накидал в холщовую сумку пустые диски. Их никогда не бросали, из пулемета без магазина-то не выстрелишь. Рядом завозился и усталый отец, собравший свои диски и с трудом взваливший ДП на плечо.

— Федя! Лезь в кузов! Сматываемся! Трофимыч! Гони!

Добежав до газовавшего «Бюссинга», Фомин ввалился в кабину — хорошо хоть дверь открывать и закрывать не надо ввиду отсутствия таковой. Свалил на пол пулемет и с облегчением вздохнул.

— С крещением тебя, Ваня! Ты в первом бою побывал!

— Спаси Христос от такой напасти! — глухо отозвался водитель. — Страсти-то какие! Думал, от страха помру!

«Бюссинг» резво рванул, громыхая по дороге железными колесами и чисто по-стариковски дребезжа.

— А ты бы сам пострелял. Когда стреляешь, страх не чувствуется! Так что изучай оружие, Иван свет Трофимович! А...

Грузовик подбросило на камне, и Фомин прикусил себе язык. А потому «откат» закончился, не успев начаться. Он прижал ногой пулемет и взял в руки автомат. Теперь нужно было опасаться какого-нибудь случайного патруля на дороге или слишком ретивых большевиков, поспешивших на стрельбу к пристани или тушить пожар в здании Губчека.

— Диски с патронами к пулемету остались?

— Нетути, все свои «банки» извели, ваш бродь! — Водитель крепко держал руль и уверенно управлял тяжелой машиной, которая на скорости в двадцать верст неслась или неторопливо ползла (тут все зависит от ощущений) в глубине городских улиц.

— Неплохо поработали, — весело констатировал Фомин.

ДШК израсходовал, а от опытного взгляда такое пройти незамеченным не могло, пять лент — две с половиной сотни патронов. Ущерб красным нанесен максимальный, о котором до боя Фомин даже в горячечном бреду мечтать не мог — буксир на дне Камы лежит, пароход взорвался, а вся боевая техника на барже выведена из строя полностью и ремонту не подлежит.

Досталось и живой силе противника. Пять дисков к ДТ — это чуть больше трехсот патронов он расстрелял, не заметив. Свои четыре «блина», что без малого две сотни патронов, израсходовал в бою отец. Полтысячи выстрелов за пять минут, в упор — это что-то! Плюс те из красных, что под крупнокалиберный пулемет подлезли.

Хорошо они поцедили кровушку, уполовинили отрядец. Теперь сотня уцелевших красных, морально сломленных и искупавшихся в речной водичке, вряд ли на Уфу пойдет. Но не только это вызвало ликование Фомина.

Хорошо разгоревшийся в здании ЧК пожар отражался яркими бликами в оконных стеклах, его отсветы плясали на стенах и крышах домов. И это не могло не радовать подполковника — чем больше будет паники и суеты, тем легче будет ушедшим вперед повозкам с императором и Путтом вырваться из Перми.

— Тушат, тушат, не потушат! Заливают, не зальют! — нехорошим смешком зашелся Фомин, припомнив слова из однажды слышанной где-то детской сказки. Возможно, это было сразу после войны с финнами, когда в гарнизоне его пригласили на утренник в детский сад.

— Не потушат! Дотла выгорит бесовский дом! — отозвался Максимов и, ухмыляясь, добавил: — Пожарные части они позакрывали, как наследие царского режима. Как и полицию... А с милицейских толку нет, только расстреливать да грабить они умеют.

Водитель замолчал, он, как еще ранее заметил Фомин, редко разговаривал, сосредотачивая свое внимание на дороге. Молчал и сам офицер, напряженно всматриваясь в пустоту ночных улиц.

Они уже миновали старое кладбище и сейчас ехали по предместью. Потянулся длинный ряд одноэтажных бревенчатых усадеб, пылилась дорога, грузовик трясся и подпрыгивал на колдобинах, истошно лаяли собаки.

«Все, кажись, вырвались из города. Сейчас для нас самое главное — догнать Путта!» — облегченно вздохнул Фомин.

Он не верил, что останется жить, но сейчас начал сомневаться — а видел ли на нем *тень* он сам, только молодой. Ведь впервые, а он это хорошо помнил, *дар* дал о себе знать летом двадцатого...

— Твою мать! Нарвались, ваш бродь. Никак милиция на дороге стоит. — Максимов громко выругался, и Фомин вынырнул из омута размышлений.

Так и есть — метрах в ста впереди стояла пароконная повозка, чуть ли не до половины перегородив дорогу. А рядом с ней солдаты с винтовками — примкнутые штыки чуть поблескивали в ярком свете луны.

Фомин напрягся — остановка неизбежна. И что делать прикажете — то ли чекистом прикинуться, то ли с автомата непонятную заставу расстрелять. После секундных размышлений Фомин выработал третий вариант, который являлся комбинацией двух первых.

— Стойте! Товарищи чекисты! Стойте!!! — высокий милиционер (Фомин разглядел на них нарукавные повязки) вышел на середину дороги и призывно замахал рукой — даже в ночных сумерках узнал, стервец, знакомый всем горожанам грузовик.

— Сбрось скорость, но как начну, сразу газуй, — тихо произнес Фомин и высунулся из кабины, придерживая автомат рукой.

— Что случилось, товарищи? — Милиционеров стояло всего четверо, и Фомин облегченно вздохнул — с таким числом он мог управиться и один. Тем более что трое скучковались чуть впереди, у повозки, а четвертый, тот, кто махал рукой, кинулся к затормозившему «Бюссингу».

Губастый малый, теория Ламброзо как раз про таких писана. Отталкивающая рожа завсегдатая монополюшки, да и запах от него шел, что не приведи бог это такое пить. Отравишься в момент.

— Что случилось в городе, товарищ?! Взрывы, стрельба...

— Контрики выступили! На грузовике катаются, всех из пулеметов стреляют!

— Неужто?! Ух, волчья сыть! — Троица живо подбежала, с рычанием выплюнула слова: — На куски рвать будем!

— А на каком грузовике они ездят? — губастый попытался уточнить информацию.

— На этом, братец, на этом!

От таких слов красные милиционеры впали в секунднй ступор. Было грешно упускать такую возможность, и Фомин нажал на спусковой крючок шмайсеровского ППШ. Автомат задержался в руках, выпустив длинную очередь. Бил практически в упор, а потому промахов не было.

Пули впивались в живые тела, и все — искра, вдохом Господа переданная, тушилась раскаленным свинцом. В глазах убиваемых милиционеров вначале появлялось удивление, вскоре сменяемое выражением какого-то сокровенного понимания. Тела падали в пыль, корчились в агонии — из пробитых отверстий толчками плескалась черная кровь.

— Чего хотели, то и получили! — Фомин брезгливо сплюнул на дорогу.

Радости на душе не было — это не бой, а избиение, и не солдат, а законченных садистов. Все манеры и вид незадачливых милиционеров говорили о том, что они привыкли расправляться с беспомощными и уstraшенными жертвами и помыслить не могли, что кто-то осмелится дать им сдачи. Так в жизни зачастую и происходит — если наглецу дадут по морде, то хамство сразу же меняется вежливостью, а если его безжалостно убивают, то многие сволочи всерьез

задумываются о своем дальнейшем поведении.

Жалко, что всех большевиков, выпустивших на свободу звериные инстинкты, нельзя подвести к единому для них знаменателю...

В живот сильно ударило что-то чудовищно обжигающее, отбросило на стенку кабины, и лишь долей секунды позже Фомин услышал хлесткий звук выстрела. Глаза видели вспышку, густой клуб дыма, но характерного лязга досылаемого затвором патрона не донеслось. Только непонятный скребущий звук, словно что-то переломили. Мозг еще осмысливал, но руки уже вскинули многократно потяжелевший автомат, а непонятно от чего резко ослабевший палец с трудом потянул спуск...

Был еще пятый, был. За лошадьми стоял. А потом вышел, прицелился, выстрелил и попал ведь, сука. Прямо в живот. Фомин хрипло застонал — не столько от боли, сколько от нелепости происходящего.

Получил заряд картечи в живот из охотничьего ружья — на ременной пряжке свинцовые шарики оставили вмятины, зато насквозь пробили ремень и порвали танковый комбинезон. И сочилась теплая кровь, хоть Фомин и прижал к животу чистую холстинку.

Секундная оплошность Поповича вечером стоила жизни Машеньке, а ночью и ему самому. Но Фомин не ругал казака за то, что не прикрыл, не подстраховал. Да и чего ругать — от судьбы ведь не уйдешь, зов Марены он слышал, но зря себя обманывал. Во сне она ведь его два раза звала к себе, а значит, до восхода солнца не доживет. Судьба!

Он часто видел, как люди умирают от полученных ранений, и мозг прямо вопил — хана тебе, братец! Если бы винтовочная пуля, то был бы шанс выжить, только до хирурга бы вовремя добраться. А так, с пятью дырками в животе, внутри кишки разорвало, и еще в этих ранах кожа от ремня, обрывки грязного обмундирования. Заражение крови ему обеспечено, и ни один врач уже не поможет, только агонию затянет.

Но вот страха в душе не было, лишь спокойное понимание неизбежного да горящий от боли живот. И еще теплая рукоять ТТ в кармане — только бы успеть встретиться с императором, а там можно и пулю в лоб пустить...

— Может, я тебя к врачу с рассветом отвезу, есть у меня в городе знакомый. Жинку мою пользовал, соседа, — тихо сказал Максимов, повторно предлагая помощь. — Помрешь же, а мужик ты хороший, ваш бродь!

— Ты своего знакомого под монастырь подвести хочешь?! Красные всех врачей в городе сегодня же с утра перешерстят. А до вечера я не дотяну, да еще растрясло меня порядком, все нутро огнем горит. Нет, Трофимыч! Все! Хана мне полная! От таких ранений не выправляются... Отвоевался я, что тут скажешь...

Фомин сцепил до хруста зубы — резь и жгучая боль в животе усилились. Пот заливал глаза, он плохо видел дорогу. Но знал, что развилка с тем прищученным днем постом уже близка, дотянуть бы, дотерпеть. А там можно и пулю в лоб, уйти от страданий и этой лютой боли.

— А вот и дом, наша пролетка стоит. И фургон!

Словно сквозь липкий туман донесся радостный голос Максимова. Но тут же прорезалась в нем растерянность и послышался затаенный страх.

— Там еще одна повозка, чужая. И люди везде лежат! И кони в упряжке убитые! Да что ж такое деется?!

Слова водителя резко встряхнули и подействовали на как сильное обезболивающее. Император?! Что с ним?

Фомин рывком очнулся, схватил свой ППС, щелкнул затвором. Рукавом вытер пот со лба и глаз. Собрав все силы в кулак и сжав зубы, кое-как вылез из остановившегося грузовика. И онемел, разглядывая сквозь расступающиеся сумерки летней ночи чудовищную по восприятию

батальную картину. Здесь был бой, именно бой, и ничто иное.

Ноги сгибались в коленях, почти не держали тело, но Фомин торопливо обежал взглядом знакомые повозки. Своих он узнал сразу — у колеса фургона привалился спиной хромой капитан, сжимая крепкой хваткой «Льюис» с толстым, словно самоварная труба, стволом.

Диск был снят, видать, офицер хотел его перезарядить, да получил пули в грудь. Но и чужих, в солдатских гимнастерках, одной очередью троих скосил — чуть ли не шеренгой полегли.

Мальчишки-кадеты жили друзьями и погибли вместе. Но винтовки из рук не выпустили. У одного затвор отдернут — пытался перезарядить, но тут пуля в голову попала. Затылок — кровавая каша.

У фургона вся императорская свита полегла — двое под тентом, а секретарь Джонсон успел выпрыгнуть, тут его пуля и поймала. Не повезло англичанину, крепко не повезло.

Но вот тел императора и Путта Фомин не нашел, хоть и вглядывался в трупы с замиранием сердца. Зато чужих было много — троих с пулемета срезали, двоих гранатными осколками настигало, еще трое явно из ППШ свинец получили — в траве матово блестело под лунным светом множество гильз. У Фомина отлегло от сердца — автомат был только у Путта, и если капитана с императором нет среди убитых, то они наверняка живы. По договоренности тот должен был уволочь Михаила Александровича в безопасное место, а в бой вступать только по необходимости.

И тут ноги подкосились, и он буквально рухнул на примятую траву, прислонившись к колесу фургона. Боль с утроенной силой принялась терзать его тело. Не сдержавшись, он громко застонал.

— Ты ранен, Федотыч?! Как же тебя так угораздило под пули попасть?! Давай перевяжу! — знакомый голос Путта выдернул Фомина из состояния беспомощности.

— Император жив?!

— Жив и здоров, я его в кустах неподалеку спрятал, как шум услышал. Сейчас подойдет. Чем это тебя?

— Картечью из дробовика один жахнул. Гад...

— Руку отведи, я гляну. Ты же старый солдат, не от таких ран оправлялся...

Голос Путта был наигранно бодр, но это только оправдывало поставленный самому себе диагноз.

— Ты ваньку не валяй, гауптман! Знаешь, что у меня сейчас в кишках творится?!

Молчание капитана стало самым красноречивым ответом. Молодец, конечно, с пустыми утешениями не лезет и клятвами не клянется, как красная сволочь делает — типа, отомстим кулакам за смерть героя-пионера Павлика Морозова. И понимает, что раненый обузой не станет — рукоять ТТ под ладонью хорошо видел, даже глаза не отвел. Только понимающе в ответ улыбнулся.

— Что случилось-то здесь?

— Встречный бой! Мы сюда ехали, и они сюда. В какой-то деревеньке или кулаков гоняли, или ревком к власти ставили. Нас за городскую контру приняли и сразу стрелять стали из винтов и маузеров.

— Понятно! Можешь не продолжать. Шмайсер здание ЧК рванул, сам! Машу на его глазах убили. С ней и уехал. Понятно?

— Да! — капитан еле слышно скрипнул зубами.

— Мы еще красных на пристани жутко потрепали, Попович два парохода утопил, броневик изрешетил. А мы с отцом латышей уйму в упор порезали. Потом их сам расспросишь...

— Как вы себя чувствуете?

Глаза подошедшего Михаила Александровича светились тревогой. Но более ничего не спросил, только вздохнул тяжело. Понимающе.

— До утра не доживу! А потому возьмите в кармане записку. Она вам, государь, предназначена. Вы генерала Миллера хорошо знаете?

— Евгения Карловича?

— Значит, хорошо. Там про него и графа Келлера, что третьим конным командовал, написано. Сообщите им!

Фомин с трудом вытащил записку окровавленными пальцами и протянул ее императору. Скривился от приступа боли и с трудом проговорил, выталкивая из горла слова:

— А ты, Путт, Лешку позови, поговорить нужно...

— Не сможешь ты с ним поговорить, брат! — надтреснутый отцовский голос глухо прозвучал в темноте. — Когда в машину залез, он еще жив был. В дороге помер. Отмаялся, сердечный. И сына моего убили — латыши с баржи последними выстрелами, прямо в сердце. Сразу насмерть вбили, мгновенно. Что я теперь матери скажу?

Спросил без надрыва, тяжело сев рядом, и взял Фомина за холодеющую руку. Сжал крепко. Путт с Михаилом Александровичем переглянулись и отошли в сторону, не стали мешать.

— Теперь еще брата теряю! Не успели встретиться, и на тебе...

— Не брат я тебе, не брат. Сын я твой! У него, — Фомин с трудом показал на Путта рукой, — потом все спросишь. Он тебе расскажет. На мою левую руку глянь! Ты мне ее в детстве переметным крючком распорол и сам же заштопал. Да глянь же, свою работу посмотри...

Отец быстро оттянул рукав танкового комбеза и молча уставился на изломанную линию шрама. Что-то пробормотал непонятное себе под нос, вскочил, чуть ли не побежал к грузовику.

Через минуту вернулся, шаркая и сгорбившись — растерянный, бледный как мел, на голове белели прежде смоляные пряди.

— Я ничего не понимаю! — Отец присел на коленки и снова взял левую руку. Впился глазами. — Надеюсь, ты объяснишь мне, что происходит?!

— Я из будущего, батя! — тихо сказал он и выплюнул кровавую кашицу изо рта. — Зажали нас на Поганкином Камне в сорок третьем, вот я и сделал...

— А-ах ты ж! Вот в чем дело! — отец отчаянно замычал и стукнул ладонью себя по лбу. — Ты ж от деда, знающий. Вот оно как... То-то оружие у вас странное, на гильзах звездочки, и будущие года выбиты. Победила, значит, совдепия, а вы с большевиками заново задрались. Так?

— Так... Медаль свою одну доставай, что в сапоге прячешь, в холстинку завернутые. «Романовскую»...

Отец даже не удивился. Молча снял сапог, вытащил сверточек, развернул — в лунном свете блеснуло серебро. Положил на траву единственную темную медаль, вопросительно посмотрел на сына.

— С груди у меня... Сними такую же. Ты мне ее в тридцать пятом оставил. Тебе капитан потом все расскажет...

Отец расстегнул танковый комбинезон. С нескрываемым удивлением посмотрел на орденский «иконостас». Углядел нужную медаль и бережно отцепил ее с груди.

— Брось на свою сверху... Только рукой не касайся!

Отец немедленно выполнил странную просьбу, и не успел металл звякнуть, как яркая вспышка осветила смертельно бледное, с впавшими глазами, лицо Фомина.

— Одна и та же вещь, из прошлого и будущего... Они не могут вместе быть одновременно, в настоящем... Потому погибли Попович и Шмайсер. И я сам... И молодой, и старый...

— Но я еще пока жив! — отчетливо прозвучал в тишине растерянный голос Путта.

— Попович родился в январе, а Шмайсер в феврале... А ты когда на свет появился? Мы ж тебе в июле именины в Локте еще отмечали...

— Ты хочешь сказать... Ими беременны их матери, они уже в животах, а меня родители только планируют зачать.

— Или не планируют... Если ты по залету на свет появился, — через силу улыбнулся Фомин, но добавил серьезно: — Тебя этот мир не отторгнет, Андрей, потому что тебя здесь нет...

— Сеня! — Путт умоляюще взглянул. — Ну делай что-нибудь! Ну, ты же не можешь так просто сейчас умереть! Ну, заговори кровь себе... Рану очисти...

— Ты же сам сказал, помнишь, я не факир цирковой... И картечь зубами я вынимать не умею...

— Это Федор говорил... — Путт обхватил в отчаянии голову.

— Ладно, Федор... Поздно, Андрюша... — Фомин тяжело поднял глаза. — Я уже свой долг отработал... Я свободен теперь... Зовите императора... Сил больше нет... Умираю уже...

Михаил Александрович молча подошел, следом за ним подтянулся и Максимов. Четверо мужчин молча смотрели на пятого, мучительно умирающего от ран прямо на глазах.

— Мы все полегли... Спасая тебя, государь... И Маша, и мальчишки... Ты за нас теперь жить будешь... Запомни это... Идите в Забайкалье, к атаману Семенову... Спасайте Россию!.. Еще ничего не предрешено... Меня, молодого, принесите... Во вспышке уйду... Может, в наш мир вернусь, в Поганкино капище... Это не смерть моя, а исход...

Путт с Максимовым принесли тело из грузовика. Положили рядом на траву. Фомин от боли уже не мог пошевелиться, только еле слышно прохрипел:

— Россию спасайте!

И на последнем издыхании рванулся к желанному освобождению от боли, свалившись на себя самого, сегодня убитого. И тут же его сознание затопила яркая вспышка...

«Я иду к тебе, Марена!..»

Пермь, 14 октября 1918 года

— Здравствуй, товарищ Мойзес! Как дела? — вошедший в палату крепенький человек в новенькой скрипящей кожаной куртке и с пронзительными глазами чуть сморщил в брезгливой гримасе нос.

Он недолго любил лечебницы с их неистребимым запахом вонючих лекарств и умирающей плоти. И не дело молодому большевику, ниспровергателю отжившего старого мира, в такое время в больнице лежать.

— Здравствуй, товарищ Бокий. Уже лучше, — сидящий в кресле больной, одетый в пижаму с протертыми рукавами и накиннутый поверх нее заштопанный медицинский халат, сделал вид, что пытается подняться с кресла.

— Что ты? Сиди, сиди! Тебе выздоравливать надо! Янек твоим здоровьем крепко обеспокоен! — в голосе слышалось сплошное участие, вот только взгляд сразу же вильнул в сторону.

Глебу Бокию, начальнику ВЧК Северной области, лично пытавшему и отправившему на тот свет немало контриков — мужчин, стариков, женщин и подростков, — смотреть на сидящего в кресле человека было трудно из-за подступавшей к горлу тошноты.

Искривленная шея выносила подбородок далеко над правым плечом, а потому приходилось смотреть на Мойзеса сбоку, чтобы видеть лихорадочный блеск его левого глаза. На месте правого ока и носа был проложен жутковато багровый рубец шрама с черными дырками ноздрей. Верхняя губа на середине разорвана, а потому два центральных резца выдавались вперед, демонстрируя заячий оскал. Вместо привычной кучерявой черной шевелюры — ободранный, весь в струпьях и ямках, череп. Прямо живая Адамова голова — символ бессмертия...

— Ну, если ты хорошо себя чувствуешь...

— Я тебя внимательно слушаю, давай к делу, не просто так пришел! С моим докладом ознакомился?! — несколько грубовато перебил Бокия Мойзес, и его единственный глаз гневно прищурился.

— Ну, к делу так к делу, — покладисто согласился начальник ВЧК, но вот его улыбка была весьма нехорошей. — Я внимательно ознакомился с твоими показаниями... Вернее, с твоей запиской, что ты изволил продиктовать две недели тому назад, когда пришел в сознание. Меня заинтересовал один момент, связанный с полковником Фоминым, Семеном Федотовичем. Так?

— С подполковником...

— Это не имеет значения, — теперь Бокий показал власть и перебил Мойзеса.

«Дружба дружбой, но табачок врозь» — так говорится. А они не приятели, а товарищи по делу, тем более в таком деле. Однако Бокий ему тут же и улыбнулся — долг, конечно, платежом красен, но обострять отношения с искалеченным чекистом, пролежавшим в больнице почти три месяца без сознания, а до того чудом выжившим в шахте, он без нужды не хотел.

— В конечном итоге, — он понизил голос до шепота, — то, чем мы занимаемся... Тут не то чтобы ни одна живая душа, тут даже ни одна мертвая душа ничего знать не должна!

Бокий заметил, как нервно задержалась щека Мойзеса.

— Ну да ладно! Я просто хотел уточнить один момент. Когда офицер наклонился над тобой, полы его черной куртки разошлись, и ты увидел на его груди какие-то странные знаки, похожие на наградные. С пролетарской символикой. Так?!

— Да, это так.

— А ты сможешь более подробно описать эти знаки? — вкрадчиво спросил Бокий, но снова вильнул глазами, встретившись с пронзительным оком сидящего чекиста.

— Три неизвестных мне знака — один круглый, беловатый в середине, снаружи окаймлен серебряным венком из листьев. В центре изображена красная звезда лучом вниз. Между лучей выглядывают молот и лемех плуга. Отдаленно похоже на нашу красноармейскую звездочку. Сверху красное знамя, с девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Знамя закрывает два верхних луча звездочки. На венке внизу отчеканены буквы РСФСР — я не ошибаюсь. За этим знаком были прицеплены еще два. В виде пятилучевой красной звезды. Я их разглядел лучше, намного лучше, их было два, потому и запомнились.

Мойзес закрыл уцелевший глаз и содрогнулся всем телом — он вспомнил до малейших деталей тот страшный для себя день.

— В центре серебряный медальон с изображением солдата в остроконечном шлеме, держащего в руках винтовку наперевес. Вокруг такой же девиз — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Внизу отчеканены буквы СССР, ниже них серебряные серп с молотом. Мне показалось...

— Что показалось? — переспросил Бокий, когда пауза затянулась. Мойзес открыл глаз, пронзительно сверкнувший на мгновение.

— Я видел эту форму на императорских складах. Ее сделали для гвардии. Суконный шлем с острым верхним шишаком.

— «Богатырка»?! Так, по-моему, этот шлем называется. Сейчас рассматривается вопрос, чтоб одеть в эту форму наших красноармейцев.

— Так! — Мойзес чуть кивнул головой. — За «звездами» была медаль, на маленькой прямоугольной колодке. И весь кругляшок закрывала пятилучевая звезда. Красная...

Мойзес говорил еле слышным голосом, единственный глаз был закрыт желтым веком. Он тщательно припоминал, и это было для него делом нелегким — пальцы рук, лежавшие на накинутах поверх колен клетчатом одеяле, чуточку подрагивали.

— Под ней римская цифра двадцать. Именно так мне показалось сразу, а не две буквы ХХ. Под знаками с «пролетарской» символикой были два георгиевских креста с медалью. Серебряные. И еще одна медаль — вроде династическая, когда триста лет Романовым отмечали. На больших колодках. И все — более ничего не было.

Бокий прошелся по комнате, взглянул в окно — желтая листва усеивала внутренний двор, свидетельствуя о приближении зимы.

— «Унылая пора, очей очарованье...» — процитировав классика, начальник ВЧК приблизился к Мойзесу, сунул руку за пазуху и извлек небольшую коробочку, обитую красным бархатом. Открыл крышечку.

— Посмотри на это внимательно.

Мойзес взял коробочку, вытащил задрожавшими пальцами небольшой знак, приблизил его к уцелевшему глазу. И еле слышно вскрикнул, выронив из рук. Желтое лицо чекиста смертельно побледнело.

— Тебе знаком этот орден? — нетерпеливо, но не резким, а скорее молящим голосом воскликнул чекист.

— Да, знаком. Но тот был вроде потерт, эмаль потускнела чуть, будто от долгого ношения.

— Хватку ты не потерял, товарищ Мойзес. Глаз-алмаз остался...

— Только один и уцелел, — криво улыбнулся чекист и чуть более громким голосом спросил:

— А что это за орден?

— Боевого Красного Знамени. Недавно учрежден Советом Народных Комиссаров. Состоялось и первое награждение — ровно две недели назад.

— Как же так?! — внезапно охрипшим голосом чуть ли не закричал Мойзес. — Я не могу ошибаться, я видел именно этот орден. Только чуть иной...

— Поношенный?!

— Да, такой.

— Странное дело, — задумчиво проговорил Бокий и снова начал мерить шагами палату. — Имеет место быть белый офицер, подполковник, носящий под курткой пролетарский орден, которого на тот момент времени нет даже в эскизах. Не рисовали его еще, ибо не думали учреждать...

— Есть еще одна странность, — хриплым голосом в тон отозвался Мойзес. — Почему подполковник вместе с этим орденом носит другие знаки с пролетарской символикой. Ты о таких знаках знаешь что-нибудь? Или о медали со звездой?

— Ничего подобного. Мы специально запрашивали секретариат СНК. А этот орден нам выслали всего на три дня. По личному ходатайству товарища Дзержинского. Специально тебе для опознания.

— Меня удивляет другое. Почему вместе с нашим орденом и другими знаками этот полковник носит награды для нижних чинов? Причем без пальмовой веточки на колодке, положенной офицерам в семнадцатом году.

— Откуда ты знаешь это?

— Допрашивал одного ротмистра в марте, он мне и пояснил, за что офицеров солдатскими крестами награждали, да с каким отличием.

— То-то и оно, товарищ Мойзес. А почему не Владимир с мечами или белый крестик Георгия?!

— Вижу, и ты неплохо разбираешься, товарищ Бокий!

— Пришлось тут, — усмехнулся начальник и достал из кармана сложенный лист бумаги. — За время твоей затянувшейся... хм... болезни, скажем так. Я назначен Дзержинским для расследования, и с этого момента ты поступаешь в мое распоряжение. Вот его мандат!

Мойзес внимательно прочитал бумагу, насупил брови, глядя на размашистую подпись внизу, а потом потер подбородок. Протянул бумагу обратно Бокию, который тут же спрятал ее в карман.

— Я вижу, Янек дал тебе неограниченные полномочия?!

— Да! Ты занимался один, — Бокий сделал многозначительную паузу, в упор глядя на Мойзеса, — крайне серьезным делом, но теперь нам предстоит работать по нему вместе!

— Я не знаю, что тебе сказать... Я три месяца оторван от дел, меня здесь, в этой больнице, держат в слепоте, не отвечают на вопросы. Я имею в виду Поганую...

— Не надо без нужды произносить название. Достаточно одного раза, — Бокий непроизвольно понизил голос до шепота и кивнул на дверь. — Наши товарищи не в курсе дел. Я сейчас тебе покажу некоторые вещицы, крайне прелюбопытные, а ты изложишь свое мнение по этому поводу.

Бокий засунул руку в боковой карман кожанки и высыпал на колени чекисту россыпь гильз, больших и маленьких, бутылочной формы. И с деланным равнодушием отошел к окну.

— Я так и думал, — еле слышно пробормотал Мойзес, вертя гильзы пальцами и снова побледнев.

— Что ты думал? — спокойствие покинуло начальника. Он сделал стойку, как охотничья собака, унюхавшая дичь.

— На донышках гильз цифры от «38» до «42» плюс маленькие звездочки. И оружие у них

неведомое имелось, более совершенное, что ли. Еще бы — между нами почти четверть века разницы. Много воды утекло за эти годы, вернее, утечет... И многое непонятно — красные «звездочки» и «знамя» с «георгиями» и погонами подполковника никак не сочетаются...

Мойзес медленно говорил спокойным до жути голосом, с видимой усталостью, прикрыв веком единственный глаз. И неожиданно прохрипел:

— Говори все как есть, раз мы с тобой одной веревочкой связаны. Мои силы не беспредельны!

И такая стальная властность прорезалась в голосе, что Бокий непроизвольно вздрогнул, будто получил пучком крапивы по обнаженной заднице. Начальственный снобизм будто ветром сдуло, исчезла и некая вальяжность.

— Великий князь Михаил исчез! Но они не только его выкрали, ими почти полностью уничтожен отряд товарища Панченко на пристани. Огнем из пулемета крупного калибра, в полдьюма, как установили по пулям, потоплены два парохода. Полностью истреблены два поста и отряд милиции. Но, главное, чудовищным взрывом частично разрушено и сгорело дотла здание ВЧК. Там погибло около сотни наших людей! Не считая, понятное дело, подследственных.

— Кого-нибудь из этих четверых удалось хоть как-то отследить? Я не говорю убить или поймать, иначе наш разговор был бы иной...

— Нет! Они словно сквозь землю провалились...

— Или через «врата» обратно ушли. Они их умеют открывать, в отличие от нас...

— Они не ушли. Гильзы, что у тебя лежат на коленях, не те, что расстреляны на пристани. Этими патронами неделю назад стреляли восставшие рабочие Ижевского завода. Они подбили броневик пулями большого калибра...

— Это очень хорошо, товарищ Бокий, они дали о себе знать...

— Дали, — с улыбкой произнес начальник ЧК и резко спросил: — Выкладывай начистоту, Лев! Не темни, я же вижу!

— Они из будущего — это ты давно и сам понял, — Мойзес то ли всхрипнул, то ли хихикнул, но, скорее всего, было второе, ибо Бокий видел, в какой страшной заячьей ухмылке скривился рот собеседника.

— Мы здесь победим! И удержим власть! Так что будущее для нас прекрасно. Товарищи в Кремле пусть напрасно не беспокоятся! Так и передай им — Колька Бухарин может не паковать чемоданы!

— Обоснуй!

— А ты сам не сможешь? — с язвительной усмешкой отозвался Мойзес и протянул орден. — Это ключ к ответу! Подумай хорошо!

— На нем отчеканено: РСФСР, — после долгой паузы отозвался Бокий, — а на ордене, скажем так, по аналогии, «Боевой Красной Звезды» уже выбито: СССР. Так?

— В верном направлении идешь, Глеб. Вспомнил «Старика»?

— Да. Ильич часто говорит, что мы должны сбить все советские республики в единый союз. Союз Советских Социалистических Республик. СССР!

— И орден этот учредили сразу же после нашей победы. Ибо масштабы завоеванной нами территории расширились, превратившись в союз.

— И, соответственно, статус «Звезд» выше «Знамени»...

— Ты не прав, — Мойзес немного хихикнул. — Ордена носят по ранжиру, и первыми идут главные. А «звезды» тот подполковник нацепил следом.

— И власть наша удержалась двадцать лет, никак не меньше. Я имею в виду медаль.

— Больше лет на пять. Маркировка на гильзе об этом говорит.

— Но что-то произошло в будущем? Почему этот царский офицерик носит наши ордена вкупе с крестами?

— А с чего ты взял, Глеб, что этот Фомин есть царский офицер? Ты мою записку вспомни!

Бокий оторопело посмотрел на собеседника. Но нет, тот не ухмылялся, лицо было серьезным донельзя, а глаз светился странным блеском. Но молчал, а потому Бокий задумался, припоминая.

— Руки у него крестьянские, в мозолях. Нет холености, не барин он. До войны был в армии, скорее всего унтером, раз «романовскую» медаль получил. Геройством не выделялся, раз полный бант не выслужил, но и не трус — два креста о многом говорят. Унтер-офицер он, потому и кресты без веточек. И в Красную Армию добровольцем пошел, и полком командовал...

— С чего ты взял? — Бокий не удержался от вопроса, который Мойзес будто не заметил, а продолжил размышлять вслух.

— И офицеры с ним весьма любопытные. Немцы. Но в России пожившие, уж больно язык хорошо знают. Одного бароном Шмайсером называли, но, думаю, больше это похоже на прозвище. Не барон он, мордой не вышел. А вот второй настоящий фон, спесь наружу лезет. Выправка прусская чувствуется, хоть и обрусел порядком. Помнишь жандарма, что нас на поселение отправил в юности? Такой же, с шуточками и угрозами, под простенького здорово косит, но раз сорвался, а я это заметил. И называли его гауптманом, а не капитаном. А вот четвертый не офицер — с черными волосами, кучерявый, ноги кривоватые. И говор у него странный, на юге вроде так говорят.

— На юге? Кривые ноги? Может быть, казак?

— Казак? — Мойзес на секунду задумался, вытер лоб рукавом. — Ты прав. Он, скорее всего, казак. И вот эти трое, а они лет на двадцать моложе будут, о многом говорят. Во-первых, когда я упомянул кайзера, немцы глазом не моргнули, а это значит, что не знают они его, без императора выросли, а потому нет у них почтения, не привито оно с детства. А ведь они должны на свет в ближайшие два года появиться. Но служат Германии, а отнюдь не России, иначе бы гауптманом не величали бы. Эх, жаль...

— Чего? — не понял Бокий.

— Шевроны они с рукавов своих курток спороли, пятна остались и нитки торчат. Привязка для нас была бы, а так трудно размышлять. Но можно...

— А что во-вторых?

— А то, что белые удержались в России и создали свое государство. И через четверть века начали с нами войну. Да еще им немцы помогают, но тайно. Вот так-то...

— Ага! — Бокий медленно прошелся по комнате. — Это ты насчет гауптмана, что маскируется под русского?! Похоже... Удержались? Тогда только на юге — там много казаков. А четвертый из них казак. Надо будет сказать Троцкому — Лев эту казачню терпеть не может. И Якову Гольдину — он еще хуже к ним относится.

— У председателей РВС и ВЦИК хватит возможностей решить казачий вопрос, — улыбка Мойзеса не сулила своим оскалом ничего доброго, а лишь одну смерть. — Но мы отвлеклись.

— Я весь во внимании.

— Так вот — когда белые наступать начали, часть наших красноармейцев сознательно и массово изменила. Как сейчас происходит сплошь и рядом...

— С чего ты взял?

— Фомин носит погоны подполковника, но не имеет офицерских крестов с мечами, а только солдатские награды...

— Ты хочешь сказать, что он перешел на их сторону со всем полком, и оттого белые ему

подполковника присвоили?

— Более того — им удалось внести к нам сумятицу. Иначе почему они не запретили ношение советских наград?! Боюсь, что произошло серьезное восстание или мятеж, который поддержали интервенцией белогвардейцы и немцы. Если это допустить, то тогда многое становится ясным. И гауптман, и погоны с нашими орденами, и чин подполковника, и это оружие. И даже то, почему они оказались на Ижевском заводе — они знали о восстании на нем задолго до случившегося.

— Ты прав, — глухо отозвался Бокий. — Но как они попали в наше время?

— Случайно, совершенно случайно. Я думаю, наши зажали их где-то, наподобие того места, где меня нашли. И они *ушли*. Этот Фомин очень много знает, недопустимо много. И его нужно немедленно найти!

— Его нельзя убивать...

— Я не говорил про убийство, сам понимаю, что такого ко... — он помедлил, — я хотел сказать — нужного для нас человека беречь стоит, но держать на привязи. Его найти необходимо — хрен с этим императором, он живой труп. А Фомин *знает*, понятно это. А раз он в Красной Армии служил, то были в нем какие-то мечтания или надежды. Мы должны это понять и помочь их осуществить. И тогда он будет *наш*, с потрохами. А молодых можно и того... Но подполковник нужен живым! Тебе понятно?!

Мойзес вскинулся из кресла и тут же рухнул в него обратно. Бокий видел, что чекист полностью обессилел, а потому решил прекратить разговор.

— Я немедленно доложу Дзержинскому. Мы найдем способ, пусть даже ради этого придется перевернуть все вверх дном. Я тебе это обещаю!